

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В РЕГИОНАХ СИБИРИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В РЕГИОНАХ СИБИРИ**

Ответственный редактор
доктор философских наук, профессор
Ю.В. Попков

НОВОСИБИРСК
Издательство Сибирского отделения
Российской академии наук
2015

УДК 39:316.4+39:323.1
ББК 63.584+60.55+63.585
Э91

Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-03-00417)

Руководитель проекта – *Ю.В. Попков*

Авторский коллектив
*Ю.В., Попков, Е.А. Тюгашев, Е.А. Ерохина, С.А. Мадюкова,
О.А. Персидская, Г.С. Гончарова, В.В. Мархинин
И.В. Удалова В.Г. Костюк*

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор *А.В. Иванов*
доктор философских наук, профессор *Л.В. Анжиганова*
доктор философских наук *Ч.К. Ламажаа*

Утверждено к печати Ученым советом ИФПР СО РАН

Э91 Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / Ю.В. Попков [и др.]; под. ред. Попкова Ю.В.; ИФПР СО РАН. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. – 273 с.

ISBN 978-5-7692-1450-9

Анализируются теоретико-методологические проблемы взаимосвязи этносоциальных процессов и этнонациональной политики. Обосновываются возможности социокультурного подхода в исследовании и регулировании этносоциальных процессов. На основе результатов массовых и экспертных опросов диагностируются состояние этносоциальной ситуации и актуальные проблемы этнонациональной политики в отдельных регионах Сибири.

Для социологов, философов, политологов, этнографов, историков, правоведов, работников сферы управления, а также студентов и аспирантов соответствующих специальностей.

Издаётся в авторской редакции

ISBN 978-5-7692-1450-9

© ИФПР СО РАН, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

После известных событий на Манежной площади в декабре 2010 г. вопросы государственной национальной (этнонациональной) политики вошли в число приоритетных направлений внутренней политики России. Об этом свидетельствуют последующие решения федеральных властей, среди которых наиболее значимыми являются утверждение Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. и Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)», создание Федерального агентства по делам национальностей.

В то же время и сами органы власти, и научное сообщество, как правило, подходят к национальной политике узко, часто сводя ее к регулированию межнациональных отношений, пропаганде идеи единой российской нации и толерантности, профилактике межнациональных конфликтов. Не всегда учитывается весь спектр объективных этносоциальных процессов, реальных условий и возможностей этнокультурного развития, вопросы социального самочувствия и благополучия разных этнических групп. Редко делается акцент на решении социальных проблем, которые чаще всего и провоцируют межнациональную напряженность.

Недостаточное внимание уделяется региональным особенностям этносоциальных процессов и этнонациональной политики. Несмотря на то, что после событий в московском районе Бирюлево Западное в октябре 2013 г. расширены права и ответственность региональных и муниципальных органов власти в решении задач государственной национальной политики, достаточно действенных механизмов для этого не создано.

Настоящее исследование, проведенное под руководством Ю.В. Попкова сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, направлено на осмысление некоторых важных вопросов обозначенного проблемного поля. Его главной задачей является изучение взаимосвязи этносоциальных процессов и этнона-

циональной политики в конкретных условиях региональных межэтнических сообществ Сибири.

В первых двух разделах монографии обсуждаются важные теоретико-методологические проблемы заявленной темы. В частности, уточняется содержание понятия «этносоциальные процессы», которое в научной литературе до сих пор не нашло достаточно аргументированного обоснования. Подробно анализируется взаимообусловленность этносоциальных процессов и цивилизационного развития.

Принципиальная позиция авторов состоит в рассмотрении этносоциальных процессов сквозь призму межэтнических (межнациональных) взаимодействий. Соответственно развитие отдельных этносов и этнических групп предстает как взаимозависимое развитие в рамках локального (регионального) межэтнического сообщества. Межэтническое сообщество интерпретируется как элементарный эмпирический объект в исследовании этносоциальных процессов, а сами этносоциальные процессы, в свою очередь, рассматриваются в качестве основного объекта регулирования в рамках национальной (этнонациональной) политики.

С позиций такой концептуальной установки анализируется исторический опыт России в регулировании этносоциальных процессов, выявляются основы и противоречия современной государственной национальной политики. Обосновываются возможности социокультурного подхода в исследовании и регулировании этносоциальных процессов, в том числе на региональном и муниципальном уровнях управления. Внимание уделяется также региональным приоритетам этнонациональной политики в их обусловленности этносоциальными процессами. На примере коренных малочисленных народов Севера аргументируются необходимость и возможности использования субъектно-ориентированного подхода к решению актуальных проблем их развития с участием государства.

С учетом заявленной концептуальной позиции и возможностей социокультурного подхода в рамках предпринятого исследования предложена новая концептуальная схема проведения мониторинга в сфере реализации задач национальной политики. Она предполагает мониторинг не только собственно межнациональных отношений, на чем обычно делается упор, но также и других явлений, ле-

жащих в основе формирования этих отношений. Поэтому обосновывается необходимость проведения мониторинга этносоциальной ситуации в конкретном межэтническом сообществе.

Эмпирический раздел монографии посвящен анализу динамики этносоциальных процессов и проблем реализации этнонациональной политики в регионах Сибири. Решаются две основные задачи: во-первых, дается общая характеристика этносоциальных процессов в Сибири с акцентом на тенденциях развития этнодемографических, этноязыковых, этнополитических процессов, а также перспектив развития отдельных коренных народов, во-вторых, анализируются этносоциальная ситуация и актуальные проблемы реализации этнонациональной политики в конкретных регионах. В числе последних определены три субъекта Российской Федерации с различающимися конституционно-правовым статусом, уровнем социально-экономического развития, этнической структурой и характером миграционных процессов (Республика Алтай, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Новосибирская область).

Эмпирическое исследование в этих регионах включало в себя анализ данных статистики и документальных источников, проведение экспертных и массовых опросов населения, а также серии свободных и полупримаризованных интервью.

Экспертный опрос (руководитель Ю.В. Попков) проводился в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (май-июнь 2013 г.) и в Республике Алтай (сентябрь 2013 г.). Всего опрошено 175 экспертов (102 чел. – в Югре, 73 чел. – на Алтае), среди них: представители государственных (республиканских, окружных) и муниципальных органов управления, творческой интеллигенции и средств массовой информации, руководители национально-культурных организаций, общественные деятели. Задача исследования состояла в экспертной оценке этносоциальной ситуации и актуальных проблем региональной этнонациональной политики. Авторы методики экспертного опроса: Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев, В.В. Мархинин, И.В. Удалова. Опрос проводили Ю.В. Попков, Е.А. Ерохина, С.А. Мадюкова, О.А. Персидская, И.В. Удалова, И.С. Тарбастаева. Аналогичная экспертная оценка ситуации в Новосибирске была осуществлена ранее в процессе подготовки Кон-

цепции реализации национальной политики в городе Новосибирске (см. Приложение).

Массовый опрос (руководитель Е.А. Ерохина) строился с учетом содержания обозначенного выше мониторинга. Его цель состояла в изучении общественного мнения относительно текущей этносоциальной ситуации в трех выделенных регионах. Конкретно решались три группы задач:

1) характеристика социального самочувствия населения путем выявления степени удовлетворенности представителей разных этнических групп отдельными сторонами жизни, их социокультурных ориентиров, значимости разных видов идентичности (гражданской, региональной, этнической, локальной, глобальной);

2) диагностика состояния и динамики межнациональных отношений, оценка потенциальных возможностей межнациональных конфликтов, проблемных зон межнациональных отношений, установок в межэтническом общении и по отношению к мигрантам с точки зрения респондентов;

3) оценка степени успешности регулирования сферы межнациональных отношений, актуальных задач и приоритетов национальной политики на региональном (муниципальном) уровне, как они отражаются в общественном мнении.

Характер выборки массового социологического опроса – целевая, непропорциональная, стратифицированная. Всего опрошено 1 431 чел., из них: в Республике Алтай – 416 чел. (география исследования: г. Горно-Алтайск, Майминский, Чемальский, Шебалинский, Кош-Агачский районы); в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре – 442 чел. (г. Сургут, г. Ханты-Мансийск, г. Лангепас, Сургутский район); в Новосибирской области – 573 чел. (г. Новосибирск, Кольцово, Чановский район). Массовый опрос взрослого населения из разных половозрастных, социально-профессиональных и этнических групп проходил с апреля по октябрь 2014 г. В выборке представлены все основные группы населения, являющиеся носителями той информации, которая существенно значима для реализации задач исследования. Авторы методики массового опроса: Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев, Е.А. Ерохина, С.А. Мадюкова, О.А. Персидская. Опрос проводили Е.А. Ерохина, Ю.В. Попков, С.А. Мадюкова, О.А. Персидская, И.С. Тарбастаева.

Обработку социологических данных проводили О.А. Персидская (статистическая обработка, подготовка графиков и таблиц), Г.С. Гончарова (статистическая обработка), В.Н. Гришаева (кодировка анкет).

Основное финансирование исследования осуществлялось из средств гранта РГНФ (проект № 13-03-00417 «Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири», руководитель Ю.В. Попков). Дополнительное финансирование массового опроса производилось из экспедиционного гранта РГНФ (проект № 14-03-18032 «Актуальные проблемы межэтнических отношений и этнонациональной политики в регионах Сибири в оценках массового сознания», руководитель Е.А. Ерохина).

Во время экспертных и массовых опросов мы получали постоянную и неоценимую помощь и поддержку от многих людей – работников администраций, специалистов, руководителей государственных и общественных организаций, рядовых жителей. Всем им выражаем искреннюю благодарность.

Раздел 1

ОНТОЛОГИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

1.1. Содержание понятия «этносоциальные процессы»

Два последних десятилетия представители Новосибирской научной этносоциологической школы очерчивают предметную область своих исследований понятием «этносоциальные процессы». Выбор данного понятия едва ли был сознательным, имевшим солидное теоретико-методологическое обоснование. Скорее, он диктовался исследовательской практикой, потребностью найти рамочное понятие для интеграции разноплановых по своей конкретной проблематике этносоциальных исследований в Сибири. Этот выбор являлся интуитивным, но, в конечном счете, как показал опыт широкомасштабных теоретических и эмпирических исследований в этой области, вполне оправдал себя.

Различные составляющие этносоциальных процессов находятся в объективе внимания представителей разных научных дисциплин. Но определяющая роль здесь принадлежит этносоциологии. На особую значимость проблематики прогнозирования этносоциальных процессов для этносоциологии в свое время обратили внимание Ю.В. Арутюнян и Л.М. Дробижева. Констатируя, что этнонациональные отношения далеко не всегда подчинены абстрактной логике и разумным ожиданиям, они подчеркивали: «Люди в большинстве своем до сих пор легко поддаются господствующим нормам (привычного для них) массового сознания, подчас даже независимо от того, отвечают или нет эти нормы их реальным интересам»¹. Этносоциологические исследования, по их мнению, призваны ответить на вопросы, насколько устойчивы традиционные этносоциальные установки и как они соотносятся с оптимальными нормами общественного развития.

---

¹ Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Этносоциология перед вызовами времени // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 93.

В истории человечества этнонациональные отношения, пожалуй, никогда не подчинялись полностью «абстрактной логике и разумным ожиданиям». Разум наряду с другими формами сознания лишь посильно участвует в регуляции этих отношений. Как реальность следует учитывать сохраняющееся господство традиционных этносоциальных установок и норм в массовом сознании. Оптимальные нормы общественного развития должны быть найдены этносоциальным субъектом в арсенале его традиций, которые разнообразны и неоднозначны¹. Отбор, выбор и социальная поддержка позитивных этнокультурных традиций должны стать одной из задач этнонациональной политики.

Фокусируя внимание на традициях, мы с необходимостью обращаемся к представлению об этносоциальных процессах, которые связывают прошлое, настоящее и будущее. Эти процессы имеют длительную историю и подчиняются определенным закономерностям, которые, как разумно предполагать, проявляются и в настоящее время. Изменяющиеся межнациональные отношения постоянно формируют этносоциальные ситуации, применительно к конкретным условиям которых – с учетом актуальных потребностей и ресурсных ограничений – собственно и можно говорить об оптимальных решениях.

Как представляется, актуализация проблемы прогнозирования требует уточнения содержания понятия «этносоциальные процессы» и определения его методологических функций. Это понятие, как это часто бывает, не получило сколько-нибудь строгого обоснования, особенно в контексте соотношения с предметом этносоциологии.

Этносоциальные процессы представляются существенным рассматривать как процессы, протекающие в системе межэтнических взаимодействий в многонациональных обществах. Межэтнический контекст необходим для: 1) выделения отдельного этноса в его специфике, 2) фиксации его внешней этносоциальной среды как исторического условия развития, 3) выбора внешнего эталона при измерении характера социальности и уровня ее развития. Таким

---

¹ Иванов А.В. О вечных устоях в последние времена (философско-публицистические этюды). Барнаул: Изд-во АКОФ «Алтай – 21 век», 2010. С. 172.

образом, этносоциальные процессы немыслимо изучать в пределах одного этноса. Кроме того, следует учитывать собственную внутреннюю (этническую) дифференциированность этноса, который неоднороден уже на уровне племени.

Этносоциальные процессы на протяжении многих лет изучались в отечественной этносоциологии в рамках сравнительного исследования «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций»¹. Очевидно, что в каждом из изученных регионов существовало (и существует в новых условиях) уникальное межэтническое сообщество, межнациональные отношения в котором развивались противоречиво, в их обусловленности как современными ценностями, так и традиционными этносоциальными установками.

Выделение протекающих в отдельных регионах прогнозируемых этносоциальных процессов как важной составляющей предмета этносоциологии предполагает демаркацию этих процессов, понятийную фиксацию их специфики в отличие от собственно этнических процессов, с одной стороны, и социальных процессов – с другой. Этносоциология сформировалась на стыке предметных областей этнографии и социологии, и отечественные этносоциологи изначально ориентировались на исследование сочетания социальных и этнических процессов, на раскрытие их взаимосвязи и взаимообусловленности². Вполне естественно, что пограничность этносоциологии определяла ее предметный дуализм. Изучались как социальные процессы в этнической вариабельности, так и этнические процессы в социальной обусловленности. Поскольку дуальные стороны предмета этносоциологии – социальные процессы и этнические процессы – понимались как отчасти содержащие собственную противоположность, то естественной представлялась интеграция предмета в понятии «этносоциальные процессы».

На необходимость такого понятийного синтеза предмета этносоциологии указывал Ю.В. Бромлей. В монографии, посвященной непо-

---

¹ Арутюнян Ю.В. Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций (Программа этносоциологического исследования) // Советская этнография. 1972. № 1. С. 3–18.

² Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Этносоциология: пройденное и новые горизонты // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 12.

средственно этносоциальным процессам, он, в частности, писал: «...в результате усилий (часто еще разобщенных) представителей различных обществоведческих дисциплин на их стыке сформировалась обширная и устойчивая область знаний, предмет которой – национальные (этносоциальные) процессы, произошедшие и происходящие в нашей стране. И эта предметная область по мере ее исследования предстает перед нами все более и более сложной: не просто суммой отдельных черт, признаков, а многогранной целостной системой»¹. Предназначение понятия «этносоциальные процессы» Ю.В. Бромлей усматривал в отображении предмета этносоциологии в его целостности, системности и в тоже время в многогранности, включающей рассмотрение множества отдельных проявлений.

Системность этносоциальных процессов как предмета этносоциологии может пониматься по-разному. Ю.В. Бромлей, например, считал нужным раскрывать «внутренний механизм» этих процессов через определение «взаимосвязей их этнических и собственно социальных параметров»². Однако отметим одно важное обстоятельство. В предисловии к рассматриваемой монографии, актуализируя проблемную ситуацию, он специально подчеркивал: «К тому же нередко анализ этносоциальных процессов заслоняется изучением собственно этнической проблематики»³.

При дальнейшей эмпирической характеристики протекания этносоциальных процессов Ю.В. Бромлей ограничивается описанием того, что принято относить к этническим (а не этносоциальным) процессам: внутриэтнической консолидации, этнической ассимиляции, межэтнической интеграции, этнической конверсации. Собственно этносоциальные процессы выделить и охарактеризовать, по-видимому, не удалось. Показательно, что в словаре «Этнические и этно-социальные категории»⁴ каждому из обозначенных этничес-

¹ Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история современность. М.: Наука, 1987. С. 162.

² Там же. С. 161.

³ Там же. С. 4.

⁴ Этнические и этно-социальные категории: Свод этнографических понятий и терминов / под общ. ред. Ю.В. Бромлея, С.И. Вайнштейна; отв. ред. вып. В.И. Козлов. М.: ИЭА РАН. Вып. 6. 216 с.

ских процессов посвящена отдельная статья, тогда как понятие «этносоциальные процессы» вообще не рассматривается.

«Неуловимость» этносоциальных процессов стала, очевидно, одним из факторов наблюдающейся фрагментации предмета этносоциологии. Так, уточняя, что этносоциология понималась в 1970–1980-е гг. как дисциплина, изучающая «социальные процессы и явления в разных этнических средах и этнические процессы в социальных группах», Ю.В. Арутюнян и Л.М. Дробижева далее определяют ее предмет как «изучение социальных аспектов развития и функционирования этнических групп, их идентичности, интересов и форм самоорганизации, закономерностей их коллективного поведения, взаимодействий этнических групп, взаимосвязей личности, включенной в эти группы, и социальной среды»¹. Л.М. Дробижева в своих методологических публикациях предмет этносоциологии («в самом широком смысле») описывает еще более дробно: «социальные события, процессы, связи, явления, происходящие в этнически маркированном социальном пространстве»².

Фрагментация предмета этносоциологии – неизбежное явление на первых этапах развития научной дисциплины. Вместе с тем она не должна вести к потере «образа целого». При утрате восприятия предмета этносоциологии как целостности неизбежно возникают эффекты противопоставления дисциплинарных образов. В зарубежной социологии это противопоставление проявлялось в оппозиции «социологии межэтнических отношений» и «социологии развития». Очевидно, что эти дисциплинарные образы не являются взаимоисключающими. Более того, они внутренне интегрированы. Межэтнические отношения возникают и развиваются, а развитие с точки зрения социологии всегда есть развитие общественных отношений, происходящее во взаимодействиях социальных субъектов, которым присуща определенная мера этнической сознательности и самоорганизации.

---

¹ Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1998. С. 13.

² Дробижева Л.М. Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2004. С. 16.

В связи с эмпирическим характером этносоциологии важно выделение ее объекта. Ю.В. Арутюнян и Л.М. Дробижева в качестве такого объекта обозначают «народы, этнические группы в их социальной дифференциации, а также социальные группы с присущими им этническими особенностями»¹. Но Г.С. Денисова и М.Р. Радовель отмечают, что этническая общность является объектом как этносоциологии, так и этнологии, этнографии и культурной антропологии. Как представляется, положение об этносе (народе, этнической группе) как объекте этносоциологии нуждается в уточнении.

Во-первых, объект науки, как правило, является идеальным объектом, идеально-типической конструкцией (например, «идеальный этнос»). Поскольку конструирование идеального объекта определяется системой существенных для данной научной дисциплины идеализаций, то очевидно, что подобные идеализации будут различными для разных дисциплин. Следовательно, этнос в этнологии – это одно, а в этносоциологии или культурной антропологии – другое.

Во-вторых, для этносоциологии принципиально важно, что она изучает не отдельный этнос как таковой, а систему – множество взаимодействующих этносов. Типичное этносоциологическое исследование практически никогда не выступает как этноцентрированное, в отличие, например, от этнографического исследования – исследования, как правило, традиционной (чаще повседневно бытовой) культуры отдельного этноса, реже – группы этносов (существует этнография народов, но не говорят о социологии народов). Соответственно не имеется достаточных оснований для того, чтобы считать объектом этносоциологии этнос как таковой.

Определяя объект этносоциологии как «народы-этносы в их социальном многообразии», Ю.В. Арутюнян и Л.М. Дробижева делают очень важное пояснение: «Этнические группы в социологическом понимании – это сегменты, части общества, члены которых осознают себя (или считаются с точки зрения других) носителями общей культуры и обладают чувством солидарности»². Действительно, в социологическом понимании и этнические группы,

---

¹ Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. С. 15.

² Там же. С. 11.

и этносы – это не только локальные сообщества, но и части мирового сообщества в его этническом многообразии.

Единство общества как множества взаимодействующих этносов – это не абстракция, а реальность социальной сети, исторически первичной формой которой была первобытная этнокультурная непрерывность. Академик А.П. Окладников в свое время показал, что изоляции отдельных групп населения не наблюдалось не только в регионах, объективно благоприятных для взаимных контактов, как, например, в Европе, но и в труднодоступных районах. Обобщив многочисленные археологические данные, он сделал вывод о существовании на заключительном этапе палеолита широкой интеграции этнических культур: «Мир издревле был тесен. С самого начала истории племена и народы соприкасались друг с другом, взаимодействовали, обмениваясь культурными ценностями, внося при этом нечто собственное, самобытное в единый культурно-исторический процесс, в экономическую и политическую жизнь человечества»¹.

А.П. Окладников представляет развитие общества как взаимодействие этносов. Именно такое представление об обществе является, на наш взгляд, основополагающим для этносоциологии. Будучи отраслью социологии, этносоциология тем не менее не отказывается от анализа человеческого общества как целого. Но делает это она под особым углом зрения, рассматривая в качестве его взаимодействующих частей этносы. Для этносоциологии функционирование и развитие общества есть этносоциальный процесс.

Понимание этносов как субъектов общественного развития позволяет избежать соблазна трактовать предмет этносоциологии как некую диалектику социального и этнического. Такое представление предмета этносоциологии было исходным для отечественной традиции².

В чем же неадекватность подобного подхода? Противопоставление социального и этнического бессознательно, стихийно гене-

¹ Окладников А.П. Этногенез и культурогенез // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. Всесоюз. конф. (18–21 декабря 1973 г., г. Новосибирск) / Сиб. отд-ние АН СССР, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск, 1973. С. 5.

² Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР / отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1973. 332 с.

рирует «асоциальное» понимание этничности. «Асоциальность» этнического может пониматься, например, натуралистически, что нашло определенное отражение в позиции примордиализма. В этноцентристической перспективе этническое также может восприниматься как «антиобщественное», например относимое исключительно к «варварам». Как подчеркивает Е.Л. Торопова, вплоть до конца XIX столетия в сложившейся тогда терминологической традиции «своя культура этнической быть не могла»¹. В XX в. «асоциальное» понимание этничности стало постепенно преодолеваться, но егоrudименты находят проявление как в биологизаторских трактовках этничности, так и в отсутствии внимания социологов к этносам докапиталистических эпох.

Исторически сложилось так, что этническое понимается двояко: во-первых, как другое по отношению к обществу и, во-вторых, как другое по отношению к данному отдельному обществу. Напомним, что социальное также понимается двояко: в широком смысле – как общественное, в узком смысле – как относящееся к отдельной (социальной) сфере общественной жизни.

С позиций социологии как науки об обществе этносы, которые попадают в поле ее зрения, безусловно являются общественными «телами», воплощающими в себе тотальность социума, всех сфер общественной жизни. В этом отношении правомерно говорить об этносах как разновидности локальных человеческих сообществ. Будучи внутренним моментом социального, этническое является также социальным. Поэтому некорректно говорить о взаимосвязи «этнического» и «социального» как внеположных друг другу субстанций. Все этнические параметры являются «собственно социальными», а все социальные параметры фиксируются у конкретных этнических объектов.

Понятие этносоциального процесса в данном контексте не выглядит парадоксальным. С одной стороны, казалось бы, если этническое есть модус социального или, наоборот, если социальное есть интегральный эффект взаимодействия этнического, то наблюдается излишнее удвоение субстанций. Но, с другой стороны, образ этно-

¹ Торопова Е.Л. Дух американства и маргинальная этничность // США – Экономика, политика, идеология. 1998. № 11. С. 74.

социального процесса как протекающего в рамках этноса социального процесса (то есть взятого в его этнической модальности) уже не представляется противоречивым. Это «микроскопический» этносоциальный процесс. Соответственно, в качестве «макроскопического» этносоциального процесса может рассматриваться целокупный социальный – всемирно-исторический – процесс, носителями которого являются этносы.

В настоящее время образ мирового сообщества как организации объединившихся в своем историческом движении наций стал нормативным. Таким образом, можно говорить о том, что этнонациональные общности в своих конкретно-исторических взаимодействиях поддерживали социальный процесс и обеспечивали его поступательное развитие.

Понимание предмета этносоциологии как этносоциального процесса не является единственно возможным и исключающим другие его представления. Так, изучение национальных и межнациональных отношений было магистральным направлением в этносоциологии с самого начала развития этой дисциплины. Если отношение понимается не социально-психологически, а в теоретико-социологическом смысле как развивающееся взаимодействие, то его процессуальная интерпретация вполне возможна и необходима.

Феноменологически этносоциология изучает и другие этносоциальные явления, которые могут быть концептуализированы как этносоциально определенные события, движения, взаимодействия, отношения, процессы, взаимосвязи, закономерности, системы и пр. Но это не фрагменты предмета этносоциологии, как может показаться на первый взгляд, а сам этот предмет на различных ступенях его развертывания.

Репрезентация предмета в абстракциях – это скачок в развитии науки, знаменующий возникновение данной научной дисциплины в собственном смысле слова. После своего становления в соответствии с познавательными задачами, решаемыми в научной деятельности, предмет последовательно проходит ряд фаз развития. Предметную природу будут иметь те научные конструкты, которые фиксируют объектную основу данной науки как целое. Они могут делать это с большей или меньшей степенью абстрактности и конкретности, однако для каждого уровня развития науки именно эти понятия вы-

ступают в качестве основы для выведения более частных и производных понятий. Этносоциология, следовательно, не ограничивается первоначальной фиксацией предмета, так сказать, в первом приближении. В процессе теоретического осмысления поэтапно генерируется не один предмет, а становящаяся последовательность предметов науки, различающихся степенью конкретизации первоначального, предельно общего и абстрактного образа объекта. Как следствие, ни один из этих предметов не может быть отброшен (или пропущен) без достаточных на то оснований как в теоретическом, так и в эмпирическом этносоциологическом анализе.

Естественно, возникает вопрос о соотношении базисных понятий, фиксирующих предмет этносоциологии. Поскольку предмет науки развертывается как целостность в поэтапном познавательном движении, то «сборка» предмета этносоциологии должна осуществляться не «по горизонтали» (суммативно, «в куче»), как, например, сборка фрагментов мозаики, а «по вертикали» – в виде «лестницы сущностей», на которой не пропущена ни одна гносеологически необходимая ступень познавательного движения.

Как пример неудачной фиксации предмета этносоциологии можно рассматривать положение Ю.В. Бромлея о том, что этносоциология изучает особенности этнических изменений в различных социальных группах и своеобразие социальных изменений в различных этнических средах, у конкретных народов¹. Не получается ли так, что этносоциология изучает только «изменения»? А как же «результаты национальных процессов и отношений», «внутренний механизм этих явлений»? В этой ситуации закономерно возникает вопрос: что же изучает этносоциология: процессы или изменения? Допустимо ли ограничиваться описанием комплекса взаимосвязанных изменений?

Различение категорий «изменение» и «процесс» было осуществлено в XIX в. В настоящее время категорией процесса характеризуется совокупность необратимых, взаимосвязанных, длительных изменений. Указание на необратимость процесса неявным образом фиксирует опосредованность происходящих изменений покоям, сохранением, устойчивостью. Комплекс, серия изменений всегда обу-

---

¹ Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы... С. 161.

словлены покоем. Конкретное тождество изменения и покоя может быть зафиксировано понятием момента (движения). Как бы движение не шло от момента к моменту, само это движение, маркированное моментами, совершается в каком-то порядке. В результате процесс категориально определяется как система моментов движения.

Таким образом, изменение не тождественно процессу. Кроме изменения процесс включает в себя также покоем. Следовательно, ограничивать предмет этносоциологии взаимосвязью этнических и социальных изменений значит исключать из него «результаты» изменений, «отношения» и т.п. С помощью понятия изменения предмет этносоциологии конструируется половинчато, в отрыве от дополняющей его до целостности стороны. Понятие процесса имеет статус базисного понятия, поскольку способно отобразить объектную основу этносоциологии как целое, в единстве изменения и покоя.

Множественность моментов движения не отрицает того, что само движение в целом как единство (тождество) покоя и изменения есть также момент (движения более высокого порядка). Движение, зафиксированное как момент, может, на наш взгляд, рассматриваться в качестве некоторого «тела». Таким образом, «тело» правомерно интерпретировать как определенным образом организованный процесс, а процесс – как систему находящихся в движении «тел». Циклически повторяющийся этносоциальный процесс структурируется в иерархию внутренних и внешних по отношению к нему процессов (подпроцессов). Совокупность этих этносоциальных процессов в своем кругообороте составляет этносферу социума. В обществе как процессе этносоциального движения «телами» являются этносы. Броуновское движение этносов в этносфере Земли может создать впечатление хаотичности, беспорядочности, обратимости и ненаправленности этносоциальных изменений. Вместе с тем, на наш взгляд, в этносоциальном развитии наблюдаются определенные регулярности.

Так, трансъевразийские миграции народов происходили преимущественно в европейском направлении (т.н. западный дрейф). Роль Азии как «генератора народов» и «родины родин» многих европейцев позволяет зафиксировать определенную общность населяющих Евразию народов. Одной из таких значимых характеристик является кочевой хозяйствственно-культурный тип, превращенной эко-

номической формой которого, как предполагает постмодернизм, стал капитализм. Таким образом, этносоциальные процессы в Евразии имеют не только стабильную территориально-пространственную организацию, но и поступательный характер, генерирующий новые формы социальности при сохранении результатов предшествующего развития. Особую роль в поддержании устойчивости этносоциального развития имеет этнокультурный ландшафт.

Географический детерминизм философии Нового времени связь ландшафта и этноса фиксировал односторонне. Евразийцы обратили внимание на взаимосвязь, т.е. двустороннюю связь ландшафта и этноса. В частности, П.Н. Савицкий писал: «Однако в определенной степени и в определенных случаях также расы и расовые признаки должны быть рассматриваемы как принадлежность месторазвития: раса создается, возвращается месторазвитием и в свою очередь определяет его; месторазвитие формует расу; раса выбирает и преобразует месторазвитие. Несомненен тот факт, что при посредстве перечисленных и подобных им процессов культурные традиции оказываются как бы вросшими в географический ландшафт, отдельные месторазвития становятся культурно-устойчивыми, приобретают особый, специально им свойственный культурный тип...»¹ В другой заметке он указывал: «Культура нарастает в месторазвитие и потому передается в известной степени позднейшим наследникам страны. Задача заключается в том, чтобы точно определить степень и форму этой передачи...»²

Евразийцы уловили «земной» характер культуры этносоциальных организмов. В самом широком понимании культура есть развивающееся единство ландшафта и этноса в их качественной специфике, взаимообусловленности и интегральности. Этническая культура объективируется в культивировании природы местообитания, в культурном ландшафте. Соответственно, каждый автохтонный этнос является субъектом месторазвития, а его представители – консолидированные местообитанием и солидарные в мест-

¹ Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 289–290.

² Савицкий П.Н. Русские среди народов Евразии (методологическое введение в проблему). URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn11.htm>

развитии – носителями общей культуры, специфицирующей отдельный этнос по отношению к другим этносам.

Этносоциальный процесс как таковой, в его абстрактной неопределенности, репрезентируется развитием общества как этносоциальным процессом в масштабе Земли, т.е. глобальным этносоциальным процессом. В этой связи заметим, что одна из последних работ Ю.В. Бромлея, написанная вместе с Р.Г. Подольным, имеет характерное название «Человечество – это народы»¹. Составляющие глобальный этносоциальный процесс конкретные подпроцессы (различного уровня и масштаба) могут быть эмпирически выделены посредством их локализации, т.е. привязки к ландшафтам.

Иначе говоря, отдельный этносоциальный процесс выделяется и дифференцируется не по этническому или по социальному основаниям, а по локализации. Поэтому обычно говорят об этносоциальных процессах в отдельных регионах страны или мира. Такой подход позволяет зафиксировать целостность локального межэтнического сообщества, его развитие во взаимодействии конкретных этнических групп. Описание этносоциального процесса, следовательно, должно включать описание взаимозависимого развития ряда этносов (этнических групп), составляющих локальное (региональное) межэтническое сообщество.

Территориализация региональных этносоциальных процессов может выступать одним из объективных оснований для их маркировки. Наиболее известен в этом отношении европейский процесс – процесс интеграции национальных государств в рамках Европейского Союза.

Институциональная форма современной динамики европейского процесса отчасти скрывает его этносоциальное содержание, которое обычно описывается как романо-германский синтез. В более общем виде можно предполагать, что генетическим механизмом воспроизведения социальности в этносфере локальной цивилизации является базисный для нее и циклически повторяющийся этносоциальный синтез. Воспроизведение социальности систем субцивилизационного порядка осуществляется через частные этно-

¹ Бромлей Ю., Подольный Р. Человечество – это народы. М.: Мысль, 1990. 391 с.

социальные синтезы, снимающие и воспроизводящие позиционированные по отношению друг к другу этничности.

Иерархия этносоциальных синтезов выстраивается по принципу обрачивания и снятия противоположностей, погружающего их актуальное противоречие в основание системы. Например, генетическая клеточка российской цивилизации может усматриваться не только в славяно-тюркском, но и в предшествующем ему славяно-финно-угорском синтезе. Более внимательный анализ системогенеза российского социума, несомненно, дает возможность выделить иные генетически значимые частные этносоциальные синтезы: славяно-норманнский, греко-славянский и т.п. Выявление различных разновидностей этносоциальных синтезов, по-видимому, также можно рассматривать как способ спецификации этносоциальных процессов. При таком способе региональная локализация межэтнического сообщества предполагается известной, а внимание акцентируется на ведущих этносах, которые во взаимодействии определяют его динамику.

Европейский процесс является одним из этносоциальных подпроцессов в системе евразийского процесса, а последний – в системе глобального этносоциального процесса. Отдельные этносоциальные процессы и подпроцессы взаимосвязаны и могут быть адекватно поняты с учетом своего места в глобальной этносоциальной сети.

Маркировать эти устойчивые этносоциальные процессы удобнее всего по территории протекания. На наш взгляд, можно говорить об Алтайском процессе, направляемом в настоящее время Международным координационным советом «Наш общий дом – Алтай». В какой-то мере обоснованным может быть выделение Саянского процесса, Байкальского процесса и других подобных процессов, в рамках которых на протяжении столетий развиваются и разрешаются характерные для регионов региональные противоречия.

Подводя общий итог, можно сделать вывод, что в качестве определяющего компонента в предметной области этносоциологии правомерно рассматривать развитие общества как этносоциальный процесс. Этносоциальные процессы не тождественны этносоциальным изменениям. Пониматься они должны не как взаимосвязь социальных и этнических процессов, а как система трансформации взаимодействующих этносоциальных общностей. Типология этно-

социальных процессов, соответственно, должна осуществляться по генетически значимым для региональных межэтнических сообществ этносоциальным синтезам, а маркироваться они могут по территории своего протекания.

1.2. Этносоциальные процессы в развитии цивилизации

Проблема соотношения этносоциальных процессов и развития цивилизаций актуализировалась в связи с известными феноменами «этнического ренессанса» и «столкновения цивилизаций». Этносоциальные процессы, усиливаемые активными миграциями, достигают такого масштаба, что воспринимаются как угроза существованию ближних и дальних локальных цивилизаций. Фронтальное «столкновение цивилизаций» разворачивается, в свою очередь, как на транснациональном, так и на национально-государственном уровнях.

Именно так представляет конфликт цивилизаций С. Хантингтон: «Таким образом, конфликт цивилизаций разворачивается на двух уровнях. На микроуровне группы, обитающие вдоль линий разлома между цивилизациями, ведут борьбу, зачастую кровопролитную, за земли и власть друг над другом. На макроуровне страны, относящиеся к разным цивилизациям, соперничают из-за влияния в военной и экономической сфере, борются за контроль над международными организациями и третьими странами, стараясь утвердить собственные политические и религиозные ценности»¹.

Этносоциальные и цивилизационные процессы обычно рассматриваются относительно независимо друг от друга, как бы параллельно и на различных уровнях абстракции: первые – как более частные, конкретные, вторые – как более общие, метаэтнические процессы. Распространенное представление о цивилизации как наиболее универсальной социокультурной метаэтнической общности выступает основанием для обозначенного разделения исследовательских дискурсов.

Методологически оправданная дифференциация структурных уровней самоорганизации человеческого общества выдерживается

---

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политология: хрестоматия / сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. С. 761.

далеко не всегда. Понятно, что цивилизации и этносы – это социокультурные общности разного порядка. Но, несмотря на соответствующее общепринятое концептуальное разграничение, в эмпирических описаниях и классификациях часто допускается смешивание конкретных этносов и цивилизаций.

Так, отдельные этносы могут позиционироваться как цивилизации (например, русский народ или японцы), а цивилизации – презентироваться одним из этносов (например, конфуцианская цивилизация – китайцами). Допускаемое в ряде случаев А. Тойнби непосредственное отождествление этносов и «задержанных цивилизаций»¹ (эскимосской, османской и пр.) может быть мотивировано необходимостью выделения ранних, простыхprotoцивилизаций, но это отождествление существенно упрощает онтологию всемирно-исторического процесса, так как ведет к редукции качественной специфики социокультурных общностей разного порядка.

Вопрос о том, насколько значима позиция, обосновывающая качественную специфику, дифференциацию этносов и цивилизаций, не есть только академический вопрос: он значим для прогнозирования и ориентации в социально-политической практике. Между тем неустойчивость и непоследовательность в дифференциации уровней этносоциального и цивилизационного анализа может приводить к существенным аберрациям в оценке реальной ситуации.

Так, С. Хантингтон, полагая, что основные линии конфликтов в Новое время пролегали между нациями, а в будущем именно столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики, вместе с тем утверждает: «Однако в течение столетий самые затяжные и кровопролитные конфликты порождались именно различиями между цивилизациями»². В результате неясно, какой же тип конфликтов на мировой арене характерен для прошлого, настоящего и будущего? Не отождествляются ли здесь национально-государственные системы масштаба мировых империй и цивилизации?

Как можно заметить, не придавая принципиального значения разграничению этносоциальных (в частности, этнополитических)

¹ Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. С. 181–213.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? С. 758.

и цивилизационных процессов, С. Хантингтон формулирует диаметрально противоположные суждения в отношении всемирно-исторического процесса. Ошибка такого масштаба становится возможной тогда, когда не усматривается качественное различие между миром этносоциальных общностей и миром цивилизаций. Данное различие декларируется, признается лишь номинально, а в конкретно-эмпирическом анализе не удерживается, утрачивается.

Одной из причин этого является недостаточная содержательность концептуальных конструкций, отображающих этносоциальные процессы, с одной стороны, и цивилизационные процессы – с другой. На наш взгляд, глобально протекающие этносоциальные процессы детерминируют цивилизационное развитие. Для данной концептуализации представляются важными идеи Н.Я. Данилевского.

Как и многие представители теории локальных цивилизаций, Н.Я. Данилевский, выделяя отдельные культурно-исторические типы (или цивилизации), не склонен жестко отделять их от этнической основы. В его понимании культурно-исторические типы соответствуют «великим лингвистико-этнографическим семействам, или племенам». Так, согласно формулируемому им первому закону исторического развития «всякое племя или семейство народов... составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества»¹. Таким образом, для Н.Я. Данилевского не существенно разделение этносов и цивилизаций. Для него это явления одного порядка.

Вместе с тем, различая «великие племена», составляющие отдельные культурно-исторические типы, и «племенные недорости», выступающие для первых в виде этнографического субстрата, Н.Я. Данилевский признает этническую дифференциированность каждого культурно-исторического типа. Эта позиция отражена в его четвертом законе исторического развития: «Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. М.: Мысль, 1991. С. 91.

поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств»¹.

Такого рода «этнографическое разнообразие», с точки зрения Н.Я. Данилевского, является залогом устойчивости и жизнеспособности культурно-исторического типа. Конкретные особенности отдельного этноса, даже «великого племени» определяют его поступательное движение в определенном направлении, но тем самым и ограничивают его. Автор убежден: тем «цивилизация разнообразнее и богаче, чем разнообразнее, независимее составные элементы, т.е. народности, входящие в образование типа»². Такое разнообразие состава Н.Я. Данилевский считает одним из условий полноты жизни и развития культурно-исторических типов. «Хотя разнообразие это не может быть, конечно, искусственно создаваемо там, где нет для него этнографической основы, – замечает он, – оно, без сомнения, необходимо для правильного развития культурно-исторического типа там, где он имеет по природе своей этот сложный характер»³.

Таким образом, Н.Я. Данилевский признает необходимую этнографическую сложность культурно-исторического типа, наличие множества этносов, входящих в его состав. Это разнообразие он считает столь же закономерным, как и проявляющееся во всемирно-историческом процессе разнообразие культурно-исторических типов.

В действительности существование моноэтничной цивилизации (дажеprotoцивилизации) немыслимо – ни теоретически, ни эмпирически. Во-первых, понимание цивилизации как стадиально-го состояния общественного развития, характеризующегося ее пре-восходством над «варварской периферией» по тем или иным парам-етрам социальности, предполагает сосуществование и ассимиля-цией этой периферии, которая является, как правило, полигэтничной. Во-вторых, локальная цивилизация всегда сосуществует и взаимо-действует с варварской периферией, ассимиляция которой неиз-бежно обогащает собственную этническую основу цивилизации.

Эмпирически устанавливаемый факт внутреннего этнического разнообразия локальных цивилизаций является дополнительным

---

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 91–92.

² Там же. С. 101.

³ Там же. С. 101–102.

основанием для заключения о дифференциации этноса и цивилизации как социокультурных общностей разного порядка. В силу этого этносоциальные и цивилизационные процессы, имея качественную специфику, подчиняются собственным закономерностям. При этом можно говорить о субординированности рассматриваемых процессов, поскольку этносы составляют основу цивилизации, определяют ее внутреннюю дифференциацию и социокультурную динамику.

Входящие в состав цивилизации этносы можно рассматривать в качестве ее этнического субстрата, материала метасистемы. Субстрат формируется в процессе формирования системы и развивается в процессе ее развития. Этнический субстрат своими свойствами детерминирует развитие цивилизации, а последняя в ходе этносоциального отбора определяет текущие условия воспроизведения этническости и цивилизационные перспективы этногенеза. В результате динамика составляющих цивилизацию этносов ограничивается и обеспечивается системными факторами. Этносы в своем существовании становятся в большей степени зависимыми, нежели независимыми от существования в составе цивилизации. Соответственно, их коммуникации с другими этносами данной цивилизации становятся системно более важными, чем с этносами, не входящими в состав данной цивилизации. Движение цивилизации трансформирует ее этнический субстрат, замыкая его воспроизведение границами системы.

Цивилизационная детерминация статики и динамики этнического субстрата позволяет позиционировать отдельные этносы не только в качестве субстрата по отношению к метасистеме. В пространственно-временном континууме цивилизации этносы позиционированы по отношению друг к другу. Производство и воспроизведение этносов в составе цивилизации есть циклический, периодически повторяющийся процесс, в круговороте которого отдельные этносы агрегируются и дезагрегируются, возвышаются и нисходят, перемещаются в пределах ойкумены цивилизации вследствие миграций, войн, депортаций и пр. В этом горизонте можно говорить об этносах не только как этническом субстрате цивилизации, но и как об элементах этносфера отдельной цивилизации.

Представление об этносфере ввел Л.Н. Гумилев, но соответствующий термин он, к сожалению, не концептуализировал. В.А. Ми-

чурин этносферу определяет как подсистему биосферы Земли, включающую сочетание всех существующих этносов и их этноценозов¹. Как представляется, В.А. Мичурин в своем определении термина говорит о конкретном виде этносферы – об этносфере Земли. Возможно, на наш взгляд, выделение наряду с этносферой Земли и иных видов этносфер, в т.ч. этносфер отдельных цивилизаций.

Представление об этносфере, думается, не может ограничиваться включением в ее состав таких стандартных составляющих, как этносы и этноценозы. Н.Я. Данилевский рисовал более масштабный образ этносферы, в которой, «как в Солнечной системе наряду с планетами есть еще и кометы, появляющиеся время от времени и потом на многие века исчезающие в безднах пространства, и есть космическая материя, обнаруживающаяся нам в виде падучих звезд, аэролитов и зодиакального света»². С кометами он, например, сравнивал гуннов, арабов, монголов и других «отрицательных деятелей» человечества. Эвристическое значение использованной Н.Я. Данилевским метафоры состоит в том, что в этносфере следует выделять этнические объекты разного класса.

При фиксации ситуации множественности и разнообразия этнических объектов, входящих в этносферу цивилизации, возникает вопрос об основаниях их системного единства и самоорганизации в относительно целостную структуру. Этот вопрос рассматривается В.Ю. Ермолаевым с позиции развитой в рамках системного подхода общенациональной теории самоорганизации³. Источником самоорганизации с точки зрения этой теории выступает внешнее воздействие, которое формирует управляющий системой параметр. Самоорганизация, как пишет В.Ю. Ермолаев, не является имманентной, а возникает вследствие согласованного, кооперативного поведения этнических объектов разных рангов, участвующих в процессе асимиляции внешнего воздействия.

¹ Мичурин В.А. Словарь понятий и терминов теории этногенеза Л.Н. Гумилева // Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М., 2004. С. 572.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 88–90.

³ Ермолаев В.Ю. Самоорганизация в природе и этногенез // Известия Всесоюзного географического общества. 1990. Т. 122. Вып. 1. С. 26–32.

Придавая определяющее значение внешнему фактору самоорганизации, В.Ю. Ермолаев занимает фактически позицию экстернализма со всеми ее эвристическими преимуществами и недостатками. Такой подход в состоянии объяснить разнообразие типов самоорганизации, обратимость неравновесных процессов, трансформацию цивилизаций в изменяющейся исторической среде. Вместе с тем цивилизационный подход акцентирует относительную устойчивость цивилизаций, необратимость цивилизационного процесса. Интернализм всегда рассматривался как более предпочтительная методологическая позиция в отношении исследований цивилизаций.

Хорошо известная из философии науки дилемма экстернализма и интернализма снимается в рамках системно-диалектического подхода, рассматривающего структурно-функциональную организацию систем как опосредствующий механизм развития целостности.

Так, очевидно, что динамика этничностей в системе внутрицивилизационных взаимодействий часто является нелинейной. Сами этносы являются открытыми структурами, эндогенное воспроизведение которых осуществляется в сети межэтнических отношений, конституирующих этносферу локальной цивилизации. Открытость этноса определяет конечность его жизненного цикла, возможность этносоциальной деструкции в этническом круговороте, необходимость адаптации в межэтническом сообществе, неизбежную реструктуризацию межэтнических связей в этносфере. Функциональным механизмом воспроизведения локальной этничности в структуре этносферы является диверсификация ее модальностей – способов бытия этничности – с последующим отбором этнических групп, адаптивных для соответствующей стадии эволюции цивилизационной этносферы. Этносфера цивилизации является средой, обеспечивающей воспроизведение и безопасность жизнедеятельности входящих в ее состав этносов. В относительно цивилизационно замкнутом этническом круговороте формируется внутреннее единство этносферы, обеспечивающее как ее целостность, так и воспроизведение ее частей.

Генетическим механизмом воспроизведения цивилизационной идентичности в рамках этносферы является циклически повторяющийся этносоциальный синтез, базисный для соответствующей цивилизации. В цивилизационном процессе обычно реализуется серия

этносоциальных синтезов. Эти типы этносоциальных синтезов генетически различны и в тоже время тождественны, в силу чего сохраняется преемственность в цивилизационном развитии. Как отмечал Н.С. Трубецкой, по цивилизационно значимым для восточных славян параметрам уgro-финны во многом сходны с тюрками, хотя соответствующие свойства проявляются у уgro-финнов менее активно и интенсивно¹. Поэтому славяно-турецкий синтез можно рассматривать как генетически более позднее противоречие, сменяющее противоречие, лежащее в основе славяно-уро-финнского синтеза.

Первичная дифференциация цивилизационной системы, становящаяся источником ее развития, определяется наиболее значимой функциональной дифференциацией этнического субстрата. Что в становящейся цивилизационной системе оказывается субстратом, а что – адстратом, определяется геополитической конъюнктурой.

Так, романо-германский синтез как генетическая основа европейской цивилизации исторически реализовался двояко. Первоначально этот синтез осуществлялся в рамках ассимиляции римлянами варварской периферии Северной Европы, в переходе от противоборства с германскими племенами к интеграции их в состав империи. Затем ведущая роль в этносоциальном синтезе перешла к германским племенам. В результате появилась «Священная римская империя германской нации». Произошла инверсия противоречия, обеспечившая скачок в цивилизационном развитии.

Конституирующий цивилизацию этносоциальный синтез завершается путем локализации и выделения в этносфере цивилизации такого ее этноса, который выступает всеобщим, универсальным для данной цивилизации этносом-посредником, выражющим ее ценности и являющимся квинтэссенцией и мерой цивилизационного развития.

Анализируя развитие Европы как системы романо-германской цивилизации, Н.Я. Данилевский самым полным ее выражением считал Францию. «Такое значение Франции весьма понятно, – писал он. – Французский народ представляет собою полнейшее слияние обоих этнографических элементов, образующих европейский культурно-исторический тип, – есть результат их взаимного про-

¹ Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 151–154.

никновения. Следовательно, все, что волнует Францию, все, что идет из нее, имеет по необходимости отголосок, как нечто свое, родное, и в германском и в романском мире, между тем как эти миры с трудом действуют непосредственно друг на друга, как слишком разнородные, а все ими выработанное передают через посредство Франции; и только во французской переработке становится добытое ими общеевропейским»¹.

Объективная логика самовозрастания и перенакопления воплощенного в конкретном этносе-посреднике цивилизационного капитала ведет к кризису цивилизации и смене лидера. Один из таких кризисов, перешедших в фазу цивилизационной депрессии, описывает Х. Ортега-и-Гассет: «Итак, подлинная картина европейского кризиса представляется такой: долгое и великое прошлое привело к новой жизненной ступени, где все разом возросло, но отжившие структуры этого прошлого стали карликовыми и мешают росту. Европа утвердила в форме маленьких наций. В известной мере, национальная идея и национальное чувство были ее кровными детищами. И теперь она обязана перерости себя. Таков контур гигантской драмы, которой предстоит разыграться в ближайшие годы. Сумеет Европа освободиться от мертвого груза или останется навсегда погребенной под ним?»².

Очередной циклический подъем преодолевает этносоциальную раздробленность и выдвигает на авансцену цивилизации новый репрезентирующий ее этнос-лидер. Конкурирующим с французским народом эталонным этносом – всеобщим выразителем ценностей европейской цивилизации – на определенных отрезках ее истории выступал немецкий народ. Так, исторически более ранним лидером европейской цивилизации все же была упоминавшаяся «Священная римская империя германской нации». Подобно тому, как золото – не единственный денежный товар, и в этносфере цивилизации существует система как бы «биметаллизма».

---

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 241.

² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избр. тр. М.: Весь мир, 1997. С. 134

Значение Германии для Европы настойчиво подчеркивали немецкие мыслители первой половины XX в. Так, для М. Хайдеггера «сердцевиной» Европы является Германия¹.

А. Вебер, исходивший из того, что европейская цивилизация «с самого начала была не только структурно неоднородной, но по сути своей полярной, заключавшей в себе противоречие и снятие этого противоречия»², таким противоречием считает противоборство между немцами и французами: «Правда, кажется несомненным, что на протяжении всей истории Романо-германского мира, каким и является Европа, французы и немцы противостояли друг другу как олицетворение принципов универсализма и партикуляризма»³. А. Вебер признает ведущую роль Франции как преемницы Рима и выразительницы общеевропейских тенденций. Вместе с тем он обращает внимание на роль Германии в интеграции в Европу славянского мира, т.е. на значение для европейской цивилизации германо-славянского синтеза и Восточной Европы в целом как исторической наследницы греческого мира и Восточной Римской империи⁴.

Европейская цивилизационная общность находит ответ на вызовы современности и продолжает консолидированное развитие, ассимилируя внешние воздействия на обновленной этносоциальной основе. «Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведет к росту цивилизационного самосознания, к углублению понимания различий между цивилизациями и общности в рамках цивилизации, – пишет С. Хантингтон. – Североафриканская иммиграция во Францию вызвала у французов враждебное отношение и в то же время укрепила доброжелательность к другим иммигрантам – “добропорядочным католикам и европейцам из Польши”»⁵. Роль Польши в консолидации Европы XX в., разумеется, едва ли можно преувеличивать, в то же время нельзя не

---

¹ Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: Высш. религиозно-философская шк., 1998. С. 126–131.

² Вебер А. Германия и кризис европейской культуры // Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб.: Универ. кн., 1998. С. 171.

³ Там же. С. 181–182.

⁴ Вебер А. Идеи к проблемам социологии государства и культуры // Вебер А. Избранное... С. 156.

⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? С. 758.

признать, что события в этой стране иногда становились поворотными для европейского процесса.

Непрерывность дальнейшего развития обеспечивается сменой этносоциального лидера в эстафете цивилизации. Так, в общем деле противостояния объединенной Европы России Н.Я. Данилевский предвидел следующую возможность: «Не допускать до этого – общее дело всего, что только чувствует себя Европой. Тут можно и турка взять в союзники и даже вручить ему знамя цивилизации. Вот единственное удовлетворительное объяснение той двойственности меры и весов, которыми отмеривает и отвещивает Европа, когда дело идет о России (и не только о России, но вообще о славянах) – и когда оно идет о других странах и народах»¹. Действительно, во второй половине XX в. Турция добилась статуса европейской страны. А во время волнений осенью 2005 г. в Европе выходцы из стран Африки, Ближнего Востока и Турции неоднократно декларировали: «Европа – это мы». Знамя европейской цивилизации, таким образом, не утрачивается, а подхватывается и передается дальше по эстафете.

Таким образом, этносоциальные процессы, составляя внутреннее содержание цивилизационного развития, определяют и его конкретно-исторические внешние формы. Протекающие в этносфере отдельной цивилизации, этносоциальные процессы направляются, с одной стороны, разрешением противоречий базисного для цивилизации этносоциального синтеза, а с другой – характером этносоциального отражения, выделяющего этнос, символизирующий ее фундаментальные ценности.

1.3. Концепт межэтнического сообщества

В середине 1990-х гг. в рамках социологического исследования образа жизни и взаимоотношений сельских жителей Югры, представляющих, с одной стороны, малочисленные народы Севера, а с другой – русских старожилов, мы, решая задачу обозначения образующихся в результате совместного проживания целостных групп разноэтнического населения, ввели концепт «межэтническое сооб-

---

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 51.

щество»¹. Данный концепт оказался важным инструментом в наших последующих исследованиях этносоциальной ситуации и межэтнических отношений в регионах Севера, а также страны в целом.

Выражение «межэтническое сообщество» образовано по тому же принципу, что и такие известные словосочетания как «международное сообщество», «мировое сообщество» или, например, «экспертное сообщество», «интернет-сообщество» и др. Все эти примеры сообществ соответствуют тому значению слова «сообщество», которое формулируется в современных толковых словарях русского языка: сообщество (если исключить биологическую номенклатуру) – это объединение людей или человеческих групп на основе общей цели. Если из приведенного ряда примеров выбирать выражение, наиболее близкое по смыслу к тому, что должно иметься в виду, когда мы говорим о «межэтническом сообществе», то таковым окажется «международное сообщество» (и его смысловой инвариант – «мировое сообщество»).

Выражения «межэтническое сообщество» и «международное сообщество» в формально-лингвистическом отношении вообще являются синонимами (что, кстати, говорит о лингвистической оправданности, безупречности неологизма «межэтническое сообщество»), так как слово этнос, от которого образовано первое из приведенных названий сообщества, в переводе с греческого на русский значит народ, т.е. имеет то же значение, что и слово, от которого образовано название второго сообщества. Но с точки зрения действительного содержания, стоящего за синонимичными названиями этих «сообществ», они являются различными типами концептов. Дело в том, что выражение «международное сообщество» – это эвфемизм, так как действительными субъектами деятельности, объединяемой под эгидой ООН, являются не народы, а государства. Конечно, государства создаются народами и поэтому народы, в конечном счете, выступают также и в качестве субъектов деятельности на мировой сцене – субъектов, объединяющихся в сообщество вокруг ООН. Но не прямо и не непосредственно, а опосредованно – отчуждая целеполагание и средства деятельности

---

¹ Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество. Состояние, динамика, взаимодействие культур. Новосибирск: Наука, 1996. 192 с.

в рамках сообщества в пользу государств. В отличие от «международного сообщества» субъектами межэтнического сообщества выступают непосредственно народы-этносы (этнические группы).

Кроме того, очень важно увидеть, что межэтническое сообщество имеет иную, более глубокую модальность существования сравнительно с «международным (т.е. межгосударственным) сообществом». Характер существования международного сообщества соответствует определению современных словарей – это объединение на основе общей цели (в данном случае – цели поддержания определенного миропорядка). Межэтническое сообщество в отличие от международного сообщества имеет только региональные масштабы, но зато обладает исторически прочным, укорененным в традиции существованием.

Определение концепта «межэтническое сообщество» не может сводиться к представлению о нем как к объединению только на основе общей цели. В сообществе (и, естественно, в межэтническом сообществе тоже) общей цели, т.е. рациональному, рассудочному фактору объединения, предшествуют культурно-ценностные узы единства. Этот план значения слова «сообщество», упускаемый в современных словарях русского языка, отмечен, например, в словаре В.И. Даля. В нем дается следующее определение сообщества: «Сообщество ср. братство, товарищество, сотоварищество, въ значены бытности, нахожденья съ кѣмъ, или это || кругъ, община, братія»¹. Согласно этому разъяснению, сообщество, подобно общности в теннисовском смысле, основывается на личных приязненных связях, но кровнородственный характер этих связей – братство – на самом деле здесь снят социальными отношениями. Характеристику сообщества: «братьство, товарищество, сотоварищество» можно было бы передать, например, одним словом, обозначающим не врожденную предрасположенность, а социальную ценность, – «содружество».

Не нужно упускать из виду и то обстоятельство, что слово «сообщество» как самостоятельное, обозначающее особый род общности, существует только в русском языке. В других языках европейской группы для перевода на них русского слова «сообщество» ис-

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Диамант, 1996. Т. 4. С. 271.

пользуются слова, означающие не особый род общности, а общность как таковую (англ. *community*, нем. *Gemeinschaft*, болг. *общност*; и др.). Исходя из этого лингвистического факта, правомерно заключить, что сообщество и, в частности, межэтническое сообщество, по крайней мере как исторически прочная форма общности, есть специфически русский и российский феномен.

Происхождение данного феномена определялось в плане объективного основания особым местом, которое занимала Россия в европейской системе капиталистической общественно-экономической формации, а в культурном плане – ценностными установками русского этноса, создававшего в союзе с другими народами Евразии Россию как государство и цивилизацию. Социально-экономическое развитие России со времени генезиса западноевропейского капитализма в течение нескольких веков совершалось под воздействием последнего и было направлено на превращение России в экономически эксплуатируемую периферию капиталистической системы. Соответственно, эта историческая социально-экономическая ситуация не могла не проявляться в становлении этносов, этнических союзов и создаваемых ими цивилизаций. Естественно, что Запад формировался преимущественно как цивилизация завоевательного типа, а Россия как цивилизация, главным образом, оборонительного типа.

Завоевательные союзы этносов строятся и внутри себя по принципу иерархии доминирования относительно более сильных и подчинения более слабых в военно-политическом отношении этносов. Поскольку иерархия определяется из соотношения военно-политических сил, постольку цивилизация строится этносами как их межгосударственное объединение. В этом случае имеет место тенденция к созданию моноэтнических государств, а существование полиэтнических государств постоянно ставится под вопрос, ибо в них действует та же установка на иерархичность отношений этносов, на право сильного подавлять слабого. Для Запада как цивилизации завоевательного типа соответственно характерны ценности этноцентризма и по мере становления цивилизации – европоцентризма и западоцентризма.

Оборонительные политические союзы, конечно, тоже строятся, прежде всего этносами и вокруг этносов, обладающих наибольшим военно-политическим могуществом, как в России – русским этно-

сом и союзом, в котором народы объединяются вокруг него. Но военно-политическое могущество в оборонительном союзе не направлено на построение этнической иерархии, а играет роль объединяющего фактора перед лицом притязаний извне, притязаний завоевательных коалиций. Поэтому оборонительные союзы складываются, главным образом, как полигэтнические государства на основе добровольного объединения. Не случайно, что в России источником цивилизационной ценности единства народов является установка русского национального сознания – принцип соборности: объединения на основе взаимного добровольного согласия. Россия, в отличие от Запада, захватывавшего территории по всему миру путем военной колонизации, расширялась, никогда не сознаваясь на захват территории за пределами естественного местобитания. Притом мирное народное продвижение русских на новые территории обычно шло впереди включения их в юрисдикцию российского государства.

Именно там, где русское население, продвигаясь на новые земли, встречалось с местными этническими группами, и возникали первоначальные межэтнические сообщества. Предпосылкой и фактором формирования межэтнических сообществ становилась способность русских по-товарищески, по-братьски уживаться с иноэтническим населением, происходившая из русского соборного самосознания, предполагавшего ценность добровольных и равноправных взаимоотношений. Источником привязки к русским со стороны местного населения и, соответственно, прочности межэтнических сообществ являлось также то, что русское население и идущее вслед ему государство выступали замиряющей, миротворческой силой в местах, где прежде не прекращались межэтнические конфликты, часто выливавшиеся в военные столкновения.

Одним из выразительных примеров той роли, которую замирающая сила русского присутствия играла в формировании межэтнических сообществ, может быть пример межэтнических сообществ Югры (ныне – Ханты-Мансийского автономного округа – Югры). Русское присутствие в Югре и взаимоотношения русских и коренных народов Севера здесь начались с давних времен, во всяком случае, задолго до похода Ермака в Сибирь в конце XVI в. Но с того времени, когда народное движение русских за Урал было

поддержано государством, оно, это движение, стало значимой силой, что потребовало от местных народов определения позиции по отношению к русским. Художественно впечатляющую и аналитически убедительную реконструкцию мотивов выбора своего народа в пользу союза с русскими осуществил мансийский поэт Ю. Шесталов. Он пишет о времени, предшествующем приходу Ермака в сибирские земли: «Врагами были народы на земле. Кривые татарские сабли сверкали с юга, требуя ясак. С севера черноликие люди-самоеды нападали, уводя жен в рабство. С запада теснили нас торговые люди – коми-зыряне, отнимая землю, реки, урочища сибиринные. Приходилось держать в одной руке стрелу, в другой – саблю-молнию». (Разумеется, нечто подобное могли думать не только манси, но и представители других народов Северо-Западной Сибири, в том числе – названные здесь Ю. Шесталовым). Поэт продолжает: «В то сумрачное время каждое племя винило другое и поднимало свой меч. А великие шаманы обращались к духам так: <...> / Настал день, когда против огня и меча / Мы поднимаем слово, / Повторяя великие заклинания / О мире... / Так мы встали на сторону русских... Связав с ними судьбу, обрели мир»¹.

В процессе формирования местных русско-аборигенных межэтнических сообществ имело место не просто взаимное влияние культур, но происходило их взаимопроникновение. Примером может служить взаимопроникновение русского православия и традиционных верований коренных народов.

Несмотря на то, что в ходе распространения православия на Севере в прошлом имели место элементы его насилиственного насижения в среде северных народов, наши опросы показали: в той части этого населения, которая имеет мнение по данному вопросу, большинство (74 %) считает, что христианизация сыграла в целом положительную роль в жизни народов Севера. Распределение мнений по этому вопросу в среде коренных народов очень близко к таковому среди русских жителей. Конечно, в отношениях православной и местных «языческих» культур православная культура играла ведущую роль. Тем не менее в местах совместного прожи-

¹ Шесталов Ю. Крик журавля. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. С. 35.

вания русского и аборигенного населения происходило не одностороннее культурное воздействие, а именно взаимодействие культур, приводившее к их взаимопроникновению. Так, с одной стороны, заметная доля (11,8 %) аборигенного населения является православно верующей, а еще более значительная его часть (17,4 %) придерживается одновременно и своих традиционных верований, и православной веры. С другой стороны, заметная доля (6,5 %) русских наряду с приверженностью православию придерживается и «языческих» верований. Притом есть даже такие местные русские, которые, не принадлежа к православию, являются носителями традиционных верований северных народов (2,6 %)¹.

Межэтнические сообщества, пронизывая с исторически сложившейся степенью распространенности регионы с этнически смешанным населением, являются социокультурной основой целостности полиэтнической структуры российского государства и российской цивилизации.

---

¹ Мархинин В.В. Местное самоуправление в межэтнических сообществах. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 87, 212.

Раздел 2

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

2.1. Модели регулирования этносоциальных процессов: исторический контекст

Термин «межэтническое сообщество» отражает предельный уровень межэтнической интеграции. Обозначаемые данным понятием сообщества различаются по своему масштабу и по этнической структуре входящего в их состав населения. В зависимости от масштаба можно выделять локальные, региональные и цивилизационные сообщества.

Этническая структура межэтнического сообщества цивилизации зависит от двух факторов: во-первых, от этнического состава автохтонного населения, связанного исторически и символически с географическим пространством своим этногенезом, во-вторых, от миграционной привлекательности цивилизационной ойкумены. Естественной материальной основой любой цивилизации является определенный географический регион Земли. Цивилизация представляет собой сложную систему, атрибутами которой являются связь населения с пространством (средой обитания и местом развития); общность исторических судеб народов и государств, принимающих совместное участие в событиях, имеющих политический, военный, культурный характер; наличие общих черт в экономике, социальной организации, культуре, религии, ментальности; осознание народами своей принадлежности к данной цивилизации; наличие языка межэтнической коммуникации.

Механизмом культурной интеграции народов в структуру цивилизации является межэтнический синтез. Он представляет собой цивилизационный процесс, позволяющий этническим общностям приобретать новые качества в процессе взаимодействия с другими подобными образованиями: становиться участниками процессов

общественного разделения труда и обмена; входить в государственные и межгосударственные объединения, открывающие возможность политическими средствами защищать свою культуру; вступать в коммуникацию с народами других цивилизаций, используя один из международных языков, который в то же время является языком межэтнической коммуникации в рамках данного цивилизационного круга.

Российская цивилизация сформировалась во взаимодействиях этносов на принципах самоорганизации в географическом пространстве субконтинентальной части материка Евразии и политическом пространстве российского государства. Как локальная цивилизация Россия развивалась в процессе усиления взаимозависимости народов, скрепленных экономическими связями, русским языком как языком межэтнической коммуникации, общими историей и идентичностью в географическом пространстве субконтинентальной Евразии. Как страна Россия развивалась по пути формирования отдельного общества, этнически разнородные части которого были интегрированы «снизу», через практики межэтнического сотрудничества, и «сверху», через внедрение определенных моделей управления этносоциальными процессами.

Исторический опыт развития России позволяет выделить четыре типа межэтнической интеграции: стихийный доимперский тип, сложившийся в традициях древнерусской государственности; имперский, формирующийся с началом становления российской цивилизации в середине XVI в.; национальный тип, элементы которого возникают в эпоху петровских преобразований и развиваются в досоветский и советский период; а также уникальный советский тип. На их основе формируются модели управления этносоциальными процессами: стихийно сложившаяся (восточнославянская), сформированная в Средние века; имперская, возникшая в позднее Средневековье и раннее Новое время (конец XV – начало XX в.); национальная, соотносимая с первой (конец XVII – первая половина XVIII в.) и второй (вторая половина XIX – начало XX в.) волнами модернизации; советская, сочетающая элементы федерализма и национального строительства на этнической основе.

Первая из них, восточнославянская модель сложилась в межэтнических отношениях между славянскими, балто-финно-

угорскими народами и некоторыми из народов Севера в древнерусский период. С некоторыми изменениями она эволюционировала от раздельного к совместному проживанию этих народов по мере расширения славянской колонизации на земли финно-угров и функционирует сегодня на уровне локальных сообществ в сельских поселениях.

Характерной чертой этой модели на протяжении столетий оставалась ориентация на экономическую выгоду от натурального обмена, впоследствии трансформировавшегося в товарный обмен. Культурно-хозяйственной доминантой восточных славян, земледельцев по преимуществу, оставалась производящая деятельность, в то время как хозяйство финно-угров и народов Севера, охотников и рыболовов, оставалось присваивающим и в основном не вело к преобразованию природного ландшафта в антропогенный. Это обусловило хозяйственную специализацию народов в разделении труда, создало формат межэтнических взаимодействий, которые привели к этнокультурному симбиозу, а со временем и к межкультурному синтезу народов.

Со времен Новгородской республики и Киевской Руси существенной чертой этой модели интеграции является сочетание элементов экономического, в отдельных случаях даже административного принуждения с признанием внутренней автономии в вопросах родовых, социальных, религиозных отношений, а также в вопросах местного самоуправления населения, независимо от его этнической принадлежности¹.

Традиции раннего полигетничного Московского государства и его еще более ранних предшественников, сформированные в Средневековье, стали предпосылками формирования полигетничного российского государства, возникшего в середине XVI в. В этот период восточнославянская модель регулирования этносоциальных процессов, носившая в основном стихийный характер с элементами экономического принуждения, дополняется моделью имперского строительства, восходящей к традициям евразийской степной политики.

---

¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 17–18.

Указанная модель начала формироваться в эпоху борьбы за наследие Золотой Орды на евразийском пространстве и предполагала использование традиционных для народов степи способов легитимации политической власти. Имперский универсализм базируется на признании принципа культурного (этнического) плюрализма при условии безоговорочной лояльности некоей абсолютной системе ценностей. В традициях евразийской степной политики это означало безусловное признание верховной власти самодержца.

Имперская модель ориентирована на традиции евразийской степной политики, которые сложились в отношениях между славянами, тюрками и монголами. Она укрепляется по мере становления в XVI в. российской многонациональной цивилизации, которая формировалась на основе межкультурного синтеза народов, с одной стороны, бывшего древнерусского государства, с другой стороны, народов бывших Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. Эволюция этой модели совпадала с эволюцией империи, которая в определенный исторический период служила институционально-политическим выражением становящейся российской цивилизации. Ее экономической основой долгое время оставалась хозяйственная специализация и основанный на ней обмен между славянами, земледельцами, с одной стороны, и тюрками, а также монголами, скотоводами по преимуществу, с другой стороны. Ее развитие закончилось в 1917 г. вместе с распадом Российской империи, однако она сохранилась как фрагмент исторической памяти народов тюрко-монгольского мира.

Имперская модель, ориентированная на традиции евразийской степной политики, учитывала этнокультурную специфику вновь присоединенных народов, которые прежде входили в государственные образования иного, кочевого цивилизационного круга. Так, в 1555 г. сибирские беки Ядгар и Бек-Пулад, предчувствуя приближение войны с Кучумом, обратились в Москву с просьбой о покровительстве. Следуя золотоордынским канонам, привычным для новоявленных партнеров, Иван IV выдал им ярлык на княжение (бекство), обложив их «юрт» данью, и назначил своего наместника-даругу, в пользу которого взималась «дорожная пошлина». Когда Кучум в 1563 г. одержал победу над беками, он подтвердил вассальные обязательства сибирских татар и готовность платить дань. Тогда царь послал «своего дорогу»

Добычу Лачинова в Сибирь. Таким образом, в этих случаях московское правительство в отношении нерусских народов ориентировалось на ордынские административные образцы¹.

Насколько сами российские монархи соотносили себя с ханской властью? Для Москвы как для Третьего Рима более актуальным было подчеркивание своей преемственности от Византии, нежели от завоеванных татарских ханств. Однако как ни старались русские самодержцы утвердиться в сознании своей преемственности от Византии и равноправии с европейскими монархами, в глазах огромной массы своих подданных к востоку от Волги они заняли место прежних правителей. Даже после того, как Петр I стал императором, ордынское geopolитическое наследие угадывалось в титульной формуле «царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский».

Важнейшей характеристикой правительственной административной политики в отношении нерусских народов оставался этатизм, т.е. подчинение «национальной» политики интересам государства, понимаемым как обеспечение внешней и внутренней безопасности. В проводимой по отношению к новым подданным после включения Казанского, Астраханского и Сибирского ханств политике использовались евразийские традиции степной политики, преследующие, прежде всего, безопасность и стабильность границ. Ее краеугольными камнями оставались аманатство (наличие заложников), шерть (принесение присяги самодержцу) и ясак².

Когда внешняя безопасность была обеспечена, Россия переходила к следующим мерам. Во-первых, сохранялся статус-кво, гарантирующий личную свободу плательщикам ясака, которые не могли быть закрепощены, как русские крестьяне. Во-вторых, устанавливалось сотрудничество с нерусскими элитами, подтверждавшееся их привилегиями в обмен на лояльность рядовых народных масс. Элита могла делать карьеру на государственной или военной службе. Аристократия оседлых народов признавалась равной русской аристократии³.

¹ Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. С. 82–83.

² См., например: Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2005.

³ Каппелер А. Россия – многонациональная империя... С. 47.

С основной массой тяглового населения отношения строились по ордынскому образцу, предполагающему сбор дани в тех же, что и прежде, объемах. Эта задача решалась через объясачивание. Сохранился и статус местного населения. Так, например, вплоть до Петровских реформ крестьяне бывшего Казанского ханства оставались в особой категории «ясачных людей». Регулярной практикой оказывалось подтверждение коллективных прав на родовые земли. В число преференций входило также освобождение от воинской повинности и сохранение элементов местной самобытности.

В отношении элиты завоеванных народов сохранялись и статус, и привилегии. Для обеспечения лояльности местного населения власть проводила гибкую линию сотрудничества с нерусской элитой. Татарско-мусульманская элита кооптировалась в среду русского наследственного дворянства, т.е. признавалась равной русской. Элита народов, исповедующих язычество и ведущих кочевой образ жизни, хоть и не вошла в дворянское сословие, также была выделена особым образом русской властью. Все статусные права и привилегии элит присоединенных народов сохранялись за ними после их вхождения в состав русского государства¹.

Сами русские были главной тягловой категорией населения². Часто их экономическое и правовое положение было тяжелее, чем у нерусских³. В структуре империи были и другие народы (например, евреи), чей правовой статус был ущемлен по причине приверженности инославной конфессии.

По мнению А. Каппелера, к России имперского периода, по крайней мере до момента ее вторжения в Среднюю Азию, неприменим штамп «колониальная держава». В пользу этого говорит толерантное отношение к другим народам и культурам, сохранение этнического многообразия, прагматическое отношение к решению задач этнокультурной интеграции. Каппелер характеризует Россию как многонациональную империю, в которой отсутствует превосходство в развитии метрополии по сравнению с периферией, час-

¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя... С. 48.

² Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2006. С. 566–567.

³ Каппелер А. Россия – многонациональная империя... С. 121, 123.

тическая дискриминация имперского русского этноса, приоритет политических установок над экономическими¹.

Третья, национальная модель начинает использоваться в начале XVIII в., по мере форсированной модернизации «сверху», осуществлявшейся в формах, с одной стороны, русификации и конкуренции с национальными движениями этнических групп, у которых на момент присоединения к России сложились собственные элиты, традиции государственности и высокие культуры, с другой стороны, поддержки особой идентичности по отношению к тем национальным движениям, которые к началу Нового времени еще не сформировали (или уже утратили) традиции государственности и элиты с высокими культурами. Эта модель предполагает включение «национального вопроса» целиком в компетенцию государства. Ее целью, в конечном счете, являлось снижение культурной гомогенности до уровня, доступного управлению при помощи унифицированных механизмов бюрократического национального государства, утверждающегося по мере перехода от традиционных к юридическо-правовым формам регулирования социальных отношений.

Имперская модель регулирования межэтнических отношений акцентировала внимание на политической лояльности при индифферентности к этническости подданных. В определенном смысле сохранение культурных барьеров оказывалось выгодным феодальному государству, каковым оставалось Московское царство до начала XVIII в. Внедрение элементов национальной модели государственного строительства, напротив, явилось следствием вестернизации.

Признаками, позволяющими утверждать, что именно с петровской модернизацией начинается первый этап национального строительства Российской империи как государства, где русская культура доминирует, являются, во-первых, унификация русского языка, во-вторых, приданье государственной власти светского характера, в-третьих, становление российской науки.

Национальная модель нацеливала на административную унификацию государственного управления. Татарские, чувашские, удмуртские и марийские крестьяне Европейской России, пользовавшиеся ясачным статусом, согласно указам 1718 и 1724 гг. были пе-

¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя… С. 122–123.

реведены в категорию государственных крестьян и перешли в непосредственное подчинение административным органам империи. Курс на форсированную интеграцию этносов бывшего Казанского ханства существенно сократил спектр их прав. В первой половине XVIII в. наблюдаются волнения на национальных окраинах. Внедрение элементов нациестроительства обусловило временный отход от pragmatичной политики в отношении нерусских народов империи.

В царствование Екатерины II маятник качнулся в противоположном направлении: наблюдается отказ от унификации и частичное возвращение к гибкой политике административного регулирования социальной жизни нерусских народов. Эта политика продолжается усилиями Александра I, проводившего либеральные по отношению к указанной категории подданных реформы. Наиболее сильно они коснулись западных окраин империи, Царства Польского и Великого княжества Финляндского, получивших права автономий в составе Российской империи.

Со второй трети XIX в. правительство вновь берет курс на ускоренную унификацию и русификацию. «В верхах» рост русского национального самосознания проявился в патриотических настроениях знати. Русское образованное общество стало проявлять интерес к русской истории. Появилась даже бюрократическая формула национального патриотизма, введенная в оборот усилиями С.С. Уварова. В соответствии с ней имперские принципы самодержавия и православия дополнились принципом народности. На низовом уровне указанная тенденция проявилась в особом феномене народничества, ориентированного на «сближение» образованных слоев общества с «народом» в поиске утраченных национальных корней. В национальные движения оказались вовлечены и другие народы империи.

Для описания национальной мобилизации как продукта модернизации чешский историк М. Хрох предложил две модели национального строительства¹. В нисходящей модели импульс национальной мобилизации задается усилием «сверху», от политической вла-

---

¹ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М.: Практис, 2002. С. 121–145.

сти, элит, армии и бюрократии, «вниз», к культуре простонародья¹. В рамках второй модели политической мобилизации предшествуют культурная и общественная мобилизация социальных «низов»².

К «молодым» нациям в Российской империи можно отнести большинство ее народов: украинцев, белорусов, литовцев, эстонцев, латышей, финнов и пр. Эти народы имели незавершенную социальную структуру ввиду отсутствия собственных элит и/или средних (городских) слоев. При социальном выдвижении из низов представители этих народов подвергались ассимиляции господствующими этносами. Они не имели собственных политических структур либо утратили их, а традиции средневековой государственности оказались разрушены в начале Нового времени. Соответственно, они не располагали ни литературным языком, ни высокой культурой. Они испытывали господство иных этнических элит, и национальные движения стали для них способом социальной борьбы за права, необходимость отстаивать которые осознавалась по мере освобождения от крепостной зависимости, индустриализации и урбанизации, распространения грамотности, развития школьного образования и печати³.

«Старыми» нациями в Российской империи, помимо русских, были также поляки, грузины, армяне, крымские татары, остзейские немцы, евреи. С некоторыми ограничениями в эту категорию можно отнести и поволжских татар, потерявших свою государственность, но сохранивших основанную на исламе высокую культуру⁴. Взаимодействие русских с другими «старыми» нациями, которые входили в состав Российской империи, некоторые историки, в частности А. Миллер, предлагают рассматривать как ситуацию конкуренции национальных проектов за доминирование над «молодыми» нациями.

¹ В группу народов, описываемых нисходящей моделью, относят «старые» европейские народы со сложившимися еще к началу модерна традициями государственности и высокой культурой элит: англичан, французов, испанцев.

² Группу народов, описываемых восходящей моделью, составляют так называемые «молодые нации»: чехи, финны, сербы.

³ Каппелер А. Россия – многонациональная империя... С. 156–157.

⁴ Там же.

Примером такой конкуренции в истории стало, например, соперничество проекта «общерусской нации», направленного на объединение великороссов, малороссов и белорусов, и польского национального проекта, ставящего целью привлечь на свою сторону украинцев, белорусов и литовцев¹. Другой пример, приводимый А. Миллером, иллюстрирует ситуацию конкуренции русского и татарского национальных проектов в борьбе за влияние на народы Поволжья². Следует отметить, что такая конкуренция во многом способствовала развитию этнической мобилизации «молодых» наций. Из этой логики вытекало поощрение российскими властями особых идентичностей «молодых» наций: финской, эстонской, латышской, литовской, белорусской, украинской, чувашской, мордовской и т.п.

Культурная революция советского периода продолжила линию на формирование высоких культур недоминантных этнических общностей. В 20–30-х гг. XX в. советская власть в качестве социального идеала предлагала народам СССР принцип равенства, инструментом достижения которого, как предполагалось, должно было быть выравнивание уровней социально-экономического и социально-культурного развития народов и регионов.

Советская власть прилагала немало усилий для преодоления этнического неравенства. С середины 1920-х гг. разрабатываются алфавиты для прежде бесписьменных народов, в том числе тюркских и монгольских народов Сибири. Письменность на национальных языках внедряется в управление, судопроизводство, в систему школьного образования. В 1920-е гг. ликвидируется массовая неграмотность, создается печать и литература на национальных языках. Одновременно с этим форсировалось издательское дело на национальных языках.

В 1920–1930-е гг. разворачивается кампания по коренизации советской власти среди нерусского населения. Она проводилась путем выдвижения на руководящие партийные и административные посты местных национальных кадров. Коренизация управле-

¹ Миллер А. Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А.Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе. М.: Нов. изд-во, 2004. С. 272.

² Там же. С. 278.

ния должна была решить проблему повышения квалификации среди нерусских народов для последующего привлечения их в другие сферы, в том числе в промышленность.

Помимо широкого привлечения на свою сторону нерусского населения, советская власть достигла важного прорыва в ускорении образования наций среди нерусских этносов. Это пришло в противоречие с набиравшим силу режимом личной власти Сталина. В практике этнонациональной политики конца 1930-х – начала 1950-х гг. это означало возвращение к традициям позднего самодержавия, курс на унификацию и гомогенизацию населения. Такой курс предполагал, в частности, ассимиляцию и искусственное «пересаживание» народов с территории их исконного проживания на другое, максимально географически удаленное от него место. Формализации подверглись принципы федерализма. Под властным наложением начинает осуществляться перевод национальных алфавитов с латиницы на кириллицу.

Вступление СССР во Вторую мировую войну заставляет советскую элиту пересмотреть отношение к русским. Пришлось признать героев России досоветского периода в лице Александра Невского, Александра Суворова и участников Отечественной войны 1812 г. Власть делает послабления в отношении Русской православной церкви. На рубеже 1940–50-х гг. выходят публикации, посвященные истории и культуре Древней Руси. Происходит реабилитация этнографии как науки, имеющей современное значение. Вместе с тем то и дело возникали политические дела с «национальной» подоплекой. Такова была, например, антисемитская кампания в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

В целом советская национальная политика была противоречива. В частности, она характеризовалась, с одной стороны, фактическим признанием коллективной субъектности народов СССР, с другой – целенаправленным формированием «советского народа» и советского патриотизма.

После смерти Сталина начинается возврат к национальной политике раннего советского периода. В логике «расцвета и сближения наций» в СССР осуществлялась политика, направленная на уменьшение диспропорций между центром и периферией, на стирание

различий в образовательном уровне и социально-профессиональном составе разных народов СССР.

Этничность использовалась в СССР как инструмент социальной мобилизации. С одной стороны, усиливалась состязательность между этническими группами и тем самым опосредованно поддерживалась социальная дистанция между ними. С другой стороны, благодаря выравниванию социально-структурных параметров преодолевались социальные барьеры, основанные на неравенстве в доступе к собственности, образованию, власти. Советская идентичность нивелировала гипертрофированную этничность.

Национальная политика в СССР представляет собой яркий пример институционализации и политизации этничности. В периоды эволюционного развития она выступала механизмом, стимулирующим социальную инициативу. Выравнивание социально-структурных параметров развития народов привело к усилению состязательности между представителями разных этнических групп, что в условиях кризиса советской модели развития стало дополнительным фактором социальной напряженности.

В современной России мобилизованная этничность перестает быть эффективным инструментом управления, как это было в поздний период СССР. Она действует как механизм, альтернативный институциональному порядку. В современном российском обществе, как свидетельствует опыт взаимодействия кавказских и среднеазиатских диаспор с доминирующим большинством в российских городах, чрезвычайно востребованы сетевые ресурсы, основанные на родственных и земляческих правилах членства.

В постсоветский период наблюдалось возвращение к имперской модели управления этносоциальными процессами и этническим многообразием. Несмотря на то, что подавляющее большинство локальных конфликтов на постсоветском пространстве имели этническую подоплеку, этнополитические проблемы не рассматривались российскими властями как приоритетные. Сложные этносоциальные проблемы были отнесены властью к разряду тактических и решались либо силовыми методами, либо поощрением лояльных по отношению к центральной власти элитных групп в соответствующих национально-территориальных субъектах Российской Федерации. В настоящее время центральная власть скорее оперативно

реагирует в режиме «ручного управления» на складывающуюся в России и ее регионах этносоциальную ситуацию, нежели осуществляет стратегическое планирование.

Как показывает историко-цивилизационный анализ, каждый исторический период, в соответствии с изменяющимися социально-структурными параметрами и ситуационными факторами, вносил свою лепту в развитие моделей управления этносоциальными процессами. Необходимость обеспечить безопасное развитие и стабильность границ толкали государство на территориальное расширение. В отношении нерусских народов государство, преследуя цели безопасности и стабильности границ, проводило гибкую политику, чем обеспечивалась лояльность новых подданных. Русская культура приходила во все регионы за пределами Восточно-Европейской равнины в унифицированной форме, что облегчило доступ к ней представителям разных народов. В имперский период завершился процесс политической централизации и была создана культурная почва для национальной мобилизации на этнической основе. В советский период созданы предпосылки для федерализма, который, однако, не был реализован как принцип в полной мере.

Историческим результатом регулирования этносоциальных процессов в российской цивилизации стало выравнивание возможностей в состязательности русских и нерусских этносов, становление такого качества социально-структурных параметров развития народов России, которое позволяет характеризовать их как этносы позднейшего типа, содержащие в своей структуре высокую долю специалистов высшей квалификации и управленцев, горожан, мужчин и женщин, отдающих предпочтение современной модели демографического воспроизводства.

2.2. Целевые ориентиры и концептуальные вопросы современной государственной национальной политики

Глобальный контекст. Для современного этапа развития мирового сообщества характерны две отчетливо наблюдаемые и внешне противоположные тенденции: с одной стороны, развертывание процессов интернационализации и глобализации, углубление экономической интеграции и взаимозависимости стран и народов, с другой –

усиление этнической идентификации, этнокультурной фрагментации и обособления. Одни исследователи сосуществование этих тенденций воспринимают как парадокс (этнический парадокс), как неразрешимую теоретическую проблему, большая часть других рассматривают указанные тенденции как самостоятельные и независимые друг от друга или не придают значения их взаимосвязи. На самом деле действительность раскрывается через взаимозависимость и взаимообусловленность двух отмеченных тенденций.

В условиях глобализации в ответ на унифицирующие тенденции повсеместно растет стремление представителей этнокультурных сообществ оберегать свои особенности. Происходит сближение, но одновременно сохраняются различия – расово-антропологические, языковые, этнокультурные. Многие международные документы последнего времени направлены на сохранение этнической самобытности, культурного разнообразия и плюрализма, которые оцениваются в качестве общего достояния человечества. К ним принадлежат, в частности, Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001), Конвенция по вопросам охраны нематериального культурного наследия (2003), Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005), Всемирный доклад ЮНЕСКО «Инвестиции в культурное разнообразие и межкультурный диалог» (2009) и др. В сентябре 2007 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла Декларацию ООН о правах коренных народов, провозглашая для данной группы народов многие специальные права в силу особенностей их культуры и образа жизни. Сегодня, когда лидеры западноевропейских государств критикуют мультикультурализм и заявляют о его провале, президент России В.В. Путин говорит о культурном разнообразии как предмете гордости и проявлении силы нашего государства¹.

Оценивая проблемную ситуацию в трактовке мультикультурализма, отметим следующее.

Во-первых, мультикультурализм – это не только определенная политика и идеология, но и реальное культурное разнообразие. Кри-

---

¹ Заседание совета по межнациональным отношениям, 24 августа 2012 г. г. Саранск. URL: <http://президент.рф/новости/16292> (дата обращения 10.09.2013).

зиса мультикультурализма как такового быть не может, поскольку конкретных культур всегда много, и они – разные. Даже любая этническая культура неоднородна внутри себя, что вовсе не свидетельствует о ее кризисе. Разнообразие – не проявление слабости, а залог жизнеспособности развивающейся социальной системы.

Во-вторых, в современных условиях имеет место феномен мультиплексии культур, который является продуктом воздействия комплекса факторов, начиная от эффектов эпохи постмодерна и процесса глобализации, заканчивая последствиями политики неолиберализма. Можно предположить в перспективе усиление процесса фрагментации культур аналогично тенденции роста числа национальных государств (с 1900 г. их количество увеличилось более чем в 2 раза).

В-третьих, мультикультурализм неизбежно предполагает не только фрагментацию, но и взаимодействие культур – интеркультурализм как необходимое условие устойчивого социокультурного развития на разных уровнях социальной организации¹.

Таким образом, реальные процессы в современном мире опровергли господствующие идеологемы двух наиболее влиятельных идейных течений XX в. – марксизма и либерализма – о якобы угасании значимости этнического фактора и, соответственно, этнического (национального) вопроса по мере технико-экономического прогресса. Возрастание значимости этнического фактора общественного развития, вызвавшее к жизни известный феномен «этнического ренессанса», является в настоящее время не менее очевидным, чем нарастание глобализационных процессов. И это не парадокс, а закономерная реакция этнокультурных сообществ на унифицирующее воздействие глобализационных процессов. В реальной политике это предполагает формирование механизмов управления, адекватных этнокультурной сложности современного мира.

Целевые ориентиры и противоречия Стратегии государственной национальной политики РФ. 19 декабря 2012 г. Президент

¹ Раттанси А. От мультикультурализма – к интеркультурализму. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page25865.html> (дата обращения 10.09.2013); Паин Э., Федюнин С. Невозможность империи и недостаточность нации: концептуализация новой политики – интеркультурализма. URL: <http://www.liberal.ru/articles/5596> (дата обращения 10.09.2013).

В.В. Путин утвердил Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (далее – Стратегия). Это важное для России и давно ожидаемое событие, поскольку существовавшая до того момента Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, принятая в 1996 г. (далее – Концепция), по общему признанию, устарела и не отвечала насущным проблемам и потребностям государственного регулирования процессов в данной сфере общественного развития в настоящее время. Важнейшее значение для актуализации проблем современной национальной (этнонациональной) политики имели события на Манежной площади в декабре 2010 г. Независимо от того, как оцениваются эти события – как всего лишь происшествие, на чем настаивает академик В.А. Тишков, или как проявление наズревшего в обществе и не замечаемого властями «народного бунта»¹, – именно они определили повышенное внимание высших органов власти к проблемам государственной национальной политики и межэтнических отношений в последующий период. К наиболее значимым событиям этого ряда можно отнести публикацию в январе 2012 г. статьи тогда председателя Правительства, кандидата в Президенты Российской Федерации В.В. Путина «Россия – национальный вопрос»², создание в июне 2012 г. при Президенте РФ Совета по межнациональным отношениям, обсуждение текста проекта и принятие окончательного варианта Стратегии, наконец, утверждение Правительством РФ 20 августа 2013 г. федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)».

В Стратегии сформулированы фундаментальные положения в области национальной политики Российской Федерации, в том числе ее основополагающие целевые ориентиры, к которым отнесены укрепление общероссийского гражданского самосознания, сохранение этнокультурного многообразия, гармонизация национальных

---

¹ Тишков В.А. Этническая политика России на современном этапе // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году: Ежегодный докл. Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 7.

² Путин В.В. Россия: Национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.

и межнациональных отношений, обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина, адаптация и интеграция мигрантов. Все они принципиально важны для реализации эффективного государственного регулирования в соответствующей сфере общественной жизни. В то же время отметим, что Стратегия не лишена недостатков и противоречий и предусматривает возможность корректировки. В частности, пункт 6 гласит: «Государственная национальная политика Российской Федерации нуждается в новых концептуальных подходах с учетом необходимости решения вновь возникающих проблем, реального состояния и перспектив развития национальных отношений»¹. Остановимся на тех из них, которые являются концептуально значимыми и без решения которых реализация Стратегии не может быть достаточно успешной.

Прежде всего, обратим внимание на отсутствие достаточной терминологической четкости и выверенности текста Стратегии по ее базовым понятиям. Так, в ней по сравнению с Концепцией 1996 г. четко проявляется принципиальное изменение концептуального подхода в определении ориентиров государственной национальной политики: от понимания нации как этнокультурного феномена – к рассмотрению нации как исключительно нации-государства (российской нации). В то же время введенное понятие «российская нация» противоречит содержанию используемого во всех других случаях понятия «национальный», где оно употребляется не в гражданском, как в случае с российской нацией, а в этническом (этнокультурном) смысле («национальная политика», «национальность», «межнациональное согласие», «межнациональные отношения» и др.).

Среди главных целей Стратегии обозначены как укрепление государственного единства, общероссийского гражданского самосознания, так и сохранение и развитие этнокультурного многообразия и самобытности народов России. В то же время, насколько можно судить по содержанию документа, данные цели рассматри-

---

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139350>

ваются как рядоположенные и, в конечном итоге, доминирующей выступает первая из них.

В принципе это верный и необходимый ориентир, если учесть существующий кризис российской гражданской идентичности, наличие которого зафиксировано, в частности, в федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)»¹. Данная проблема превратилась в общемировую. Ее не избежали многие страны, в том числе и США, еще недавно гордившиеся своим национальным (гражданским) единством, а сегодня стремительно его теряющие. Это со всей убедительностью показывает С. Хантингтон, замечая: «Пожалуй, величайшим сюрпризом будет, если США в 2025 году останутся той же страной, какой были в 2000 году; а вот если Штаты превратятся в совершенно другую страну (или несколько стран) с совершенно иной государственной концепцией и национальной идентичностью, в этом не окажется ничего удивительного»². Поскольку для России проблема общегражданской идентичности является также актуальной, поскольку она вполне обоснованно поставлена во главу угла государственной национальной политики.

Реальность, однако, такова, что в Стратегии отсутствуют четкое осмысление и должная проработка механизма обеспечения взаимосвязи, с одной стороны, общероссийского гражданского самосознания и основанного на нем национального единства, с другой – этнокультурного многообразия. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что главный акцент в Стратегии сделан на межнациональных (межэтнических) отношениях, а этнокультурное многообразие во многих случаях остается просто фоном, недаром констатирующая часть Стратегии (Раздел II) носит название «Состояние межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации». Отсутствует соответствующий раздел и не ведется речь об этнической структуре России, о существовании разных (по численности, языковым семьям, религиозным предпочтениям) групп народов,

---

¹ Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» (2013). URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>

² Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: ACT: ACT Москва, 2008. С. 33–34.

о состоянии и проблемах этнокультурного развития. Ставится задача создания «государственной и муниципальной систем мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций», однако не актуализирована задача проведения мониторинга социального самочувствия представителей разных этнических групп и этнокультурного развития в целом.

Но если не проведена диагностика и не провозглашена задача по отслеживанию состояния этнокультурного многообразия, то не может быть эффективным достижение провозглашенной цели по его сохранению и развитию. Эта цель вряд ли реализуема также без сохранения этнической идентичности, этнического самосознания, однако в тексте Стратегии об этом даже не упоминается. Подспудно же этническая идентичность оценивается как неодобряемое, негативное явление.

Неявно фиксируется усиление многонациональности Российской Федерации: если в Концепции 1996 г. указывалось, что в России проживает более 100 народов, то в Стратегии зафиксировано проживание здесь представителей 193 национальностей. Поскольку каждая национальность является носителем определенной национальной культуры, то прогнозируемый рост этнокультурного многообразия создает определенную угрозу (или серьезные трудности) для консолидации российской нации. Перманентно осуществляемая гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений будет нарушаться дисгармонией, возникающей вследствие развития этнокультурного многообразия. В Стратегии это фундаментальное противоречие реальной жизни не зафиксировано. Из нее тем более не ясно, как решать данное противоречие и многочисленные проблемы, им порождаемые.

Необходимость учета региональных особенностей этносоциальных процессов и моделей реализации национальной политики. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации поставлена задача выработки единых подходов к решению проблем этой политики государственными и муниципальными органами, различными политическими и общественными силами. Но в ней ничего не говорится о том очевидном факте, что в разных регионах эта политика реализуется в конкретных условиях местных межэтнических сообществ, различающихся уровнем социально-

экономического развития, особенностями этнической структуры, интенсивностью и направленностью миграционных процессов, остротой межнациональных отношений и в целом состоянием локальных этносоциальных процессов. Это тем более важно учитывать, что этнические группы интегрированы в Российскую Федерацию именно опосредованно через региональные межэтнические сообщества с разными актуальными проблемами. В каждом конкретном случае это существенно модифицирует общий формат национальной политики.

Одним из наиболее значимых факторов, оказывающих влияние на характер этносоциальных процессов в отдельных регионах, в настоящее время является внешняя и внутренняя миграция. Под ее влиянием меняется этнокультурная мозаика, реструктуризируются региональные (локальные) межэтнические сообщества, реанимируется и модифицируется национальный вопрос.

Надо также иметь в виду, что Россия является федеративным государством с национально-территориальным делением и многие регионы обладают определенной этнокультурной спецификой, определяющей характерную для них социокультурную динамику межэтнических сообществ.

Поэтому важной задачей, не нашедшей отражения в Стратегии, является выделение региональных моделей национальной политики в их обусловленности характером объективных этносоциальных процессов, протекающих в локальных межэтнических сообществах, а также определение регионально обусловленных ориентиров национальной политики наряду с общестратегическими ориентирами. К сожалению, такая возможность даже не оговаривается и не предусматривается, а следовательно, и не допускается.

На самом деле, проведение продуманной, целенаправленной, ответственной национальной политики предполагает ее адаптацию к конкретным условиям и должно осуществляться не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов федерации, а также муниципалитетов, особенно крупных. При этом очевидно, что без учета региональных особенностей государственная национальная политика не может быть достаточно эффективной.

В этой связи стоит обратиться к Концепции государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г. Она высту-

---

пала стратегическим нормативным актом на федеральном уровне, на основании которого разрабатывались многочисленные региональные нормативные акты (в виде концепций), определяющие принципы и приоритеты деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в области национальной политики и межнациональных отношений.

Принятая вместо Концепции 1996 г. Стратегия государственной национальной политики 2012 г. не предусматривает конкретизации безусловно необходимых для страны общих концептуальных положений в национальном вопросе и возможность принятия региональных концепций реализации национальной политики. В ней допускаются только разработка плана мероприятий по реализации Стратегии (пункт 24), а также государственной, региональных и муниципальных целевых программ (пункт 26). Как представляется, подобные планы и программы не всегда могут быть достаточно эффективными, если они не базируются на предварительной серьезной диагностике и концептуальном осмыслении особенностей этносоциальной ситуации и существующих проблем в отдельно взятых регионах. Как правило, местные чиновники идут по легкому пути и разрабатывают подобные планы мероприятий и программы, что называется, не выходя из кабинетов. Известно, что именно так поступили с разработкой планов мероприятий в ряде регионов и муниципалитетов вскоре после утверждения Стратегии.

Подтверждением данного факта является жесткая оценка В.В. Путиным ситуации с организацией работы по реализации Стратегии на местах, которую он дал 22 октября 2013 г. в Уфе на заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ. Вот один из показательных фрагментов его выступления: «...работа пока разворачивается медленно: планы реализации федеральной Стратегии составили только девять регионов Российской Федерации... Повторю, речь идет лишь о планах, о первых необходимых мерах, а если проанализировать конкретную работу, то картина, видимо, будет еще более удручающей. Что касается собственных стратегических документов, то их приняли в 21 субъ-

екте Федерации. Но и здесь не все так, как хотелось бы: большинство документов явно устарело»¹.

Да что говорить о региональных и муниципальных властях, если принятие решения о разработке федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», как отмечено в ее паспорте, датируется 22 июля 2013 г., а утверждена она постановлением Правительства РФ уже 20 августа 2013 г., то есть меньше, чем через месяц. Можно ли в этой ситуации говорить о хорошей проработке и высоком качестве данной программы?

Новые задачи в сфере национальной политики. 31 марта 2015 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ о создании Федерального агентства по делам национальностей, главной задачей которого провозглашены выработка и реализация государственной национальной политики. Тем самым высшее должностное лицо государства спустя 13 лет с момента ликвидации Миннаца в 2001 г. (перед упразднением оно называлось Министерством по делам федерации, национальной и миграционной политики) вновь признало необходимым существование для России – самой многонациональной страны Европы – специального федерального ведомства, ответственного за реализацию данного направления государственной политики. Кроме этого, еще раньше, в октябре 2013 г., после массовых беспорядков на межэтнической почве в московском районе Бирюлево Западное, Президент подписал закон о расширении полномочий и повышении ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений. Как представляется, такое расширение полномочий является совершенно оправданным, поскольку именно на данные органы падает основной груз забот по решению проблем в сфере обострившихся в России межнациональных отношений.

В то же время практически ничего не говорится о наделении соответствующих органов дополнительными возможностями, необходимыми для успешной реализации новых полномочий и ответ-

¹ Заседание Совета по межнациональным отношениям 22 октября 2013 года, Уфа. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/19475/print>

ственности. При сохранении существующей на сегодня законодательной базы органы государственной власти субъектов Федерации, а особенно органы местного самоуправления оказываются в весьма сложном положении повышенной ответственности за состояние межнациональных отношений и этнокультурное развитие без дополнительного финансового, материального и кадрового обеспечения. В целом в федеральном законодательстве до сих пор в должной мере не урегулирован вопрос, касающийся роли и возможностей органов местного самоуправления в решении задач национальной политики: форм и методов работы, механизма и объемов финансирования, соответствующих характеру и остроте реальных проблем в данной сфере.

В современных условиях от деятельности органов власти во многом зависит поддержание гармоничного сочетания гражданского согласия, этнокультурного разнообразия, позитивной региональной и этнической идентичности. Одних радио- и телевизионных передач и конкурсов журналистов, фестивалей и других культурных мероприятий, на что часто ориентируются чиновники, здесь совершенно недостаточно. Нужны кардинальные изменения в экономической и социальной политике в интересах основной массы населения. При сохранении существующих в обществе крайних форм социального неравенства, несправедливости и коррупции ни мира, ни согласия не достигнуть.

Нельзя заставить людей любить страну и быть патриотами одним лишь провозглашением России единой нацией. При такой установке без ее подкрепления реальными серьезными делами можно получить прямо противоположный результат. Как представляется, главной задачей органов власти должно стать проведение такой политики, которая не на словах, а реально делает жизнь в стране комфортной для основной массы населения. Это и станет основанием для гордости людей за свою страну и государство, а также для их подлинной гражданственности.

Обобщая анализ актуальных проблем современной государственной национальной политики, заметим, что вплоть до самого последнего времени у федеральных органов власти не было четкой и последовательной позиции в общих вопросах этой политики. Так, после упразднения Президентом России В.В. Путиным (Указ от

8 сентября 2014 г.) Министерства регионального развития, в ведение которого входила, в частности, задача реализации государственной национальной политики, эта функция была передана Министерству культуры. Через полгода (13 марта 2015 г.) в поручении Президента Председателю Правительства РФ по вопросу создания Федерального агентства по делам национальностей его основной задачей определялась реализация государственной политики в сфере не только межнациональных, но и этноконфессиональных отношений. В самом же Указе «О Федеральном агентстве по делам национальностей» от 31 марта 2015 г. его определяющей функцией обозначена «выработка и реализация государственной национальной политики, нормативно-правовое регулирование и оказание государственных услуг в сфере государственной национальной политики».

В заключение еще раз подчеркнем, что объектом регулирования национальной политики должны быть определены этносоциальные процессы в комплексе, а не только межнациональные отношения в узком значении этого термина. Надо надеяться, что с созданием специализированной федеральной структуры управления по проблемам национальной политики данной сфере будет придано значение, соответствующее ее реальной роли в развитии российского общества, и что в объективе внимания государства окажутся не только «культурные» аспекты развития отдельных народов России или межнациональные конфликты, но и наиболее острые и не менее значимые социальные проблемы существования межэтнических сообществ на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

2.3. Социокультурный подход и региональная этнонациональная политика

В данном параграфе продолжим обсуждать концептуальные вопросы современной государственной национальной (этнонациональной) политики в контексте актуализации тех методологических подходов, которые могут быть наиболее действенными при ее практической реализации. Как представляется, неопределенность методологических подходов была одной из главных причин слабости в осуществлении национальной политики в последнее время.

В дискуссиях о конкретных вопросах и мерах этой политики зачастую в тени остаются именно ее мировоззренческо-методологические основания. В общем плане понятно, что многообразие мировоззренческих позиций с необходимостью определяет множественность подходов к решению национального вопроса. Но в сфере реальной политики эти позиции не всегда выявлены, что затрудняет последовательное проведение национальной политики и ее координацию с политикой, проводимой в других сферах общественной жизни.

В мировой практике выработаны две полярные модели национальной политики – ассимиляторство и мультикультурализм¹. Между ними можно выделить ряд других промежуточных моделей, как то апартеид, метекизм и пр.² Не рассматривая вопрос о политической эффективности реализации этих моделей в конкретно-исторических условиях, обратим внимание на способ презентации социальности, который используется при дифференциации этих моделей.

Ассимиляторство и мультикультурализм представляются как модели политики, конституирующие целостность общества на базе одной или нескольких национальных (этнических) культур. Если мультикультурализм ориентирует на ассоциацию и взаимодействие культур в составе социума, то ассимиляторство представляет собой монокультурализм, т.е. выражает ориентацию на монокультуру. Ассимиляторство («болгаризация», «итальянизация», «мадьяризация», «норвегизация» и др.) есть политика, имеющая целью «растворение» национальных меньшинств в доминирующей национальной общности. Конечный результат данной политики, направленный на преодоление провинциальных и этнических различий, в своем пределе должен соответствовать принципу «одно государство – одна нация». Но процесс национально-культурной ассимиляции никогда не может быть завершенным уже в силу сохраняющихся провинциальных различий и постоянно привносимого посредством миграции дополнительного этнического материала. Этим обусловлена открытая или

¹ Савченко И.В., Савченко В.И. Принципиальные модели национальной политики // Конструирование социокультурных практик: глобальный и региональный аспекты. М.: РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2010. С. 101–108.

² Кукамас Ч. Теоретические основы мультикультурализма URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/327/> (дата обращения 14.01.2012).

латентная федеративность национальных государств, чреватая региональным сепаратизмом. Теория «одно государство – одна нация» оказывается юридической утопией.

Мультикультурализм направлен на сохранение в государстве относительно автономных этнических культур. Примечательно, что термин «мультикультурализм» неявно подразумевает вполне определенную концепцию культуры – как локального этносоциального организма, вступившего во взаимодействия с другими подобными организмами. Тем самым из дискурса исключаются конкурирующие концепции культуры – как духовности, совокупности ценностей и т.д.

Обсуждение национальной политики на основе представления о множестве культур, составляющих общество, объективно ориентирует на социокультурный подход, который даже в своей терминографии утверждает единство общества и культуры. Рассмотрим далее содержание социокультурного подхода и возможности его реализации в национальной политике, в частности в процессе регулирования этносоциальных процессов и межэтнических отношений.

Прежде всего, отметим, что, несмотря на широкую популярность социокультурного подхода в современной гуманитаристике, его содержание остается слабо эксплицированным. В конкретном применении оно сводится, по существу, к многофакторному описанию социальных явлений.

В отечественной социальной философии и теоретической социологии в 1990-е гг. оформилось несколько концепций, авторы которых решали задачу разработки социокультурного подхода.

А.С. Ахиезер и Н.И. Лапин развили концепции, в которых суть социокультурного подхода усматривается в понимании общества как единства социальности и культуры¹. Недостатком такой позиции является трактовка социальности и культуры как явлений, различных по своей природе и внешних по отношению друг к другу.

---

¹ Ахиезер А.С. Философские основы социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 29–45; Лапин Н.И. Социокультурный подход и социально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.

В.П. Фофанов социокультурный подход связывает с переходом от познания общего к познанию отдельного¹. В его концепции культура понимается как конкретно-исторический, специфический вариант существования социального организма, что снимает метафизическое противопоставление «социальное – культурное», присущее концепциям А.С. Ахиезера и Н.И. Лапина.

В современной социальной философии термин «социальное» используется по меньшей мере в трех значениях: во-первых, социальное понимается как межиндивидуальное, т.е. взаимодействие любых индивидов (субъектов, социальных тел, объектов); во-вторых, социальное отождествляется с общественным, противопоставляемым природному (в данном значении термин «социальное» используется в названии такой философской дисциплины, как социальная философия); в-третьих, распространено восходящее к К. Марксу представление о социальном как отдельной сфере общественной жизни, противопоставляемой материально-производственной, духовной и политической сферам.

Полагая обозначенный способ структурирования общественной жизни неудачным, мы рассматриваем понятие социального как синоним общественного, а точнее – как термин, используемый для обозначения теоретического конструкта, фиксирующего в идеализированном виде идентичность общества как единства идеального и материального. Такое понимание социального адекватно самопониманию социальной философии, которая не ограничивает свой объект исключительно «социальной сферой» общественной жизни.

На основании того, что социальное определяется как единство материального и идеального, общество в любом его измерении, (в т.ч. и культура) не может рассматриваться как исключительно идеальное либо материальное явление. Поэтому в теоретическом плане культурное не следует редуцировать к идеальному, как это часто делается, а в эмпирическом плане необходимо учитывать, что культура существует прежде всего в практической форме.

---

¹ Фофанов В.П. Методологическое значение социокультурного подхода в разработке новой концепции советского общества // Современные интерпретации социокультурных процессов. Кемерово: КГИИК. 1994. С. 3–25.

Как представляется, в теоретико-модельном плане социальное и культурное соотносятся не как два компонента общественной жизни, а как теоретические конструкты, последовательно фиксирующие идентичность общества на различных ступенях восхождения от абстрактного к конкретному. Если конструкт «социальное» фиксирует идентичность общества в его инаковости по отношению к природной среде, то конструкт «культурное» фиксирует идентичность общества как отдельного социального организма в его инаковости по отношению к другим социальным организмам. Поскольку описание отдельного входит в компетенцию прикладной философии, то социокультурный подход мы определяем как методологему прикладной философии, предназначенную для познания и разработки регулятивов развития отдельных объектов на основе обеспечения единства общего и особенного.

Для раскрытия конкретного содержания социокультурного подхода представляются ценными наблюдения П.А. Сорокина, сформулированные в его обзоре «Социокультурная динамика и эволюционизм»¹. Прослеживая сдвиги в изучении социокультурных изменений, он отметил ряд тенденций, содержание которых, на наш взгляд, создает предпосылки социокультурного подхода.

Во-первых, это рост интереса к описанию собственно социокультурных процессов. Правда, отнесение П.А. Сорокиным к таким процессам любых социальных изменений не выражает, на наш взгляд, методологического предназначения социокультурного подхода. Любой социокультурный процесс должен выделяться и определяться не в абстрактно-общей социальности, а в его структурной дифференциации и культурной специфичности. Основополагающие социокультурные процессы – это процессы социокультурного развития отдельных социальных организмов, культур и цивилизаций. Примером подобным образом выделяемого социокультурного процесса является европейский процесс с входящими в его систему Болонским процессом, Люксембургским процессом и пр.

Во-вторых, это изучение социокультурных процессов с учетом ритмов, флюктуаций, осцилляций, циклов и их периодичности. Ду-

---

¹ Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 372–392.

мается, объективный анализ ритмической организации социокультурных процессов является неотъемлемой составляющей социокультурного подхода. Учитывая, что социокультурная система есть уникальное и гармоничное единство, важно фиксировать социокультурный процесс как ритм, развивающийся по законам гармонии. Поэтому для описания социокультурных ритмов большую ценность представляют музыкальные метафоры (например, «европейский концерт» – для характеристики системы международных отношений европейских государств). Пространственная организация социокультурных процессов может описываться архитектурно-ландшафтными метафорами (например, «европейский дом»).

В-третьих, П.А. Сорокин обращает внимание на тщательное изучение социокультурных переменных и постоянных факторов социокультурных процессов. К постоянным факторам исследователи обычно относили климат, солнечные пятна, расу, инстинкты и пр. К социокультурным переменным они относили плотность и численность населения, изобретательность, религию и пр. П.А. Сорокин положительной тенденцией считает, с одной стороны, детализацию факторов, с другой стороны, большой интерес к социокультурным переменным. Статистическая проверка множества гипотетических зависимостей между разнообразными факторами позволила, на его взгляд, уточнить многие представления о детерминации отдельных социальных явлений.

Оценивая данную тенденцию, следует сказать, что выделение социокультурных переменных как инструмента функционального анализа имеет математический смысл при двух условиях: во-первых, необходимо выделение социокультурных постоянных (констант), а во-вторых, следует установить и в математической форме выразить закон, связывающий социокультурные переменные.

В рамках социокультурного подхода нет смысла выделять потенциально бесконечное количество тривиально известных постоянных факторов, а фактически – внешних и внутренних условий протекания социокультурных процессов. Важен не набор постоянно действующих факторов, а их весомость. Для статистической оценки значимости конкретных факторов детерминации изучаемого социокультурного процесса достаточно применить факторный анализ. Но исключительное значение имеет определение социокультурных кон-

---

stant как конкретных, математически выраженных форм организации социокультурных процессов. Для социокультурного подхода выделение констант не менее важно, чем выделение математических и физических констант соответствующими науками.

В свою очередь, из бесчисленного множества социокультурных переменных важно отобрать функционально значимые, органично включенные в закономерно протекающие социокультурные процессы. Социокультурные переменные должен связывать между собой имманентный социокультурному процессу внутренний закон, который обеспечивает его устойчивость в изменяющихся условиях окружающей среды. Думается, когда В.П. Фофанов указывает на наличие специфических «социокультурных схем деятельности», то фактически он выделяет закон конкретного социокультурного типа деятельности. «Например, для иудеев как скотоводческого народа, – пишет он, – базовой схемой деятельности является отношение, которое и было отрефлексировано в иудаизме как отношения Бога-пастыря и людей-овец»¹. Это отношение в многократных рефлексиях и инверсиях стало инвариантом материальной и духовной жизни народов иудеохристианской традиции. Не исключено, что в других социокультурных вариантах оно значимо для других скотоводческих в историческом прошлом народов.

Постмодернистская номадология демонстрирует, что структурирование отношение «пастуха и стада» до настоящего времени является законообразующим для западной цивилизации. С ним способна конкурировать лишь выявленная М.К. Петровым модель отношений капитана пиратского корабля и его команды. А о законах в этих отношениях можно, по-видимому, говорить достаточно строго, учитывая хотя бы богатый опыт математического моделирования и оптимизации скотоводства.

Указанные П.А. Сорокиным тенденции развития «социокультурных» исследований могут быть, на наш взгляд, интерпретированы как важные методологические ориентиры социокультурного подхода. Опираясь на них, сформулируем содержание социокультурного подхода в следующих принципах:

---

¹ Фофанов В.П. Социальная философия: к новой исследовательской программе // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 1. С. 38.

-
- рассмотрение отдельного общества как структурированного социокультурного процесса, включенного во всемирно-исторический процесс;
  - описание отдельного общества в его генетических и функциональных связях, в обусловленности антропогеографическим разнообразием и межкультурными взаимодействиями;
  - анализ общества как исторически сформировавшегося ансамбля культур;
  - выявление социокультурных законов, констант и переменных, регулирующих развитие общества;
  - художественно-эстетическое определение уникальных форм пространственно-временной организации социокультурного процесса.

С учетом изложенного социокультурный подход предлагается понимать не как описание общества в виде опосредованного символами взаимодействия индивидов, а в виде ансамбля (комплекса) культур. Иначе говоря, общество, с точки зрения данного подхода, – это не единство индивидов и культуры, а единство культур. Соответственно, социокультурное – это не единство социального и культурного как отдельных субстанций или социальное в его культурной детерминации (последнее – вариант культурного детерминизма, наиболее распространенного в работах культурологов), а социальное в его культурном разнообразии.

Как представляется, применительно к изучению отдельных социокультурных образований (цивилизаций, государств, национальных общностей, этнических групп, личностей) социокультурный подход предполагает осуществление их исследования в парадигме взаимодействия. Применение социокультурного подхода к исследованию этнокультурных сообществ, на наш взгляд, характеризуется понятием этносоциального. Становление этнокультурных сообществ, их устойчивость и особенности определяются природно-ландшафтными предпосылками (разные естественные условия формируют различающиеся этнические культуры). В свою очередь сходство и развитие этнокультурных сообществ обеспечивается благодаря социальным взаимодействиям (взаимодействиям с себе подобными), то есть внешним (межэтническим) взаимодействиям, в результате которых и формируется этническая социальность.

Этнокультурные единицы – это со-общества, а общество – их совокупность. Социальность – это то, что делает множество этнокультурных сообществ обществом, что их объединяет, что является для них общим. Общество в данном случае выступает как межэтническое сообщество. С точки зрения социокультурного подхода межэтнические сообщества есть единство общего и особенного, единство (социальное) многообразного (культурное). Последовательное применение социокультурного подхода позволяет понять, как возможно единство многообразия без ущерба и для единства, и для многообразия.

На каждом уровне социокультурной реальности свое единство и свое многообразие: одновременно едины и дифференциированы каждая этническая группа, отдельный этнос, нация-государство, цивилизация. Это относится также к конкретному региону, локальному сообществу. Всякое межэтническое сообщество есть продукт межэтнических взаимодействий. В свою очередь, последние, взятые не только функционально, но и генетически, то есть в развитии, следует рассматривать как некоторый процесс, в рамках которого взаимодействие этнокультурных сообществ является условием внутреннего развития каждого из них. Социокультурный подход к исследованию межэтнических взаимодействий в данном контексте содержательно конкретизируется в этносоциальных процессах, рассматриваемых с учетом моментов их устойчивости и изменчивости. Именно этносоциальные процессы, по нашему убеждению, выступают объектом этнонациональной политики на общегосударственном, региональном и муниципальном уровнях.

Каким же образом социокультурный подход может быть реализован в национальной политике? Ситуацию, раскрывающую эвристический потенциал социокультурного подхода в национальной политике, проиллюстрируем на примере Ямальского процесса.

Протекающие сегодня в Ямало-Ненецком автономном округе этнокультурные процессы уходят своими корнями в историю. Они обладают собственной спецификой, которая запечатлена в облике регионального межэтнического сообщества. Это сообщество интегрирует различные этнические культуры. На состоявшемся 2 апреля 2014 г. в Салехарде заседании Консультативного совета по вопросам этноконфессиональных отношений губернатор Ямало-Ненецкого

автономного округа Д.Н. Кобылкин отметил, что межэтнический мир в регионе основан на исторической общности людей, которые осваивали природные ресурсы Ямала. «Но история не стоит на месте, поколения меняются, – отметил глава региона. – Основой идеологии укрепления общности, считаю, может стать история Ямала. <...> Наша задача – сделать все, чтобы эта атмосфера ямальской общности людей, взаимного уважения, взаимовыручки и других традиционных наших северных качеств передавалась новым поколениям первооткрывателей Севера и прививалась вновь приезжающим».

В региональной жизни Ямало-Ненецкого автономного округа отмечаются противоречия между различными территориями, располагающими неодинаковыми ресурсами и источниками развития. Разные этапы и направления промышленного освоения Северо-Запада Сибири формировали эшелонированную, территориально диверсифицированную структуру конкурирующих промыслов и индустрий. Будучи одной из точек роста российской цивилизации, Ямало-Ненецкий автономный округ фокусирует в себе усилия соперничающих между собой социокультурных групп, составляющих ткань многонационального российского сообщества. Продвижение «первопроходцев», ссылка по этническому признаку, делегирование союзными республиками строительных отрядов, мобилизация квалифицированных кадров в старых нефтегазопромышленных районах сформировали современный социокультурный облик автономного округа, конституировали социокультурных субъектов, консолидированных во многом по земляческому принципу.

Социокультурные противоречия прошлого и настоящего дифференцируют и противопоставляют различные категории населения. Вместе с тем эти противоречия ведут к взаимопроникновению социокультурных субъектов, интегрируя их в укрупненные социокультурные агрегации. Так, для пришлого населения все коренное население относится к административной категории коренных малочисленных народов Севера – КМНС. Коренное население воспринимает все пришлое население как русских, выделяя, правда, в особую категорию выходцев из республик Кавказа и Средней Азии.

В региональном межэтническом сообществе может быть выделено множество актуальных социокультурных противоречий. Сравнительная объективная ценность различных противоречий для

Ямальского процесса может быть ранжирована по историко-генетической шкале, дифференцирующей противоречия исторически первичные, базисные и вторичные, надстроечные, опосредствующие динамику базиса и, возможно, ведущие в настоящее время. Системно-генетический анализ Ямальского процесса предполагает выявление и разрешение противоречий, как снятых в прошлом, так и подлежащих снятию в будущем.

Под Ямальским процессом мы понимаем процесс взаимосвязанного развития интерэтнического сообщества коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа и регионального межэтнического сообщества в целом. Поддержание сбалансированной динамики Ямальского процесса предполагает оказание адресного высокоточного воздействия на развитие социокультурной субъектности того или иного народа, что может стать импульсом для позитивной социокультурной динамики других народов вследствие взаимосвязанности развития народов в рамках ямальского сообщества.

В исторически обозримой ретроспективе Ямальский процесс был инициирован появлением на территории региона самодийского населения и поглощением автохтонного оседлого населения охотников и морских зверобоев. Данный социокультурный конфликт был снят интеграцией ассимилированного населения в состав ненцев в статусе родов, входящих во фратрию Вануйто. Собственно ненецкие роды входят во фратрию Харючи, которая является лидирующей и в настоящее время.

Базисная модель Ямальского процесса – натиск (Конкиста) и последующая инкорпорация – была воспроизведена в рамках экспансии обских угров (преимущественно хантов). Благодаря институциональной поддержке российской администрации политическое доминирование христианизированных хантов сохранялось вплоть до начала XX в., но переход ненцев к крупнотабунному оленеводству позволил обеспечить диффузное подавление хантов (Реконкиста), «оненечивание» хантыйских родов, закрепление за хантами более низкого социокультурного статуса.

Первоначально конфликтные отношения между ненцами и хантами создали предпосылки для матримониальной интеграции, культурного обмена – освоению хантами оленеводства и передачи нен-

цам достижений художественно-эстетической культуры хантов. Таким образом, угорско-самодийский конфликт трансформировался в рефлексивные отношения сотрудничества.

Продвижение русских в Сибирь стало одним из факторов, содействовавших экспансии обских угров, которые выполняли посредническую функцию в объясачивании «бродячих инородцев». По определившейся таким образом оси север – юг (в т.ч. и из-за сезонных меридиональных миграций) в XX в. началось и нефтепромышленное освоение Ямала. Южные районы Ямало-Ненецкого автономного округа были связаны транспортными коммуникациями с Ханты-Мансийским автономным округом – Югрой и оказались в сфере его культурного влияния. Темп общественной жизни и духовная атмосфера в этих районах Ямало-Ненецкого автономного округа существенно отличаются от традиционалистской культуры западных районов. Таким образом, этнополитическое противоречие между ненцами и хантами получило развитие в производных, вторичных внутрирегиональных и межрегиональных противоречиях.

Объективно существующее и сохраняющееся социокультурное противоречие между ненцами и хантами в Ямало-Ненецком автономном округе может быть использовано в качестве источника и движущей силы развития регионального сообщества. Рефлексивное управление социокультурными противоречиями предполагает целенаправленное стимулирование одного из социокультурных субъектов, позитивная динамика которого в рамках механизма социокультурной рефлексии («национальный подъем») станет предпосылкой полагания контрсубъекта. В настоящее время перспективной представляется возможность оказания содействия в развитии социокультурной субъектности северных хантов, повышение уровня их организованности и сознательности. Повышение социокультурного статуса северных хантов в системе сложившихся отношений «жесткого обучения» станет импульсом для позитивной социокультурной динамики ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа и других этнических групп, входящих в состав ямальского сообщества.

Дальнейшее развитие противоречия между ненцами и северными хантами в системе внутрирегиональных и межрегиональных противоречий является источником Ямальского процесса в целом. Региональное сообщество Ямало-Ненецкого автономного округа

конституируется социокультурными субъектами, адаптированными к территории по принципу «этнос – ландшафт», а также в логике межэтнической комплементарности. Продвижение через территории хантов является фактором социокультурного отбора, в рамках которого в региональных сообществах Ямало-Ненецкого автономного округа и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры оседали наиболее адаптивные тюркоязычное население и близкие к нему по этническому характеру группы украинцев. Таким образом, базисная для регионального сообщества социокультурная структура автохтонного населения выступает моделирующим фактором адаптивного социокультурного отбора, определяющего логику одного из векторов Ямальского процесса в целом.

Особый контур социокультурной рефлексии в составе Ямальского процесса может быть выявлен при анализе взаимодействия между ненцами и коми-зырянами, определившего динамику западных районов Ямало-Ненецкого автономного округа.

Истоки Ямальского процесса и его социокультурная динамика представляют интерес как основа прогнозирования его перспектив. История не пишется с чистого листа, а обнаруживает неумолимо действующие долговременные тенденции.

Выше уже говорилось о базисной модели Ямальского процесса – натиске и последующей инкорпорации. Данный тант конституирует ритмическую, волнообразную организацию Ямальского процесса, а этот ритм может быть идентифицирован конкретной музыкальной метафорой¹. Для идентификации европейского процесса может быть использована известная метафора «европейского концерта» – «соперничество в согласии» или «согласие в соперничестве». Динамика евразийского процесса – ритмов Евразии – может быть описана музыкальной метафорой симфонии, известной своим использованием в Византии и России применительно к сотрудничеству церкви и государства.

¹ Согласно О. Шпенглеру, ритм фаустовской культуры репрезентируется фугой. См.: *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысли, 1998. С. 345; Дж. Даймонд движение викингов на Запад через Северную Атлантику описывает как полную пятерную «исландско-гренландскую» фугу. См.: *Даймонд Дж.* Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. С. 240.

Для выражения ритмической специфики Ямальского процесса наиболее адекватной является метафора рапсодии. Она воссоздает исполнение древнегреческого певца-рапсода и отличается от других музыкальных форм эпичностью, свободной организацией, смешной и накоплением тем. В этом отношении характерна композиция «Богемная рапсодия» английской рок-группы «Queen». Метафора рапсодии корреспондирует певческой традиции ненцев. На наш взгляд, ритмика Ямальского процесса может быть определена как Ямальская рапсодия.

Музыкально-эстетическая интерпретация форм социокультурных процессов позволит математически точно описать их специфику и организацию, открыть перспективы проектирования конкретных организационных форм гармонизации межэтнических отношений. При этом установка на гармонизацию перестает быть пустой метафорой и приобретает то конкретное содержание, которое выработано в различных теориях гармонии (прежде всего, музыкальной гармонии) эстетикой отдельных видов искусств.

Перспективы Ямальского процесса определяются также тем, что локальные социокультурные процессы вплетены в континентальный и глобальный социокультурные процессы. В целом особенности географической среды Крайнего Севера определяют относительно замкнутый, изолированный характер северных сообществ, которые существуют и развиваются как автономные территориальные образования. Определенная самодостаточность, относительная самообусловленность традиционных северных сообществ не всегда позволяют увидеть роль локальных социокультурных процессов в поддержании цивилизационной целостности.

В этой связи представляет интерес введенное А.В. Головневым различение магистральных и локальных культур, дополнительных по отношению друг к другу. В данной модели локальные культуры осваивают территорию и ее ресурсы, а магистральные культуры связывают и интегрируют отдаленные территории. Так, по оценке А.В. Головнева, славяне умели выживать, а норманы умели побеждать. Магистральная нордическая культура викингов интегрировала в Средние века европейский мир и положила начало российской цивилизации, дальнейшее развитие которой обеспечивалось преимущественно «ордизмом».

В отношении ямальской культуры можно отметить доминирование магистральной культуры – культуры разнообразных магистралей: речных, железнодорожных, нефтяных и газовых, оптико-волоконных и т.п. Локальная культура Ямала является функционально подчиненной по отношению к различным магистральным культурам (включая, например, исторически сложившееся по Обь-Иртышской водной магистрали формальное подчинение автономного округа Тюменской области). На главенствующую роль магистральных культур, связывающих северян с югом, обратил внимание губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа Д.Н. Кобылкин в отчете о результатах деятельности Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа в 2010 г.: «Долгое время округ воспринимали преимущественно как “нефтегазовое хранилище”, где люди жили и работали в спартанских условиях. Мы взяли курс на изменение ситуации. Каждый рубль идет в дело и в стабильное завтра региона».

Очевидно, что «спартанство» символизирует приоритет магистральной культуры. Но в настоящее время при сохранении данного приоритета укрепляет свои позиции локальная культура. Забота о благосостоянии населения региона связывается с заботой о будущем.

Акцент на будущем важен в том отношении, что позволяет провести типологизацию культур. В западной культуре из всех модусов времени приоритет отдается настоящему. В отношении хантов и ненцев обычно также указывается на доминанту настоящего в восприятии времени. Для русских, наоборот, характерно внимание к будущему, теплое, позитивное отношение к нему.

Черты темпорального мышления разных народов интересны потому, что культуру ненцев относят к магистральным культурам. Но мышление ненцев антитехногенно, хотя и адаптивно к инновациям. Точнее говоря, ненцы болезненно относятся к бурению и другим видам хозяйственной деятельности, наносящим повреждения поверхности Земли. Отчасти это объясняется мифологическими представлениями об инфернальности подземного мира.

Отдавая должное традиционному мировоззрению ненцев и учитывая амбивалентность архетипов коллективного бессознательного, в т.ч. других этносов, в порядке поддержания баланса этноидеологий имело бы смысл обратить внимание на «героев Севера», не страш-

щихся Нга и осваивающих его владения. Практика проведения медвежьих праздников также важна в том отношении, что является культом хтонического зверя, традиционно символизирующего Россию.

Важное значение для региональной идеологии имеет историко-археологическое изучение культуры первопоселенцев Ямала¹. Они обитали в землянках, знали кузнечное дело и занимались среди прочего морским промыслом. По легендарным сведениям эти первопоселенцы могут считаться «народом моря». Внимание к ним знаменует поворот региональной идеологии к Арктике.

Можно утверждать, что региональному межэтническому сообществу предстоит поворот «лицом к Арктике», формирование ее позитивного образа как собственного основания развития Ямало-Ненецкого автономного округа.

В этой связи вновь обратимся к позиции губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа Д.Н. Кобылкина. В отчете о результатах деятельности Правительства ЯНАО за 2013 г. он подчеркнул значение арктических мегапроектов для будущего автономного округа: «Меня часто спрашивают, почему Правительство округа уделяет столько внимания Арктике и мегапроектам? Почему мы не можем сконцентрироваться на удовлетворении обычных ежедневных потребностей? Ответ прост: потому что нельзя жить только текущими заботами. Это в итоге и порождает разговоры о необходимости закрытия моногородов, уничтожении сел и деревень, ликвидации небольших школ и больниц... С точки зрения сохранения и развития нашей северной территории заниматься исключительно проеданием бюджета – преступление по отношению к будущему поколению. Мы не вправе стоять на месте. Мы должны двигаться вперед, как бы тяжело ни было. Только тогда нас ждет победа. Только тогда мы сможем повышать благополучие ямальцев, укреплять Ямал, крепить мощь России».

Продвижение в Арктику является новым витком Ямальского процесса, традиционно ориентированного по оси юг – север. Современная ситуация парадоксальна в том отношении, что продвижение на север открывает более короткий и экономичный путь на

¹ Темплинг В.Я. Сихирта // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого авт. окр.: в 3 т. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2004. Т. 3. С. 110.

юг. Возможность занять ключевую позицию на Северном морском пути – это возможность приобрести собственную магистраль как условие дальнейшего развития локальной ямальской культуры и ее распространения по регионам Российского Севера. В соперничестве региональных субарктических культур – от поморской до чукотской Ямал может выступить лидером. Поэтому определяющей перспективой Ямальского процесса является выход на Северный морской путь, и этот выход должен быть обеспечен региональной идеологией и политикой.

С точки зрения социокультурного подхода отдельный социум является ансамблем этнокультур. Это представление позволяет оценить ограниченность ныне доминирующих подходов в этнонациональной политике. Политика гражданской нации, как правило, переоценивает интегрирующий потенциал доминирующей этнокультуры. Политика мультикультурализма недооценивает значимость целостности социального организма, «сонастроенности» входящих в него этнокультур. Между тем важно представлять социокультурную динамику межэтнического сообщества, прогнозируя тектонические подвижки в нем и их отдаленные социокультурные последствия. Поэтому этнонациональная политика в региональном межэтническом сообществе должна опираться на социокультурный подход, грамотное применение которого способно снять крайности и основные недостатки политики гражданской нации и политики мультикультурализма.

2.4. Региональные приоритеты в реализации государственной национальной политики

Наблюдающиеся в настоящее время в Европе массовые беспорядки на этнической почве, миграционный кризис и этнорегиональный сепаратизм актуализируют ряд важных проблем, связанных с теорией и практикой национальной политики в современном мире. Главными из них являются: в теоретическом плане – проблема ограниченной эффективности как концепции нации-государства, так и концепции нации-культуры, в практическом плане – кризис государствообразующих наций и вытекающий из него кризис миграционной политики. Эти проблемы в определенной степе-

ни испытывает и Россия, в связи с чем возникает вопрос: каким ориентирам необходимо следовать при реализации государственной национальной политики?

Утвержденная указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации определила систему современных приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач и механизмов реализации данной политики. Но следует учитывать, что государственная национальная политика реализуется в условиях многонационального (полиэтничного) государства, в котором важную роль играют этносоциальные процессы и межнациональные (межэтнические) отношения.

Еще раз обратим внимание на то, что хотя Стратегия признает факты многонациональности и наличие межнациональных отношений, она не рассматривает народы Российской Федерации в качестве активно действующих субъектов государственной национальной политики. В отличие от Стратегии отмененная ею Концепция государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г. исходила из признания значимости народов России и развития их субъектности по двум основным направлениям: совершенствование федеративных отношений и национально-культурное самоопределение народов России в организационной форме национально-культурных автономий. Теперь же акцент делается на сохранении и развитии этнокультурного многообразия народов России, консолидации этих народов в составе российской нации.

Данные положения Стратегии, как представляется, нивелируют роль различных народов России до статуса объектов государственной национальной политики. Нам кажется неслучайным, что в качестве первого основного принципа государственной национальной политики зафиксированы государственная целостность, национальная безопасность Российской Федерации, единство системы государственной власти. Напомним, что в Концепции первым принципом обозначено равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям. В принятой Стратегии этот принцип сохранен, но не как первый, а как третий по значимости. Таким образом,

в Стратегии по сравнению с Концепцией осуществлен определенный пересмотр приоритетов при определении принципов государственной национальной политики.

Государственная ориентация Стратегии и установка на формирование российской нации выражают, очевидно, дух модели нации-государства. Но в данном отношении, т.е. в отношении используемого теоретического базиса, Стратегия противоречива. Целевая установка на сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России выражает дух модели нации-культуры. Принятие данной установки ориентирует на перспективу возрастающего этнокультурного многообразия, что представляется достаточно оправданным и вероятным в силу действия глобальных и трансграничных факторов, прежде всего повышения интенсивности миграционных процессов. Возникает реальное противоречие, о котором говорилось ранее, между ростом этнокультурного многообразия и процессом консолидации российской нации.

Видимая противоречивость теоретического базиса Стратегии может быть объяснена дополнительностью моделей нации-государства и нации-культуры. Национальное государство, реализующее модель нации-государства, признает мультикультурализм как исходную историческую данность, преодолеваемую в государственной национальной политике. Но доминанта государства, стоящего над нацией и конструирующего ее, объективно формирует ситуацию нетождественности, различия и даже дуализма культур – культуры государствообразующей нации и культур подчиненных наций.

В системе нации-государства интиериоризированный конфликт культур находит выражение в ограничении одних этнокультур и подъеме других этнокультур. Дисгармонизация традиционно сложившегося этнокультурного баланса стимулирует эмиграцию (а в ряде случаев – внешнюю экспансию). А это, в свою очередь, ведет к упадку и кризису государствообразующей нации, что вынуждает национальное государство стимулировать трудовую иммиграцию. В результате культурное разнообразие национального государства возрастает, а государственная национальная политика сдвигается по направлению к мультикультурализму.

Таким образом, мультикультурализм является побочным, но необходимым следствием реализации модели национального госу-

дарства. Кроме отмеченного фактора кризиса нации, объясняемого известной закономерностью неустойчивости монокультурного сообщества, важное значение имеет проводимая государством политика гражданской нации. Включаясь на равных в сообщество граждан, трудовые и политические иммигранты и члены их семей получают необходимую социальную поддержку, а тем самым и возможность сохранения собственной этнокультуры на основе использования ресурсов ведущей, государствообразующей нации. Социальная поддержка принимаемых мигрантов является официальным признанием представляемых ими этнокультур, которые интегрируются в государство-нацию.

В каком же статусе иммигранты интегрируются в принимающий социум? Исторически каждая этнокультура возникает в системе порождающего ландшафта, который она поддерживает и культивирует, используя его ресурсы. Смена местообитания в результате миграции ведет к необходимости укоренения этнокультуры в принимающем социуме, в его культурном освоении, в процессе которого в качестве ресурсов осваиваются не столько местный ландшафт, сколько местные этнокультуры и объединяющее их национальное государство (или региональное межэтническое сообщество).

Статус «гостей» позволяет мигрантам оставаться социально пассивными в принимающем социуме, но вместе с тем занимать доминирующее положение по отношению к «хозяевам». Традиции гостеприимства таковы, что «гости» вправе легитимно даже разорить «хозяев». Обычно до этого предела гостевание все же не доходит, но важно то, что принимаемая этнокультура, пусть временно, занимает центральное положение в «доме народов», меняя привычный распорядок жизни. Поэтому массовые беспорядки на этнической почве в западных государствах выражают происходящую смену, реконфигурацию порядков.

Миграция этнокультур, с древности известная как переселение народов, в настоящее время не имеет тотального характера, но обогащает этнокультурную мозаику. Она ведет к реструктуризации межэтнических сообществ, возрождая и трансформируя национальный вопрос. В условиях Российской Федерации действие миграционного фактора осложняется внутренними миграциями этнокультур, изменяющими баланс межэтнических отношений в регионах. Кроме того,

Россия отличается особым – национально-территориальным – устройством и исторически сложившейся этнокультурной спецификой регионов, что оказывает значимое воздействие на их социокультурную динамику. Все это актуализирует анализ региональных моделей реализации государственной национальной политики.

В отличие от нынешней Стратегии действовавшая ранее Концепция предполагала разработку соответствующих региональных концепций. Анализ этих концепций может быть полезным, так как он позволяет зафиксировать определенные различия в региональных моделях национальной политики.

Эти различия проявляются при формулировке целей и задач, основных направлений и приоритетов национальной политики в конкретных регионах. Обобщая, можно говорить о доминирующих ориентациях, к которым относятся:

- обеспечение на уровне субъекта федерации целостности Российской государственности, его национальной безопасности (Чеченская Республика);
- укрепление единства российской нации, общероссийской гражданской идентичности (Астраханская область, Республика Бурятия, г. Москва и Московская область, Омская область, Челябинская область);
- укрепление государственности субъекта федерации (Республика Татарстан, Республика Саха (Якутия));
- упрочение региональной гражданской идентичности (г. Москва, Республика Татарстан);
- обустройство всех национальностей, обновление и развитие национальной жизни каждого народа на основе сохранения и упрочения единства и целостности региона (Тюменская область);
- гармонизация межнациональных отношений (интересов) и развитие национальных культур (Краснодарский край, Удмуртская Республика);
- совершенствование межэтнических отношений (Карачаево-Черкесская Республика);
- развитие межнационального общения, укрепление взаимопонимания (Астраханская область, Ростовская область, Ямало-Ненецкий автономный округ);

- поддержание межэтнического мира и согласия (г. Москва и Московская область, г. Норильск, Республика Карелия);
- развитие народов региона (Красноярский край, Омская область, Пензенская область, Республика Саха (Якутия), Саратовская область, Ямало-Ненецкий автономный округ);
- сохранение прочного гражданского мира, взаимопонимания и согласия (Республика Мордовия);
- обеспечение стабильности (Республика Татарстан, Астраханская область);
- сохранение и развитие исторических традиций (Челябинская область).

Как можно заметить, существует определенный разброс в формулировках целевых ориентаций национальной политики в регионах. Этот разброс не является радикальным, поскольку многие указанные моменты можно в тех или иных формулировках найти во всех документах. В действительности перед нами предстает достаточно размытое концептуальное поле, в котором региональные концепции отличаются нюансами и лишь изредка подчеркиванием принципиальной позиции (Республика Татарстан, Республика Саха (Якутия), Чеченская Республика).

Также нельзя сказать, что различие в целевых ориентирах определяет содержательное различие региональных концепций. В действительности рассмотренные концепции малоразличимы, а их индивидуальный облик, по-видимому, определяется интеллектуальными предпочтениями авторов-разработчиков. И это понятно, так как рамки разработки региональных концепций были заданы Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г.

Есть ли в таком случае смысл говорить о региональных моделях национальной политики? На наш взгляд, об этом можно говорить, по меньшей мере, по двум основаниям.

Прежде всего, региональные концепции представляют определенные группы ориентиров, существенно различающихся между собой в диапазоне от обеспечения целостности Российской Федерации на уровне региона, формирования общероссийской идентичности до сохранения локальных исторических традиций.

В связи с этим можно выделить ряд значимых концепций, которые условно можно обозначить как:

- «государствнические» концепции, направленные на укрепление российской государственности, регионов как субъектов Федерации;
- «гражданские» концепции, направленные на формирование общероссийской и региональной гражданской идентичности, на интеграцию локальных сообществ;
- «стабилизирующие» концепции, направленные на поддержание межэтнического мира и согласия;
- «культурнические» концепции, направленные на развитие народов и их культур;
- «коммуникативные» концепции, направленные на гармонизацию межэтнических отношений, развитие межнационального общения, взаимопонимание.

Очевидно, что категоризированные по выделенным ориентациям концепции отражают определенную специфику региональной модели реализации государственной национальной политики. И здесь важен конкретно-эмпирический анализ фактически реализуемой в регионах политики.

Так, проведенный нами ранее анализ практики государственного управления этносоциальными процессами в региональном сообществе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры¹ показал ярко выраженную социальную ориентацию национальной политики. В автономном округе сформировалось региональное межэтническое сообщество, в котором позиция органов власти и позиция населения совпадает в основном – в признании ценности сохранения и развития территориальной общности как таковой на основе обеспечения материального благосостояния населения.

Эта ситуация иллюстрирует практическую значимость приоритета социальности, выраженного в социокультурном подходе. Ансамбль культур существует и развивается только в органической целостности общества (регионального сообщества), вследствие чего сохранение общества и социальная ориентация деятельности его

---

¹ Тюгашев Е.А., Выдрина Г.А., Попков Ю.В. Этноконфессиональные процессы в современной Югре. Новосибирск: Нонпарель, 2004. 224 с.

субъектов является необходимым условием сохранения и развития национальной идентичности представителей отдельных культур. Органы государственной власти и управления в округе ориентируются не только на решение социальных проблем, но и на формирование гражданского общества. Признание целостности общества основной ценностью выражает социальную ориентацию государственного управления. По сравнению с ценностью общества ценностями второго порядка являются ценности национальной (этнической) общности и землячества.

Социальная ориентация государственного управления этносоциальными процессами означает, что взаимодействие государства с этносоциальными субъектами опосредуется такой базовой ценностью, как общество. Государственное управление ориентирует деятельность этносоциальных субъектов и представляющих их национально-культурных организаций на укрепление общества – социальное служение. Социальная ориентация государственного регулирования национальных отношений выражается в систематической практике заключения различных соглашений с национальными объединениями граждан округа по социальному служению и выполнению социальных заказов. Администрация округа стремится проводить политику невмешательства, равного отношения ко всем официально зарегистрированным национально-культурным объединениям, но при этом оказывает значительную поддержку их социально значимой деятельности в целях воспитания чувства любви и патриотизма по отношению к малой родине – Югорской земле.

Опыт реализации окружной национальной политики в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре показывает, что социальная ориентация и выбор ценности общества как единого целого дифференцирует непосредственное отношение «нация – государство» и опосредует их таким объектом (и субъектом), как общество. В результате возникает опосредованное отношение «национальные общности – общество – государство». Опосредованность крайних субъектов этих отношений обществом ограничивает их деятельность, но и высвобождает их ресурсы для собственного развития и самоопределения. Национально-культурная деятельность становится частным делом, но различными способами доказывающим свою общественную значимость. Принадлежность к обществу объ-

ективно ставит национальные общности и государство в такое положение, что социальная ориентация является условием их собственного становления и развития.

В условиях многонациональной территориальной общности социальная ориентация оказалась объективно необходимой для сохранения и дальнейшего развития государства, национальных групп, региона. Каждая из сторон в складывающейся этносоциальной ситуации стремится продемонстрировать социально-практическую значимость собственной идентичности. Национальные и государственно-административные субкультуры существуют, взаимодействуют, конкурируют в составе межэтнического сообщества, которое практически превращается в социокультурное целое. При сознательно проводимой социальной ориентации своей деятельности взаимодействующие стороны в национальных отношениях так или иначе практически реализуют социокультурный подход, т.е. соотносят свою культуру с культурами других этносов, корпораций и общественных организаций, государственных и муниципальных структур. Социокультурный подход становится требованием регионального межэтнического сообщества: он вытекает из практики общежития и находит выражение в социально ориентированном синтезе культур.

В этой связи важно подчеркнуть, что объединительную функцию выполняет не только сообщество, но и культура. Региональное сообщество Ханты-Мансийского автономного округа – Югры развивается благодаря развитию, прежде всего, культуры недропользования. Разумеется, эта культура не первична и существует как с обеспечивающими и сопутствующими культурами, так и с более ранними культурами лесо- и водопользования коренного населения. Но хозяйственная культура недропользования является базовой для регионального сообщества, что нацеливает региональную национальную политику, в частности, на обеспечение общественной безопасности в интересах устойчивого развития нефтепромышленного комплекса. Именно поэтому можно говорить о том, что объединяет не только сообщество, но и культура, которой члены сообщества обязаны своим благополучием.

Опыт Ханты-Мансийского автономного округа – Югры интересен в двух аспектах.

Во-первых, в рассмотренных нами концепциях социальная ориентация не была сколько-нибудь акцентирована. Но данный опыт показывает, что возможно выделение социально ориентированной модели региональной политики. Пожалуй, из перечисленных концепций социальная ориентация наиболее близка к «гражданской» модели, так как акцентирует ценность регионального сообщества.

Во-вторых, данный опыт интерпретируется нами как релевантный реализации социокультурного подхода в регулировании межэтнических отношений и этносоциальных процессов в целом. Ансамбль этнокультур существует и развивается только в органической целостности регионального межэтнического сообщества, вследствие чего сохранение этого сообщества и социальная ориентация деятельности его субъектов является необходимым условием сохранения и развития отдельных составляющих его этнокультур.

Достаточно эффективная реализация социальной ориентации государственного управления этносоциальными процессами в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре парадоксальным образом усилила социальную привлекательность региона. Интенсивный миграционный приток из республик Северного Кавказа и Средней Азии повысил социальную нагрузку на региональное сообщество, что стало одним из факторов роста этносоциальной напряженности.

Это привело к смещению приоритетов в реализации национальной политики. Так, в соответствии с комплексным планом реализации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре Стратегии на 2013–2015 гг.¹ первоочередным мероприятием в рамках решения первой задачи «Совершенствование государственного управления в сфере государственной национальной политики Российской Федерации» фиксируется вопрос о мерах по повышению эффективности противодействия незаконной миграции. В целом в данном комплексном плане заметное место занимают мероприятия по предупреждению негативного влияния миграционных процессов на состояние межнациональных отношений, предупреждению межнациональных конфликтов, обеспечению межнационального мира и согласия.

---

¹ Утверждено постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 1 марта 2013 года № 64-п.

Этот сдвиг привлекает внимание тем, что сходные этносоциальные процессы наблюдались в Европе. Успешная реализация политики всеобщего благосостояния усиливалась социальную привлекательность европейских государств, что стимулировало социальную иммиграцию и вызвало миграционный кризис. По-видимому, можно говорить об определенной объективной закономерности в смене региональных приоритетов реализации государственной национальной политики.

Таким образом, приоритеты национальной политики в регионах представляются не случайными, а выражающими назревшие потребности государственного регулирования, актуализированные в результате реализации предшествующих альтернативных моделей. Это позволяет прогнозировать стадиальную динамику этносоциальных процессов и стадиально определенную региональную иерархию приоритетов национальной политики.

2.5. Субъектно-ориентированный подход в этнонациональной политике по отношению к коренным малочисленным народам Севера

В рамках государственной национальной политики России особое направление составляет политика в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (народов Севера). Проблемы данных народов нашли отражение в основополагающих разделах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. В частности, в ней зафиксированы: среди основных вопросов национальной политики – обеспечение прав коренных малочисленных народов; среди основных ее принципов – обеспечение гарантий прав этих народов, включая поддержку их экономического, социального и культурного развития, защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни; среди основных задач национальной политики – повышение уровня адаптированности традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов к современным экономическим условиям с учетом обеспечения защиты их исконной среды обитания и традиционного образа жизни.

Кроме того, государственная политика в отношении народов Севера опирается на специальную статью Конституции РФ, посвященную гарантиям их прав, на несколько адресных федеральных законов, т.е. систему специальных законодательных норм, на бюджетное, хотя и ограниченное финансирование, провозглашенные концептуальные основания. В России такого нет в отношении ни одного другого народа или группы народов. Поэтому можно уверенно говорить, что в отношении них проводится целенаправленная государственная этнонациональная политика.

Несмотря на это, реальная жизнь народов Севера далека от благополучной. Множество проблем их жизнедеятельности до сих пор не получили позитивного решения. Очевидно, существуют определенные слабости методологического и концептуального характера в самой государственной политике в отношении данных народов.

Актуализация проблем развития коренных малочисленных народов Севера. Всесторонний интерес к проблемам развития коренных малочисленных народов Севера, которые входят в группу коренных народов мира, в настоящее время обусловлен комплексом важных обстоятельств внутреннего и внешнего, глобального и локального характера, среди которых выделим наиболее значимые.

Во-первых, как отмечалось ранее, имеет место общемировая тенденция роста значимости этничности в ответ на унифицирующие тенденции глобализации, которая породила эффекты не только сближения и унификации культур, но и их относительного обособления при одновременном расширении этнокультурного разнообразия на региональном и локальном уровнях. Современный мир переживает своеобразный этнический ренессанс, конкретными проявлениями которого являются повышение значимости этнической идентичности, интереса людей к своим этническим корням, традициям, культуре, истории. В то же время со стороны мирового сообщества заметно оживился спрос на все, что связано с этнокультурной спецификой, в том числе коренных народов. Так, выработанные малочисленными народами в экстремальных условиях Севера навыки, говоря современным языком, устойчивого разви-

тия, нормы трудовой этики, ценности кооперативности¹ оказываются крайне востребованными в современных условиях. Во многих случаях возросший интерес и спрос на объекты материальной и нематериальной традиционной культуры разных народов наблюдается именно благодаря включению этнических локальных культур в глобальный контекст.

Во-вторых, как ответ на отмеченную тенденцию в последние годы мировым сообществом в лице его наиболее авторитетных организаций – ООН, ЮНЕСКО – предпринимаются усилия, направленные на правовую защиту коренных народов и сохранение культурного разнообразия. Утвержденные данными организациями важные международные документы, среди которых следует прежде всего отметить принятую в 2007 г. Декларацию ООН о правах коренных народов, хотя и не являются нормами прямого действия, оказывают серьезное влияние на политику многих государств в отношении коренных народов, вынуждая учитывать их интересы.

В-третьих, есть основание говорить о кризисе современной государственной политики в отношении народов Севера и лежащих в ее основе концептуальных представлений, имеющих в качестве своих практических последствий реальное социальное положение данных народов. Последнее характеризуется тем, что в постсоветский период ни одна из существенно значимых проблем их развития не получила удовлетворительного разрешения. Развитие данных народов по основополагающим показателям является неудовлетворительным, поэтому требуются срочные меры по изменению ситуации и повышению ответственности за это как со стороны органов власти всех уровней, так и со стороны самих народов.

В-четвертых, существенное значение имеют новые планы грандиозного промышленного освоения Арктики и Северного Ледовитого океана, которое неизбежно затронет территории проживания многих коренных малочисленных народов и окажет существенное влияние на все стороны их жизни. Необходимо четко представлять возможные негативные последствия этого освоения для

---

¹ Пилясов А.Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знаний. М.: Кн. дом «ЛИКРОКОМ», 2009. С. 460–465.

жизнедеятельности народов Севера и предусмотреть механизмы их минимизации.

Важно констатировать, что реальное положение народов определяется не разного рода декларациями и провозглашенными правами как таковыми, а экономической и политической ситуацией в каждой стране, общей государственной политикой в отношении данной группы народов. В России, как отмечалось, многие жизненно важные проблемы народов Севера за последние 20 лет не только не решены, но и усугубились. Это относится и к самому праву. Известно, что в период после 2000 г. наблюдается определенная «правовая стагнация» и откат с уже завоеванных позиций, что выразилось в изъятии из федерального законодательства целого ряда важных ранее принятых положений, касающихся данных народов¹.

Как представляется, есть основания говорить о серьезных изъянах в разработке концептуальных основ и реальной практике реализации национальной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, что является отражением общего кризиса сложившихся взглядов на развитие и решение проблем данных народов. В целом его можно оценить как кризис применения объектно-ориентированного подхода. Характерными являются следующие особенности использования этого подхода:

- инициаторами программирования, а также многочисленных концепций развития этих народов выступают не они сами, а внешние по отношению к ним субъекты;
- народы Севера обычно воспринимаются как однородный укрупненный объект управленческого воздействия;
- акцент делается на внешних источниках их развития, на создание материальных объектов (строительство жилья, школ, установка оборудования, создании объектов энергообеспечения и др.);
- данный подход не стимулирует актуализацию позитивных жизненных сценариев развития самих народов.

В современных условиях необходима реализация нового концептуального подхода. Его суть выражается в субъектно-ориентированной политике в отношении народов Севера. Главное – соз-

---

¹ Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. С. 106–107.

дать систему учета социокультурного потенциала каждого из них и механизм его воздействования в процессе современного развития.

Субъектно-ориентированный подход не заменяет, а дополняет объектно-ориентированный. Ясно, что нельзя отказываться от строительства школ, детских садов, других объектов социальной инфраструктуры, создания условий для развития экономических структур и т.п. Но этим нельзя ограничиваться.

В феврале 2009 г. Правительство РФ утвердило «Концепцию устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ». Ее целью провозглашается создание условий для формирования устойчивого развития народов Севера, которое, в свою очередь, «предполагает укрепление их социально-экономического потенциала, сохранение исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей на основе целевой поддержки государства и мобилизации внутренних ресурсов самих народов в интересах нынешнего и будущих поколений»¹.

В целом это правильные ориентиры. Верными являются и многие другие провозглашенные в Концепции задачи, а также обоснование необходимости особой государственной политики в отношении народов Севера, оценка ее реальных позитивных достижений, диагностика современного положения. Заслуживает поддержки и то, что обозначено в качестве принципов устойчивого развития народов Севера – от признания гарантий их прав в соответствии с Конституцией РФ до необходимости «оценки культурных, экологических и социальных последствий предлагаемых к реализации проектов и работ в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера» и возмещения «ущерба, нанесенного исконной среде обитания, традиционному образу жизни и здоровью малочисленных народов Севера».

В то же время существенные недостатки имеет и сама концепция, и ее «привязка» к базисным интересам народов Севера, а также к ныне существующей системе международного права в отношении коренных народов. Для нее, как и для многих других кон-

---

¹ Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. URL: <http://gaipon.org/Официально/Документы/tabid/345/Default.aspx> (дата обращения 15.08.2011).

цепций, характерным является рассмотрение народов Севера в качестве укрупненного, однородного, недифференцированного объекта управленческого воздействия. При таком подходе вряд ли можно рассчитывать на реальный практический эффект от ее реализации. В этой связи заметим следующее. Декларация ООН о правах коренных народов специально обращает внимание на то, что их положение «различно в разных регионах и в разных странах и что необходимо принимать во внимание важность национальных и региональных особенностей и различных исторических и культурных традиций». Разработчики анализируемой концепции применительно к России почему-то на это внимания не обращают. И даже не оговаривают наличие серьезных региональных и этнокультурных различий в рамках интерэтнической общности народов Севера.

Кроме того, в концепции провозглашается, что в результате реализации мероприятий последнего, третьего этапа, к 2025 г. предполагается достигнуть среднероссийских показателей качества жизни малочисленных народов Севера. По сути, это главная цель концепции. На деле же к ним должны применяться другие качественные критерии успешности (или неуспешности) соответствующей политики в силу этнокультурной специфики их исторического развития и современного положения. А если говорить о количественном измерении, то для оценки необходимо, видимо, иметь в виду более высокие показатели уровня жизни – уже по той причине, что стоимость жизни в этих районах гораздо выше, чем во многих других регионах и в среднем по стране.

К недостаткам концепции можно отнести и тот факт, что в качестве одной из главных ставится, как отмечалось, задача сохранения традиционного образа жизни, культуры, культурных ценностей. Но речь должна идти не просто о сохранении, а об их возрождении в обновленном виде в соответствии с нынешними условиями. В рамках предлагаемой модернизации традиционной хозяйственной деятельности планируется развитие сети факторий, но вообще не затрагивается вопрос о развитии стационарных поселений народов Севера, которые играют важную роль в сохранении и развитии традиционной культуры, а также в их общей социально-территориальной организации.

В качестве главного механизма реализации Концепции предусматривается совершенствование законодательной базы РФ в сфере защиты прав, традиционного образа жизни и исконной среды обитания малочисленных народов Севера. Но в последнее время произошел, как отмечалось, «правовой откат» в области аборигенного права, многие ранее принятые нормы аннулированы, а федеральный закон «О территориях традиционного природопользования» вообще не действует. Поэтому было бы важно показать причины и реальные возможности для изменения создавшегося положения. Иначе получается, что законы принимаются, но они не работают.

Весьма актуальным и совершенно оправданным является пункт о необходимости «мобилизации внутренних ресурсов самих народов в интересах нынешнего и будущих поколений». Однако из текста концепции неясно, как именно будет решаться эта важная задача.

С учетом проведенного анализа можно предложить для дальнейшего обсуждения и возможной практической реализации следующие положения, которые, на наш взгляд, могут выступать стратегическими ориентирами в государственной политике по отношению к народам Севера.

1. Требуется изменить основополагающий подход и рассматривать народы Севера не только как нечто единое, но и как множество уникальных народов. Коренные народы Севера во многом сходны в своем развитии и образе жизни. Но они и различны – по своей численности, культуре, мировоззрению, традициям, социальной самоорганизации, реальным потребностям и интересам, конкретным историческим возможностям. Следовательно, формат устойчивого развития для каждого из этих народов будет своим. Поэтому существует потребность в разработке этноориентированных концепций устойчивого развития народов Севера. В своем не абстрактно-обобщенном, а конкретном и развернутом виде концепция должна предусматривать доктрины (подконцепции) устойчивого развития отдельных народов – эвенков, ненцев, селькупов, долган и др. Региональные этноориентированные концепции комплексного устойчивого развития народов Севера на среднесрочную перспективу должны выступать в качестве основы специализированных региональных целевых комплексных программ, реализующих

позитивные сценарии устойчивого развития конкретных малочисленных народов Севера.

2. Наряду с активно пропагандируемой и успешно проводимой в ряде регионов политикой обустройства факторий целесообразно большее внимание уделять развитию национальных поселков как значимых компонентов социально-территориальной организации населения. Это будет способствовать возрождению традиционной культуры и устойчивому развитию коренных народов в условиях современных модернизационных процессов.

3. Необходимо усилить научную составляющую при разработке концепций и программ устойчивого развития народов Севера, а также при организации мониторинга их реального положения. С целью оценки нынешнего состояния народов Севера, а также уточнения содержания специализированных региональных целевых программ их устойчивого развития органам власти совместно с научно-образовательными учреждениями целесообразно было бы произвести комплексную научно-статистическую оценку достигнутого уровня развития человеческого потенциала этих народов. Следует наладить систему индивидуального учета представителей народов Севера и их реальных потребностей в режиме мониторинга. Без знания того, что думают о своих проблемах рядовые жители и чего они хотят, никакие концепции и проекты не могут быть эффективными и оправданными. При этом должна быть решена проблема документального подтверждения принадлежности отдельных людей к числу данных народов.

4. Важной задачей является создание механизма выявления и воздействования потенциала самих народов и повышения их ответственности за собственную судьбу. Для этого необходимо, в частности, совершенствование существующих социальных структур, органов политической самоорганизации и самоуправления, подготовки соответствующих специалистов. Принятие и реализация нормативно-правовых актов и практических решений, касающихся народов Севера, должны протекать в режиме гражданского диалога с участием лидеров общественных организаций коренных народов, специалистов органов власти и управления, ученых, представителей нефтегазового комплекса и других промышленных

предприятий, действующих на территории традиционного расселения народов, а также средств массовой информации.

Однако и в Стратегии – документе стратегического планирования – малочисленные народы рассматриваются в качестве однородного объекта управленческого воздействия – точно так же, как и в Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. На наш взгляд, здесь также необходим иной, дифференцированный, этноориентированный подход. Именно его реализация может создать предпосылки для успешного решения стратегической цели национальной политики по сохранению этнокультурного многообразия и самобытности разных народов.

Возникает вопрос: на каком уровне управления может быть реализован данный подход?

С учетом существующей нормативно-правовой базы и подписанного в октябре 2013 г. Президентом России В.В. Путиным закона о расширении полномочий и повышении ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений целесообразно именно за органами управления муниципальных образований закрепить задачу разработки, принятия и обеспечения выполнения программ развития каждого конкретного малочисленного народа, представители которого компактно проживают на соответствующих территориях, предусматрев для этого программно-целевой подход с необходимым финансированием. В то же время актуальной потребностью является, подчеркнем это еще раз, законодательное расширение не только полномочий и ответственности, но и реальных возможностей органов местного самоуправления в сфере межнациональных отношений (кадровых, финансовых, организационных), без чего создание эффективного механизма решения соответствующих задач будет невозможно.

2.6. Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества в структуре регионального управления

В основных политико-правовых документах постсоветской России, относящихся к государственной национальной политике, – Концепции государственной национальной политики Российской Федерации и Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. в качестве одного из важнейших механизмов реализации этой политики обозначена организация мониторинга состояния межнациональных отношений, выявления в них кризисных ситуаций. Однако с 1996 г. полноценный мониторинг ни на федеральном, ни на региональном уровнях так и не был организован, хотя делаются отдельные попытки мониторинговых исследований, не объединенных общей методологией и методикой. Не ясно, какой социальный институт должен разрабатывать методологические, теоретические и методические основы мониторинга, а какой – организовывать его проведение. Не определена также взаимосвязь разработчиков, организаторов и пользователей результатами мониторинговых исследований.

В научном плане важно в первую очередь определиться в понимании сущности и содержания социального мониторинга вообще. В самом общем виде он определяется как «метод исследования объекта, предполагающий его отслеживание и контролирование его деятельности (функционирования) с целью прогнозирования последней»¹. Объект здесь рассматривается процессуально, отслеживание предполагает периодические замеры одних и тех же параметров процесса(ов), а контролирование состоит в поддержании параметров в пределах определенной нормы, т.е. в регулировании процесса. Прогнозирование выступает завершающей и самой важной стадией мониторинга, позволяющей регулировать как функционирование, так и развитие социальных процессов, корректировать набор замеряемых параметров и показателей, отражающих динамику данных процессов.

Общими правилами мониторинговых исследований являются соблюдение методологической и методической преемственности;

---

¹ Социологическая энциклопедия: в 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 1. С. 681.

отражение в выбранной для мониторинга системе показателей существенных характеристик объекта; сохранение на всех этапах мониторинга универсального, «сквозного» блока индикаторов с целью сравнительного анализа и построения динамических рядов. Мониторинг является «важнейшим средством информационного обеспечения» в системе регулирования основных сфер общественной жизни¹.

Таким образом, мониторинг тесно связан с социальным регулированием и управлением. В зависимости от понимания характера этой связи различается понимание сущности мониторинга. Если отношения между организаторами мониторинга и организаторами социального управления признаются субъект-субъектными, т.е. отношениями равноправных элементов единой управляющей системы, то сущность мониторинга понимается как обеспечение устойчивого развития общества и его подсистем на основе постоянного поддержания прямых и обратных связей между субъектами и объектами управления (регулирования) путем постоянного обмена достоверной и полной информацией об управляемом процессе. Если же эти отношения неравноправны, когда организаторы мониторинга и организаторы социального управления рассматриваются лишь как объекты друг для друга, то сущность мониторинга сводится просто к обеспечению субъектов управления определенной, пусть даже непрерывной, полной и достоверной, информацией о ходе социальных процессов или состоянии объектов управления. В данном случае организаторы управления распоряжаются информацией по своему усмотрению, а организаторы мониторинга, получив информацию в процессе мониторингового исследования, считают свою миссию законченной, не претендуя на обратную связь с организаторами управления. К сожалению, чаще всего сущность мониторинга понимается так, как описано во втором случае.

Еще два десятилетия назад, полемизируя с подобным суженным пониманием сущности мониторинга, которого придерживался Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) под руководством Т.И. Заславской², коллектив авторов (с нашим участием

---

¹ Социологическая энциклопедия. С. 681.

² Заславская Т.И. Социологический мониторинг // Социологические исследования. 1994. № 1. С. 6–12.

ем) разработал концепцию социологического мониторинга занятости молодежи г. Новосибирска, в которой сущность мониторинга определялась как «познавательно-преобразующая деятельность, предметом которой является оптимизационная модель социального изменения, а целью – оптимизация процессов социального развития»¹. Являясь органическим элементом оптимизационного социального управления, социологический мониторинг должен включать в свое содержание и мониторинг функционирования самого аппарата практического управления. При таком понимании социальный мониторинг не сводится к информационно-аналитической службе, но содержит ее как составную часть более широкой системы².

С тех пор мало что изменилось в методологии и практике социальных мониторингов в России, включая общероссийские (ВЦИОМ, ФОМ, РОМИР), ведомственные, региональные. Иногда мониторингами неправомерно называются элементарные повторные исследования (опросы, анализ статистических данных и т.п.) по единой или схожей (частично совпадающей) методике.

Весьма обстоятельный культурологический анализ роли мониторинга в социокультурном диалоге российской власти и общества провела О.Б. Сладкова (хотя термин «социокультурный диалог» не имеет у нее категориального статуса). Полагая, что «диалогичность заложена в самой природе мониторинга», и сравнивая структуру диалога со структурными элементами технологии мониторинга, она приходит к выводу, что «структура диалога полностью совпадает со структурой технологии мониторинга³. Проведенное автором на основе методологии диалога власти и общества, а также отношений Должного и Сущего обобщение результатов многих мониторингов в России позволило ей сделать вывод о том, что «осознавая себя в семантике Должного, власть в современной России строит свои отношения с обществом с позиций, более соответствующих монологическим отношениям: внушает обществу представления о себе как о носителе сакрального и, как следствие этого,

¹ Концепция социологического мониторинга занятости молодежи г. Новосибирска. Новосибирск, 1994. С. 16–17.

² Там же. С. 19–20.

³ Сладкова О.Б. Мониторинг в социокультурном диалоге «власть – общество». М.: Изд. дом МГУКИ, 2005. С. 78–79.

в координатах двойной морали трактует право собственности, личные свободы и т.д.»¹ Одновременно под влиянием исторической динамики, изменений в обществе власть, «чтобы устанавливать диапазон попущений и тем самым регулировать инициирующее воздействие на общество... использует мониторинг, позволяющий непрерывно следить за изменениями, происходящими в социуме, и предпринимать попытки упорядочения отношений с ним». И хотя О.Б. Сладкова проявляет, на наш взгляд, слишком большой оптимизм, полагая, что «мониторинг пробивает брешь в монологических отношениях власти с обществом и одновременно становится инструментом, удерживающим общество от хаоса»² (это можно, скорее, считать Должным в оценке мониторинга, нежели Сущим), в целом ее исследование достаточно точно характеризует состояние мониторинговых исследований в современной России как в методологическом, так и в содержательном плане.

В то же время трудно согласиться с О.Б. Сладковой, сводящей Должное к идеологии, а последнюю – к форме мифологии и отрицающей позитивную роль идеологии, национальной идеи, с ее выводом о том, что в условиях современного перехода российской государственности к постимперской форме предполагается «замена экстенсивной стратегии жизни на интенсивную, а это требует от российского общества глубинных трансформаций ментальности, возможной только при условии более глубокого проникновения в общественное сознание ценностей либеральной цивилизации»³. Автор, наверное, сама не заметила, как, выдвигая это требование к российскому обществу, проявила тем самым свою приверженность идеологии либерализма.

В этой ситуации предлагаем свое представление о теоретико-методологических и методических основаниях того социального мониторинга, который может выступать одним из значимых механизмов реализации государственной национальной политики. Сущность такого мониторинга определена выше как познавательно-преобразовательная деятельность, как органический элемент

---

¹ Сладкова О.Б. Мониторинг в социокультурном диалоге... С. 198.

² Там же.

³ Там же. С. 56.

оптимизационного социального управления, в котором отношения между исследователями (наука) и управленцами (власть) носят субъект-субъектный характер – если и не паритетный, то хотя бы диалогичный, а не спекулятивно-манипулятивный.

Этносоциологические исследования, в том числе мониторинговые, могут проводиться (и отчасти проводятся) на основе различных теоретико-методологических подходов – структурно-функционального, феноменологического, кросскультурного и др. Как представляется, наиболее адекватным объекту нашего исследования – этносоциальным процессам – и тем самым наиболее эвристичным в научном и наиболее оптимальным в практических регулятивном плане является социокультурный подход к организации такого мониторинга. Исходя из этих соображений мониторинг на основе данного подхода правомерно определить как социокультурный мониторинг межэтнического сообщества. Понятие «межэтническое сообщество» акцентирует внимание на определенной степени целостности территориальных коллективов, состоящих из представителей различных этносов. Эта целостность определяется характером внутри- и межэтнических связей в данном коллективе. Межэтническим сообществом можно считать такую территориально-поселенческую группу (коллектив), индивиды в которой различаются этнической самоидентификацией, спецификой интересов и ценностных ориентаций в тех или иных сферах жизнедеятельности и находятся в неантагонистических межэтнических групповых отношениях. В принципе межэтническими сообществами является большая часть городских и сельских поселений, а также отдельных регионов и России в целом.

Социокультурный мониторинг позволяет в принципе исследовать и регулировать межэтнические отношения и в зонах выраженных конфликтов, но поселенческие группы там вряд ли можно отнести к сообществам, и акцент в таких исследованиях смешается в сторону не оптимизации, а преодоления существующих негативных тенденций процесса – антагонизма, вражды и т.п.

Придерживаясь понимания структуры социокультурного взаимодействия, выраженного известной формулой П. Сорокина «личность, общество и культура как неразрывная триада» и разделяя его императив о неадекватности теорий, рассматривающих социальные,

культурные и личностные аспекты общественной жизни вне их интегральной целостности, можно выделить следующие значимые характеристики социокультурного мониторинга межэтнического сообщества как элемента социального управления (регулирования):

- 1) этнические общности понимаются как реально существующие, целостные и позитивные продукты объективного процесса социального взаимодействия, а не как преходящие реликты, архаика или как результат удачного или неудачного «этнического предпринимательства»;
- 2) сущностные параметры мониторинга отражают в системном единстве социальные, культурные и личностные аспекты исследуемого объекта;
- 3) система показателей мониторинга отражает объективные и субъективные стороны этносоциальных процессов;
- 4) в процессе мониторинга поддерживается обратная связь между объектами и субъектами регулирования, что отражается в системе показателей мониторинга;
- 5) целью мониторинга является оптимизация процессов этносоциального развития и межэтнических взаимодействий, гармонизация связей и отношений в межэтническом сообществе;
- 6) мониторинг способствует гуманизации межэтнических отношений, а также отношений граждан и власти;
- 7) мониторинг предполагает конкретный учет социокультурных характеристик межэтнического сообщества на разных уровнях социальной организации (региона, поселения);

Методика социокультурных мониторинговых исследований в своем оптимальном варианте должна быть комплексной и междисциплинарной, но базироваться на социологических методах, включающих сбор, обработку, анализ и презентацию в различном виде информации об объективных и субъективных (со стороны респондентов и экспертов) характеристиках жизнедеятельности индивидов и групп. В социологических опросах участвуют в качестве датчиков информации рядовые горожане, группа экспертов-специалистов и группа экспертов-управленцев. Система основных показателей мониторинга может быть представлена в следующем виде.

I. Социальный блок.

1. Объективные характеристики межэтнического сообщества.

- 1.1. Этническая структура (по последней переписи населения).
- 1.2. Динамика этнической структуры (по нескольким последним переписям).
- 1.3. Ежегодные изменения этнической структуры за счет мигрантов (прибыло – убыло): 1) из Средней Азии; 2) из Казахстана; 3) из Северного Кавказа; 4) из Закавказья; 5) из других регионов России; 6) из стран дальнего зарубежья.
- 1.4. Отраслевая структура занятости основных этнических групп:
  - 1.4.1. Динамика по переписям населения.
  - 1.4.2. Динамика по группам мигрантов.
- 1.5. Образовательная структура основных этнических групп (по итогам переписей).
- 1.6. Половозрастная структура основных этнических групп.
- 1.7. Этническая структура группы правонарушителей.
- 1.8. География расселения (комплексного, дисперсного) основных этнических групп.
2. Субъективные характеристики респондентов в рамках масштабного опроса.
  - 2.1. Структура базисных материальных потребностей индивидов и этнических групп.
  - 2.2. Социальное самочувствие (степень удовлетворенности условиями труда и жизни).
  - 2.3. Оценка характера внутри- и межэтнических отношений.
  - 2.4. Миграционные намерения.
  - 2.5. Отношение к действиям органов управления по регулированию этнокультурного развития и межэтнических отношений.
  3. Субъективные оценки экспертов (специалистов, представителей власти и других органов управления).
    - 3.1. Оценка состояния этносоциальных процессов в сообществе.
    - 3.2. Оценка проблем в социальной жизни этнических групп.
    - 3.3. Оценка деятельности органов управления по регулированию этих проблем.
    - 3.4. Предложения экспертов по регулированию этносоциальных процессов в сообществе.
    - 3.5. Состояние и проблемы сообщества в оценках представителей органов власти.

II. Культурный блок.

4. Объективные характеристики этнокультурной жизни межэтнического сообщества.

4.1. Функционирование родных языков этнических групп в системе образования (численность обучающихся, частота обучения и др.).

4.2. Массовые этнокультурные мероприятия (число, тематика).

4.3. Представленность этнокультурной проблематики в СМИ (ТВ, радио, печать, Интернет).

4.4. Представленность разных этнических групп в художественной культуре (театры, литература, живопись и т.д.).

4.5. Наличие и численность членов национально-культурных автономий и организаций.

4.6. Число и тематика научно-практических мероприятий (конференции, семинары, тренинги и т.д.), проведенных в этническом сообществе; организаторы мероприятий.

5. Субъективные характеристики этнокультурной жизни сообщества в оценке респондентов.

5.1. Степень удовлетворенности функционированием родных языков: 1) общая оценка; 2) оценка по отдельным сферам жизни.

5.2. Степень удовлетворенности этнокультурных запросов в других сферах культурной жизни.

5.3. Спектр неудовлетворенных этнокультурных потребностей (язык, образование, художественная культура, традиции и др.).

5.4. Оценка деятельности органов власти и управления по регулированию этносоциальных процессов (в сообществе, регионе, стране).

6. Субъективные оценки проблем этнокультурного развития в оценке экспертов.

6.1. Оценка общего состояния этнокультурных процессов и отдельных его сторон (язык, образование, художественная культура).

6.2. Оценка специалистами деятельности органов власти, управления.

6.3. Представления специалистов и работников органов власти об актуальных проблемах и способах их решения.

III. Личностный блок.

7.1. Этническая самоидентичность.

-
- 7.2. Полнота этнического самосознания.
  - 7.3. Соотношение этнической, региональной и общероссийской идентичности в сознании личности.
  - 7.4. Базовые ценности личности, их иерархия.
  - 7.5. Комплементарность в межэтнических отношениях.
  - 7.6. Межэтнические установки.
  - 7.7. Характер личного опыта межэтнического общения.
  - 7.8. Удовлетворенность жизнью (оптимизм – пессимизм).
  - 7.9. Оценка межэтнических отношений в микро- и макросредах общения.
  - 7.10. Потребности этнокультурного развития и степень их удовлетворения.

Все указанные выше характеристики выражаются в определенных показателях, которые, в свою очередь, образуются из более конкретных индикаторов, фиксируемых в инструментарии исследования (опросники, статистические данные). Сложной методологической и методической проблемой в организации мониторинга является построение системы агрегированных показателей, причем акцент в ее построении «смещается не столько на строгое системное и детальное описание структуры, сколько на выявление иерархии функций и факторов регулирования процесса». Для этого необходимо: «1) выбрать принцип построения системы; 2) выбрать основание системы; 3) определить меру достаточности числа элементов (показателей системы)»¹. На основе решения этой задачи разрабатывается инструментарий исследования.

Предварительной стадией мониторинга может выступать проведение социологических исследований, особенно повторных, по определенной социальной проблеме. Эти исследования являются важной информационной и теоретической базой организации данного проекта, реализация которого в полной мере возможна при создании Центра мониторинга, включающего специалистов науки, управления, информационных технологий, при условии достаточного финансового и материального обеспечения его работы.

---

¹ Концепция социологического мониторинга... С. 23.

Раздел 3

ДИНАМИКА ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНАХ СИБИРИ

3.1. Современные этносоциальные процессы в Сибири: общие тенденции и проблемы регулирования

Современный интерес к этносоциальным процессам в Сибири определяется несколькими факторами. Во-первых, ее территориальным и природно-ресурсным потенциалом, привлекательным в условиях взрыва этничности и продолжающегося глобального демографического роста. Во-вторых, низкой плотностью населения Сибири (2 чел. на 1 км², а в Якутии – 0,3 чел. на 1 км²), которая на порядок ниже, чем плотность населения европейской части России (26 чел. на 1 км²) и прилегающих территорий Китайской Народной Республики. В-третьих, бытующим «сибирским мифом», согласно которому русское население Сибири отличается от русского населения европейской части России особенным сибирским характером.

В настоящее время этносоциальные процессы принято рассматривать в перспективе возникновения очагов напряжения в сфере межнациональных (межэтнических) отношений и межнациональных конфликтов. Официальная оценка современного состояния межнациональных отношений в Сибири была дана на состоявшемся 15 апреля 2014 г. в г. Улан-Удэ семинаре-совещании по реализации в Сибирском федеральном округе Стратегии государственной национальной политики РФ.

На данном мероприятии полномочный представитель Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе В.А. Толоконский заявил, что в Сибири нет очевидных очагов напряжения в сфере межнациональных отношений, но задачи регулирования процессов в данной сфере и решения ряда актуальных и системных проблем в деле предупреждения возможных конфликт-

тов на национальной почве являются актуальными, требующими более точных действий со стороны органов государственной власти¹.

Из выступления полномочного представителя следует, что в Сибири:

- возможно, имеются неочевидные, латентные очаги межэтнической напряженности;
- существует ряд системных национальных вопросов, сохраняющих свою актуальность в настоящее время;
- в сфере предупреждения межнациональных конфликтов органы государственной власти действуют недостаточно точно.

Кроме того, на этом же семинаре-совещании заместитель руководителя администрации Президента Российской Федерации М.М. Магомедов подчеркнул, что хотя в Сибирском федеральном округе вероятность возникновения межнациональных конфликтов в целом ниже, чем в среднем по России, но тем не менее она существует, а в отдельных субъектах Федерации является относительно высокой. Об этом свидетельствуют конкретные исследования. Так, о возможности конфликтов в Республике Тыва говорят 35,8 % опрошенных, в Красноярском крае – 28,8 % (среднероссийский показатель – 23,2 %)². С учетом действия отмеченной М.М. Магомедовым общероссийской тенденции к повышению уровня межнациональной напряженности можно предполагать, что вероятность межнациональных конфликтов в Сибири будет возрастать.

Таким образом, состояние межнациональных отношений в Сибири вызывает определенное и обоснованное беспокойство. Поэтому представляет интерес анализ динамики этносоциальных процессов в регионе, а также оценка эффективности проводимой национальной политики.

Симптоматичными в этом отношении представляются тенденции, наблюдающиеся в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Согласно официальной оценке, обстановка в области межэтнических

¹ Задачи органов власти регионов Сибири по реализации государственной национальной политики обсудили в Улан-Удэ. URL: <http://www.sibfo.ru/news/press-release.php?action=art&nart=8437> (дата обращения 17.04.2014).

² Балганова Э. Магомедов: в Сибири вероятность межнациональных конфликтов ниже, чем в среднем по России. URL: <http://itar-tass.com/sibir-news/1122581> (дата обращения 17.04.2014).

отношений в регионе ухудшилась и в 2011 г. характеризовалась как условно напряженная, но подлежащая корректировке. Основным фактором роста межнациональной напряженности стала миграция из республик Северного Кавказа¹. Это вывод нашел также подтверждение в ходе нашего исследовательского проекта «Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири».

Примером недостаточной точности и тактичности в проведении национальной политики может служить процесс объединения субъектов федерации. Так, в отношении подготовки и проведения референдума по объединению Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа Л.В. Савинов делает вывод, что у населения и общественности осталось впечатление открытого и чрезмерного использования административного ресурса².

Исследователи обычно характеризуют этносоциальные процессы как протекающие в определенных сферах общественной жизни конкретных народов (этносов) и как локализованные в рамках регионов. Говоря об этносоциальных процессах в Сибири, мы также рассмотрим их в различных аспектах – демографическом, языковом, политическом, культурном и т.п., а также идентифицируем их локальную специфику. При этом сделаем акцент на тенденции, которые проявили себя в конце XX – начале XXI в. в условиях интенсивной глобализации.

Но прежде обратим внимание на важную роль миграции в развитии этносоциальных процессов на разных этапах истории.

В отличие от утвердившейся в социальной философии и теоретической социологии точки зрения о застойных и обособленных формах жизни людей в докапиталистическую эпоху, многочисленные данные археологов и историков убедительно говорят о подвижности населения, активном взаимодействии разных народов и групп населения, в том числе расселенных на отдаленных друг от друга территориях. К числу таких групп относятся, с одной стороны, кочевники, с другой – люди, ведущие оседлый образ жизни. Их

---

¹ Завьялова В. В Югре накаляются межнациональные отношения. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/760243> (дата обращения 17.04.2014).

² Савинов Л.В. Объединение субъектов федерации в Сибири: этнополитические возможности и ограничения // Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сб. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. Вып. 8. С. 176.

взаимообусловленное развитие в разные исторические эпохи четко выразил А.В. Головнев, заключая: «Долгие века с момента эпохального “разделения труда” кочевники и оседлые сосуществовали в небесконфликтном, но устойчивом этноценозе»¹.

Взаимодействие разных народов обеспечивалось посредством миграционной подвижности. Миграция представляет собой существенно значимый и постоянно действующий фактор всемирной истории. Под ее влиянием возникали и рушились города, государства, целые империи и цивилизации, формировались новые народы и уходили в небытие ранее существовавшие.

Базируясь на обобщении многочисленных конкретных данных, академик А.П. Окладников утверждает: «Мир издревле был тесен. С самого начала истории племена и народы соприкасались друг с другом, взаимодействовали, обмениваясь культурными ценностями, внося при этом нечто собственное, самобытное в единый культурно-исторический процесс, в экономическую и политическую жизнь человечества»². Применительно к территории Сибири и Дальнего Востока он говорит о существовании под влиянием миграций разнообразных связей древних культур многочисленных местных племен с такими большими этнокультурными образованиями, как финно-угры, тунгусы, палеоазиаты, а также тюрки и монголы.

Наличие миграционной подвижности, постоянных и длительных контактов народов Сибири на всей обширной территории их традиционного расселения характерно и для всего последующего периода.

С момента присоединения Сибири к России в XVI в. определяющее значение для коренных народов принадлежит взаимодействию с русским населением. Это присоединение стимулировало интенсивные миграционные потоки и обусловило строительство здесь центров уездов, многочисленных крепостей (острогов), ясачных зимовий, других населенных пунктов. В результате уже в кон-

---

¹ Головнев А.В. Антропология движения. Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. С. 161.

² Окладников А.П. Этногенез и культурогенез // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. Всесоюз. конф. (18–21 декабря 1973 г., г. Новосибирск) / Сиб. отд-ние АН СССР, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск, 1973. С. 5.

це XVII в. русское население Сибири по численности преобладало над коренным¹.

Взаимодействие с русскими сыграло существенную роль в развитии народов Сибири. В частности, они заимствовали у русских металлические изделия, служившие важным условием совершенствования промысловой деятельности, являвшейся основой их хозяйства. Распространение у народов Сибири под влиянием совместного проживания или соседства с русским населением животноводства и земледелия явилось благоприятным условием для уменьшения зависимости их жизнедеятельности от природных условий.

Промышленное освоение Сибири в советский период было связано с массовой миграцией сюда людей разных национальностей из многих регионов СССР. Современный облик Сибири – как социально-экономический, так и этнокультурный – во многом продукт миграционных процессов. В частности, под их влиянием Сибирь стала гораздо более многонациональной, чем большинство других регионов России. При этом в целом этносоциальная ситуация здесь как в прошлом, так и в настоящее время отличается относительной стабильностью и отсутствием постоянных межнациональных конфликтов.

Важной особенностью сибирского этнокультурного массива является сохранившееся вплоть до настоящего времени доминирование русского населения. Так, согласно официальным данным, в начале XX в. доля русских в Сибири составляла 75 % всего населения, а последние переписи (1989, 2002 и 2010 гг.) фиксируют ее неизменность на уровне 84 %. В целом по данному региону доля русского населения за последние десятилетия осталась неизменной, что позволяет говорить о стабильности русского массива.

В то же время в отдельных регионах Сибири доля русских в общей численности населения изменялась (табл. 3.1.1).

В республиках Алтай, Бурятия, Тыва, Саха (Якутия) и в Чукотском автономном округе доля русского населения с 1970-х гг. устойчиво снижалась. В остальных регионах она незначительно повышалась. В целом наблюдается процесс территориального сжатия

---

¹ История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 2. Л.: Наука, 1968. С. 56.

русского населения, что обусловлено, главным образом, миграционными процессами и депопуляцией¹.

Таблица 3.1.1

**Изменение доли русских в составе населения
отдельных регионов Сибири (в 2002 и 2010 гг. –
от указавших национальность), %**

Субъект федерации	Год			
	1979	1989	2002	2010
Алтайский край	89,6	–	92,0	93,9
Омская область	80,3	80,3	83,6	85,8
Республика Алтай	63,2	–	57,4	56,6
Республика Бурятия	72,0	69,9	67,8	66,1
Республика Тыва	–	32,0	20,1	16,3
Республика Саха (Якутия)	50,4	50,3	41,1	37,8
Республика Хакасия	79,4	–	80,3	81,7
Ханты-Мансийский автономный округ	74,3	–	66,7	68,1
Чукотский автономный округ	68,9	66,1	53,1	52,5
Ямало-Ненецкий автономный округ	59,0	59,2	59,7	61,7

Можно выделить две основные тенденции, характеризующие влияние миграции на изменение численности русского населения: уменьшение доли русских в депрессивных и экономически неблагоприятных регионах происходит, главным образом, за счет выезда русских отсюда, а в экономически наиболее благополучных регионах – за счет более активной миграции сюда представителей других этнических групп, прежде всего из республик Кавказа и Средней Азии. Очевидно, что и в дальнейшем будут наблюдаться некоторые локальные колебания в численности и доле русского населения, обусловленные динамикой экономического развития в регионах. Интерес представляет вопрос о том, насколько далеко зайдет процесс территориального сжатия? Не сократится ли в перспективе доля русского населения в Западной и Южной Сибири?

¹ Путилова И.В., Путилов С.В. Процесс «демографического сжатия» русского населения Азиатской части России: основные тенденции // Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сб. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. Вып. 8. С. 80–84.

На наш взгляд, территориальному сжатию русского массива будет противодействовать ряд факторов.

Во-первых, русские адаптированы к равнинным ландшафтам Сибири, которые по природно-климатическим условиям несущественно отличаются от Европейской России (особенно ее северной части). Поэтому сибирский ландшафт в целом комфортен для русского этноса.

Во-вторых, у русских Сибири сформировались сибирская идентичность, привязанность к региону, а также черты так называемого сибирского характера. По данным этносоциологических исследований русского населения Сибири, считают себя сибиряками 80 % опрошенных, а 73 % полагают, что между русскими Сибири и russkimi Европейской России существуют определенные различия в характере¹. Это подтверждают и наши собственные исследования. Например, массовый опрос в Новосибирске в 2014 г. показал, что для 75 % русских респондентов важным является ощущать себя сибиряком. Сибирская идентичность у них близка по значимости гражданской и этнической идентичности.

В-третьих, укорененность русских в Сибири проявляется в культивировании регионального патриотизма, появлении мест массового паломничества и отдыха (Алтай, Байкал, Тункинская долина и др.).

Таким образом, можно предполагать, что в ближайшем будущем русские также будут составлять основную часть населения Сибири и определять направленность этносоциальных процессов в ней.

Стабильность русской составляющей сибирского этнокультурного массива в свое время дала некоторые основания для предположения о формировании субэтноса сибиряков. Так, в качестве предпосылок формирования региональной общности сибиряков рассматриваются географическая удаленность и некоторая замкнутость, обширная территория и обилие земель и угодий, определенная свобода и относительно мирное сосуществование пришлого иaborиального населения, особые природно-климатические и этнокультурные условия, активность межэтнических и межрелигиозных контак-

---

¹ Жигунова М.А. Этносоциология русских Сибири: проблемы современной идентичности // Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сб. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. Вып. 8. С. 192.

тов¹. На наш взгляд, в условиях интенсивно протекавших в XX в. миграционных процессов и миксации населения европейской и азиатской частей России говорить о формировании такой общности русского населения (в строгом смысле слова) неправомерно.

Более существенными, пожалуй, становятся наблюдающиеся по всей России региональные этнокультурные различия между территориальными группами русского населения². Так, М.А. Жигунова обращает внимание, что многие жители Алтайского края не считают себя сибиряками в силу более мягкого климата, а в северных регионах многие респонденты называют себя северянами³.

Территориальному сжатию русского массива сопутствует увеличение численности многих коренных народов Сибири, о чем свидетельствуют данные табл. 3.1.2. В то же время для некоторых народов характерно сокращение численности. Это касается хакасов, а также ряда малочисленных народов Сибири – ительменов, камчадалов, кереков, нанайцев, нганасанов, удэгейцев, чуванцев, энцев и др.

Процесс исчезновения малочисленных этносов представляется достаточно затяжным. Например, перепись населения 2010 г. зафиксировала 1 керечку, тогда как перепись 2002 г. насчитывала 8 кереков, а в 1897 г. – более 600 человек. Кереки были ассимилированы более многочисленными чукчами. Это один из примеров, когда малочисленные народы включаются в каналы вертикальной этносоциальной мобильности и входят в состав народов более многочисленных и обладающих более высоким этносоциальным статусом.

В отдаленной исторической перспективе – в горизонте от 100 до 150 лет – можно прогнозировать исчезновение народов, насчитывающих в настоящее время менее 1 тыс. чел., что станет следствием ассимиляционных процессов, естественно-исторически протекающих через брачные контакты, изменение этнической самоидентификации и др.

¹ Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность как фактор устойчивого развития Сибири // ЭКО. 2013. № 1. URL: <http://ecotrends.ru/archive/649-edition-01/1489-2012-09-11-06-32-30> (дата обращения 17.04.2014).

² Тихонова Н.Е., Давыдова Н.М. Русский этнос: региональные особенности менталитета // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 270–275.

³ Жигунова М.А. Этносоциология русских Сибири... С. 193.

Таблица 3.1.2

**Численность коренных народов Сибири
(в границах РСФСР и Российской Федерации), тыс. чел.**

Народ	Год		
	1989	2002	2010
Якуты	380,2	443,8	478,1
Буряты	417,4	445,3	461,4
Тувинцы	206,2	243,4	263,9
Хакасы	78,5	75,6	72,9
Ненцы	34,2	41,3	44,6
Эвенки	29,9	35,5	38,4
Ханты	22,3	28,7	30,9
Эвены	17,1	19,1	21,8
Чукчи	15,1	15,8	15,9
Манси	8,3	11,4	12,3

В целом это закономерный исторический процесс. Более эффективные и жизнеспособные народы наращивают свой жизненный потенциал, престиж и привлекательность, распространяя свое матриомиальное и культурное влияние на менее многочисленные народы. Поскольку эндогамия ведет к генетическому вырождению, представители малочисленных народов постепенно входят в состав более крупных народов, обогащая их этнокультурный потенциал. Так исчезли многочисленные племена, войдя в состав русского народа.

Поэтому стратегия сохранения и развития малочисленных народов должна учитывать, что этнос, как и любой объект, не вечен, а конечен в пространстве и времени. Это есть исторически сложившаяся форма социальной самоорганизации, которая может утратить свой адаптивный потенциал. Следовательно, одним из вариантов развития народа является его диалектическое отрицание, т.е. снятие, сохраняющее положительные ценности его культуры в общем достоянии человечества. Благодаря ассимиляции крупные народы сохраняют и дают вторую жизнь жизнеспособным элементам культур малочисленных народов. Следовательно, необходимо ориентироваться на реализацию политики вертикальной этнокультурной мобильности.

Для большинства представителей коренных народов Сибири характерно компактное расселение, т.е. они проживают в основном в пределах своих национально-территориальных образований. Так, 93,4 % якутов проживает в Якутии, 94,4 % тувинцев – в Туве.

Может показаться, что на этом фоне выделяются буряты, ведь в Республике Бурятия проживает всего 62,1 % бурят России. Но следует учесть, что значительная часть бурят находится в местах их традиционного расселения в Иркутской области и Забайкальском крае. С учетом данной категории доля бурят, проживающих на исторической родине, составляет 96,6 %, т.е. ситуация сопоставима с якутами и тувинцами.

Тенденция к территориальной концентрации этнических общностей, по мнению А.В. Сидоренко, является в России долговременной¹. Как представляется, компактность расселения крупных коренных народов облегчает возможности этнической мобилизации и является важным политическим фактором.

В целом увеличение численности коренных народов в масштабах Сибири не так заметно. Если количество русского населения регионов Сибири составило в 2010 г. около 25,1 млн чел., то численность представителей коренных народов Сибири в совокупности была равна 2,2 млн чел. Но в отдельных национальных республиках доля титульных народов в последние десятилетия увеличилась значительно (табл. 3.1.3).

Устойчивый рост демографического потенциала крупных коренных народов Сибири генерирует позитивное эмоционально-психологическое поле, оценивается как предвестие грядущих успехов и стимулирует накопление этносимволического капитала.

Так, например, столицы национальных республик, изначально будучи типично русскими городами, наращивают долю титульного населения и приобретают национальный колорит. При этом важно подчеркнуть, что манифестация образа столицы, как правило, поливариантна и наряду с национальным образом она может пози-

¹ Сидоренко А.В. Этнический вызов российскому федерализму // ПОЛИТЭКС. 2009. № 1. С. 100–116. URL: <http://www.politex.info/content/view/538/30> (дата обращения 17.04.2014).

ционироваться, как, например, Улан-Удэ, в соотношении с Байкалом или Центрально-Азиатским культурным миром в целом.

Таблица 3.1.3

Доля представителей титульных народов в составе населения национальных республик и округов Сибири (в 2002 и 2010 гг. – от указавших национальность), %

Субъект федерации	Год			
	1979	1989	2002	2010
Республика Алтай	29,2	–	30,6	33,9
Республика Бурятия	23,0	24,0	27,8	30,0
Республика Тыва	–	64,3	77,0	82,0
Республика Хакасия	11,5	–	12,0	12,1
Чукотский автономный округ	8,1	7,3	24,0	26,7
Республика Саха (Якутия)	36,9	33,4	45,5	49,9

Наряду с территориальной концентрацией и этнической консолидацией крупных коренных народов идут процессы национального самоопределения, этнической фрагментации и корректировки этнической идентичности. Из состава алтайцев – полиэтничного конгломерата, объединявшего родоплеменные группы тубаларов, челканцев, кумандинцев и алтай-кижи, теленгитов, телесцев и телеутов, – уже произошло выделение в качестве самостоятельных этносов кумандинцев, теленгитов, телеутов, тубалар и челканцев, что официально зафиксировано на уровне постановления Правительства РФ¹. Параллельно возникали национально-культурные организации этих народов.

По мнению Л.И. Шерстовой, многие существующие ныне этнонимы были «изобретены» в процессе национального строительства в 1920-е гг., когда названия отдельных родов тюркского населения были интерпретированы как этнонимы и отнесены к более широким этнографическим группам. Как следствие, сегодня не только алтайцы и хакасы, но и шорцы, челканцы, кумандинцы имеют проблематичную этническую идентичность. «Южная Си-

¹ Екеев Н.В., Екеева Н.М. Современные этносоциальные процессы в Республике Алтай // Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сб. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. Вып. 8. С. 127.

бирь “больна” новыми идентичностями, – заключает Л.И. Шерстова, – и потому восприимчива к любым, даже нелепым с рациональной точки зрения, конструктам, и какими они станут – во многом зависит от продуманности политики властных структур различного уровня¹. Таким образом, можно говорить о том, что южносибирский тюркоязычный массив имеет потенциал этнического дробления и перспективу этнической реинтеграции.

По-видимому, для описания поступательно-возвратных процессов в государственной этнонациональной политике наряду с категорией национального (этнического) строительства целесообразно использовать категорию национальной (этнической) де-конструкции, подразумевающей демонтаж и «перестройку» национальных (этнических) общностей в процессах их стихийной или регулируемой реорганизации.

Анализируя разделение в результате национального строительства в Сибири тунгусоязычного массива населения на эвенков и эвенов, А.А. Сирина обращает внимание на условность данного разделения. Кроме того, она напоминает, что к эвенкам были отнесены хамниганы, орочены, манегры, а к эвенам – ламуты и ороши. Поскольку последние переписи зафиксировали тунгусов и ламутов, то А.А. Сирина считает возможными мобилизацию этничности и выделение сохранившихся этнографических групп в особые тунгусские народы².

Этническое дробление является также следствием незавершенной этнической ассимиляции. Так, с переписи 2002 г. сойоты официально выделяются как отдельный народ. Ранее эта группа саянских самодийцев подвергалась тюркизации и бурятизации, утратила родной язык и включалась в состав бурят. Но сойоты не потеряли потенциал этносоциальной самоорганизации. В 1990-е г. они

¹ Шерстова Л.И. Новые этнические идентичности в Южной Сибири // Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та: Алт. шк. полит. исслед., 2005. С. 235.

² Сирина А.А. Проблемы типологии и преемственности этнических культур эвенков и эвенов: конец XIX – начало XXI веков: автореф. дис. ... д-ра истор. наук / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2011. С. 21.

создали этнокультурные центры и фонды, добились образования Окинского сойотского национального района. С 2002 по 2010 гг. численность сойотов увеличилась с 2 739 до 3 579 чел.

Потенциал этнической фрагментации в Сибири к настоящему времени не исчерпан. Ряд коренных народов включают сильно различающиеся диалектные группы. По мнению И.В. Октябрьской, лингвистические отличия имеют определяющее значение для представителей субэтносов, претендующих на автономию¹. С учетом этого фактора при наличии значимых лингвистических различий могут выделяться новые малочисленные народы.

В процессах суверенизации коренных народов Сибири большое значение придавалось родным языкам. Так, статья 13 Конституции Республики Алтай провозглашает, что алтайский язык является основой национального самосознания алтайского народа. В конце XX – начале XXI в. в Сибири были приняты региональные законы о языках, концепции языковой политики, создавались национальные школы с преподаванием на языках коренных народов и т.п.

Однако сравнение данных переписей 2002 и 2010 гг. показывает, что, несмотря на предпринимаемые усилия, уровень владения языками коренных народов снижается. За указанный период доля владеющих родным языком уменьшилась среди якутов России с 93,2 до 84,9 %, среди бурят России – с 79,3 до 43,2 %. В Республике Тыва доля тувинцев, владеющих родным языком, снизилась с 98,5 до 97,3 %, в Республике Хакасия соответствующая доля хакасов уменьшилась с 71,1 до 61,1 %, среди ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа – с 85,6 до 55 %, среди хантов Ханты-Мансийского автономного округа – с 34,5 до 17,4 %, среди манси того же округа – с 20,3 до 6,2 %, среди чукчей Чукотского автономного округа – с 44,4 до 28,9 %.

Согласно данным конкретных исследований, уровень владения родным языком ниже у городского населения, молодежи, более состоятельных и образованных групп населения. Отмечается снижение использования родных языков в бытовой сфере и одновре-

---

¹ Октябрьская И.В. Тюрки Алтая: Проблемы многонационального сообщества // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 50.

менно рост стремления к образованию на русском языке и предпочтительное использование русского языка в деловой сфере. Примечателен тот факт, что русский язык является рабочим языком мероприятий, посвященных сохранению и развитию родных языков коренных народов Сибири.

Наиболее значимыми социальными факторами, обусловившими действие тенденции к снижению уровня владения коренными народами Сибири родными языками, являются:

- русскоязычная коммуникативная среда;
- сохранение высокого престижа русского языка;
- урбанизация, модернизация и глобализация, стимулирующие использование русского языка;
- недостаточная разработанность или отсутствие литературных национальных языков;
- сформированность литературных национальных языков на базе одного из диалектов, этносоциальная база которого у ряда народов оказалась размытой, вследствие чего другие этнические группы вынуждены изучать национальный язык как иностранный;
- сужение сферы действия традиционного образа жизни, особенности которого требовали использования коммуникативных ресурсов родного языка.

Озабоченность состоянием владения якутским языком выразил Президент Республики Саха (Якутия) Е. Борисов. В своем докладе 13 февраля 2012 г., посвященном дню родного языка и письменности в Республике Саха (Якутия), он отметил, что в период между переписями 2002 и 2010 гг. численность якутов (саха), проживающих в республике и владеющих якутским языком, уменьшилась на 11 %. По его мнению, эта тенденция может привести к утрате этнической самоидентификации народа саха¹.

В отношении бурятского языка Л. Кальмина пишет: «Принятие в 1992 г. Закона “О языках народов Республики Бурятия” призвано было стать настоящим прорывом и в деле возрождения языка, и в общественном сознании. Однако по большому счету мало что

¹ Владение родным языком в Якутии // Yakutiaprice.ru. Федеральный информационно-аналитический портал. 29.04.2014 URL: <http://yakutiaprice.ru/analitika/97> (дата обращения 17.04.2014).

изменилось, потому что само по себе признание бурятского языка государственным автоматически не гарантировало поднятия его престижа, употребление в общественной жизни, улучшение его изучения и развития... Всплеск интереса к бурятскому языку не означает его повсеместного использования. Несмотря на все попытки сохранения и популяризации языка, сфера его применения будет сужаться и дальше – это процесс объективный и закономерный»¹.

Кроме того, отмечается, что бурятский язык постепенно утрачивает этноидентификационную функцию, сохраняя символическую ценность. «По нашим данным, – пишет Э.В. Хилханова, – язык не является ни базовым этноидентификатором, ни релевантным маркером этнической идентичности не только для молодежи, но и для бурят в целом, и для большинства респондентов потеря языка не влечет за собой утраты этнической идентичности»².

В отношении тувинского языка по результатам проведенного этносоциологического исследования В.С. Донгак делает вывод, что, хотя коммуникативные функции тувинского языка расширились, тем не менее тувинский язык остается в основном языком семейного общения³.

Общей социолингвистической закономерностью является то, что родной язык, уступая социальные функции языку большинства населения, употребляется в основном в быту, а затем утрачивается. Так, в настоящее время тофалары и сойоты почти не говорят на своем родном языке. Попытка возродить родной язык, предпринятая тофаларами в начале 1990-х гг., пока положительных результа-

---

¹ Кальмина Л. Бурятский язык: от забвения к обретению. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году // Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2012. URL: <http://valerytishkov.ru/engine/documents/document2048.doc> (дата обращения 17.04.2014).

² Хилханова Э.В. Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсный и социолингвистический анализ (на материале языковой ситуации в этнической Бурятии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2009. С. 33–34.

³ Донгак В.С. Языковая ситуация в Республике Тыва // Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии. Новосибирск – Семей: Науч.-изд. центр Семипалат. гос. ун-та им. Шакарима, 2008. Вып. 9. С. 564.

тов не дала¹. В то же время это не привело к утрате этнической идентичности.

В связи с отмеченной тенденцией, по-видимому, не следует рассматривать использование родного языка как неизбежное условие сохранения народа и рассчитывать на его распространение путем проведения более активной языковой политики. Язык, как и религия, может использоваться различными народами, и это не препятствует их этносоциальной самоорганизации.

Демографический рост многих коренных народов Сибири, прежде всего относительно многочисленных, стал предпосылкой укрепления национальной государственности. В результате «парада суверенитетов» на территории Сибири возникли республики Алтай, Саха (Якутия), Хакасия, Бурятия, Тыва. Эти республики имеют конституционно-правовой статус суверенных государств.

Этничность коренного народа маркирует республику, а его язык закрепляется конституцией в статусе государственного языка, некоторые политические институты получают традиционные наименования. Так, в Республике Алтай верховным органом власти является Эл Курултай (Государственное собрание), а районы называются аймаками. Соответственно, в Республике Саха (Якутия) – Ил Тумэн (Государственное собрание), а районы – улусы. В Бурятии парламент называется Народный Хурал, в Туве – Верховный Хурал.

Исследователи отмечают наличие в национальных республиках Сибири, так же как и в аналогичных образованиях других регионов России, тенденции к этнократии. Так, согласно расчетам А.В. Сидоренко, соотношение доли титульного этноса в населении региона и в составе правительства составляет соответственно: в Бурятии – 28 и 50 %, в Саха (Якутия) – 46 и 50 %, в Туве – 77 и 79 %, в Хакасии – 12 и 30 %². В.М. Очирова по результатам исследования этнической принадлежности республиканских политических элит также фиксирует в них солидное представительство (Бурятия) или доминирование (Саха (Якутия) и Тыва) титульных

¹ Монгуш М.В. Тофалары и сойоты: историко-этнографический очерк // Новые исследования Тувы. 2012. № 2. С. 76.

² Сидоренко А.В. Политическая власть в этнических регионах // Федерализм и этническое разнообразие в России. М.: Рос. полит. энцикл., 2010. С. 101.

этносов при их относительно небольшой (за исключением Тувы) численности в общем составе населения данных республик¹.

В связи с этим возникает вопрос, можно ли, например, считать адекватной оценку К.Б. Митуповым соотношения русских и бурят в органах государственной власти и самоуправления (50:50) как этнически сбалансированную². В.М. Очирова высокое представительство бурят в органах власти республики считает справедливым, объясняя данное обстоятельство следующим образом: «Скорее всего это связано с тем, что с целью снижения вероятности напряженности в межэтнических отношениях в Бурятии существует негласное разделение властных ресурсов между крупнейшими этническими группами на паритетной основе. Опора на данное распределение в кадровой политике, безусловно, оправдана и целесообразна»³. Очевидно, что такой принцип вполне устраивает бурят, но остается неясным, согласно ли с ним преобладающее по численности в республике русское население.

Важными изменениями в республиках Сибири является возрождение в последнее время традиционных институтов власти и управления. Инициируется родовое движение. Так, в Республике Хакасия был образован Совет старейшин хакасского народа, проведены съезды родов во всех районах республики, а также съезды хакасского народа. Съезды родов (сеоков) также проводятся в Республике Алтай. На этих съездах избираются главы родов – зайсаны. Институт зайсаната стал играть определенную политическую роль. Зайсаны выбираются главами органов местного самоуправления, проводят судебные процессы.

Тенденцию возрождения архаических (традиционных) потестарных институтов коренных народов можно интерпретировать как проявление архаизации общественной жизни. В то же время нельзя

---

¹ Очирова В.М. Политические элиты полигэтнических регионов в условиях трансформации российского общества. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. С. 183.

² Митупов К.Б. Социально-экономическая ситуация и межнациональные отношения в Бурятии (1990-е гг.) // Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сб. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003. Вып. 5. С. 147.

³ Очирова В.М. Политические элиты полигэтнических регионов в условиях трансформации российского общества... С. 184.

не отметить, что подобной архаизации, безусловно имеющей место, сопутствует модернизация традиционных институтов. В данной ситуации можно было бы говорить о неотрадиционализме. Но, как справедливо замечает Ч.К. Ламажаа, архаизация общества имеет значимые отличия от неотрадиционализма, который также обращается к прошлому, но, в сравнении с архаизацией, – к относительно недавнему¹. Кроме того, нетрадиционализм характеризует сознательно организованный процесс возрождения социокультурного опыта прошлого, тогда как архаизация – процесс по преимуществу объективный, не всегда осознанный.

К этому замечанию следует добавить и то, что в неотрадиционализме противопоставляется первичная, подлинная традиция, с одной стороны, и канонизированная, ортодоксальная традиция, с другой стороны. В рассматриваемых случаях «возрождения» потестарных и иных институтов действующая канонизированная традиция отсутствует. Но в то же время присутствует момент сознательной реконструкции прошлого.

По-видимому, следует говорить об архаизации с элементами обновления, направленными в будущее. На наш взгляд, это явление можно определить как этнокультурный археоавангард. Ф. Гиренок определяет археоавангард как момент, когда «прошлое, продавливая настоящее, оказывается в будущем»². Авангардный характер процессов архаизации заключается в том, что возвращение к первоначалу (архе) есть актуализация начала в его полноте, т.е. в тех потенциях развития, которые содержатся в нем, но не были прежде реализованы из-за отсутствия достаточных условий. Модернизация создает такие условия, что позволяет провести ревизию архаической культуры в поисках жизнеспособных и перспективных ее элементов.

Укрепление национальной государственности и возрождение традиционных потестарных институтов – сопутствующие и в определенной мере конкурирующие процессы. Первый выражает политический путь развития национализма, второй – путь культурного

¹ Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена): дис. ... д-ра филос. наук / Москов. гуманитарный ун-т. М., 2011. С. 17.

² Гиренок Ф. Удовольствие мыслить иначе. М.: Акад. проект, 2008. С. 134.

развития. Говоря об их соотношении применительно к Республике Саха (Якутии), У.А. Винокурова отмечает, что в ее развитии был выбран путь культурной самоидентификации¹. Но, как представляется, стремление к завоеванию политических позиций для многих коренных народов Сибири является пока ведущим.

На пути культурной самоидентификации коренных народов Сибири возникают определенные проблемы. В силу того что эти народы являются многокомпонентными по своему происхождению и консолидировались уже в составе русскоязычного массива, возникают как проблема выбора архетипической этнокультуры, так и проблема выбора символов и маркеров этнокультурной идентичности. Д.Д. Нимаев полагает, что для бурятского этноса сегодня есть два пути развития, которые не являются взаимоисключающими. Первый – дальнейшая интернационализация по преимуществу в рамках России, с вытеснением из активного обихода родного языка, но с сохранением этнического самосознания. Второй – «центральноазиатский», с культурной ориентацией на монгольский и буддийский миры². Первый путь в настоящее время является ведущим. Второй также имеет определенное значение, что проявляется в подчеркивании значимости центральноазиатского эпоса о Гэсэре, этнической самоидентификации в качестве бурят-монголов, попытках возрождения старомонгольского языка, поддержке буддизма в противовес шаманизму и др.

В исторической ретроспективе представляется затруднительным говорить о национально-культурном возрождении коренных народов Сибири в точном смысле термина «нация», который еще у древних римлян обозначал народ как транспоколенное единство, включающее предков и потомков. Исторически недавняя этническая консолидация не позволяет многим коренным народам Сибири зафиксировать свое культурно-генетическое единство и осознавать себя нациями. Дейст-

¹ Винокурова У.А. Проблемы этнокультурного развития Республики Саха (Якутия) // Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сб. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2006. Вып. 7. С. 122.

² Нимаев Д.Д. Буряты на рубеже тысячелетий // Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сб. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. Вып. 8. С. 159.

вительностью является многокомпонентный состав коренных народов как историческое наследие межэтнических союзов.

Примечательно, что в конституциях республик Сибири национальная идентичность суверена не акцентируется. В качестве носителя суверенитета указывается многонациональный народ этих республик или многонациональный народ Российской Федерации, представленный в данной республике, на что специально обращают внимание исследователи¹.

Подобное представление о субъектности республик Сибири демонстрирует, на наш взгляд, действие тенденции к локализации этносоциальных процессов. Их регионализация и территориализация ведет к определенной степени автономизации и обособлению. Региональные этносоциальные процессы становятся относительно самодостаточными, а население преимущественно воспроизводится на данной территории. Возникающая вследствие этого общность интересов в вопросах демографического воспроизводства, жизнеобеспечения и социализации конституирует определенную историческую общность и целостность, что позволяет говорить о многонациональном по своему составу народе данной республики.

Переходность и незавершенность локализации этносоциальных процессов выражена, например, в положении Конституции Республики Хакасия о том, что субъектом власти является многонациональный народ Российской Федерации, проживающий в данной республике. Интегрированность местного населения в народ России воспринимается настолько сильной, что не позволяет говорить о существовании многонационального народа Республики Хакасия.

На наш взгляд, представление о народе республики совместимо с представлением о множестве обитающих в ней народов. Высказывается мнение, что «многонациональный народ» – это таксономический нонсенс². На наш взгляд, это не так, поскольку выделение народов и наций может осуществляться по различным основаниям.

¹ Санжиеев Г.Л., Будажапов С.П. Государственность народов Сибири: от автономии к республике // Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сб. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003. Вып. 5. С. 209.

² Октябрьская И.В. Тюрки Алтая: Проблемы многонационального сообщества // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 50.

Региональная обособленность этносоциальных процессов, возникающая вследствие специфического комплексирования народов, предполагает выделение точки кристаллизации народа республики, и таковым обычно выступает наиболее многочисленный коренной народ. В силу коренного происхождения он территориально менее мобилен и потому является корневым народом, т.е. наиболее устойчивым для данной республики.

Таким образом, этносоциальные процессы в Сибири представлены как в значительной мере локализованные в регионах, отдельно и относительно независимо протекающие процессы, а также консолидирующие этнотерриториальные общности и в то же время региональные межэтнические сообщества. Поэтому вполне обоснованно конституции республик Сибири содержат положения, фиксирующие многообразие народов, проживающих на их территории. Так, упоминаются алтайский народ, бурятская нация, коренные малочисленные народы.

Другие народы республики адаптируются не только к местным ландшафтам, но и к местной этносоциальной среде, прежде всего, к коренному народу. Происходит своеобразный этносоциальный отбор, в результате действия которого из мигрантов закрепляются только те лица, которым сравнительно комфортно в местном межэтническом сообществе.

Кроме того, наряду с взаимной адаптацией неизбежно идут процессы взаимной ассимиляции. Так, помимо обрушения шли процессы «обурячивания», «окыргизивания» и «объякучивания» русского населения. Как следствие, русские, постоянно проживающие, например, в Бурятии, являются своеобразной, специфической конвиксией, отличающейся от русских, адаптированных к проживанию, скажем, в Якутии или Туве.

Примером подобной ассимиляции являются калмаки – алтайские казахи, которые в 1990-е гг. переселились в Восточно-Казахстанскую область, а затем многие из них вернулись обратно в Республику Алтай. Калмаки не смогли адаптироваться к жизни в среде материнского этноса, так как, с одной стороны, они сохранили архаические элементы казахской культуры, а с другой – впитали не-

которые элементы культур алтайских народов, неприемлемые для казахов¹.

Оценивая процессы межэтнической ассимиляции, можно сказать, что в Сибири наблюдается соревнование различных крупных этнокультурных миров – русского, якутского, бурятского и тувинского. Этнокультурный мир – это вид социокультурного мира, центрированный вокруг наиболее крупного этноса, который удерживает в сфере своего культурного влияния и интегрирует другие этносы. Так, якутский мир основывался на обычаях якутов выбирать себе жен вне своего рода, или клана, а предпочтительно в других этносах. Благодаря данному обычаяу якуты устойчиво ассимилируют автохтонное и пришлое население². Русские, кроме механизма межэтнических браков, действовали искусственное породнение в форме «братания».

Концепт этнокультурного мира представляет интерес и с той точки зрения, что каждый народ имеет этноспецифические миротворческие практики. Поэтому важной научной и прикладной задачей может выступать выявление и стимулирование этих практик с целью дальнейшего использования, что позволит успешнее разрешать межэтнические конфликты.

Как представляется, магистральным направлением этнонациональной политики в Сибири является консолидация, укрепление и развитие русского народа в его этнокультурном разнообразии. Развитие народа – это стихийно-эволюционный процесс, который совершается путем его интеграции, дифференциации и последующей реинтеграции. В современном мире преобладает тенденция к этнической фрагментации, возрождению локальных этничностей. С учетом этого ближайшая перспектива развития русского населения Сибири видится в консолидации региональных сообществ – «земель» – в субэтносы русского народа, отличающиеся специфи-

¹ Клецев М.В. Кош-агачские казахи как социокультурный феномен // Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии. Новосибирск – Семей: Науч.-изд. центр Семипалат. гос. ун-та им. Шакарима, 2008. Вып. 9. С. 268–275; Тадина Н.А. «Моя Родина – Калмакстан»: новый образ как результат взаимовлияния алтайцев и казахов Горного Алтая // Там же. С. 316–323.

² Личков Л. Якуты // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. Т. XLI. СПб.: Тип. акц. о-ва Брокгаузъ-Ефронъ, 1904. С. 632.

ческим стереотипом поведения. Территориально обусловленная фрагментация русского населения сформирует его мозаичную этноструктуру, которая, с одной стороны, будет дифференцировать народ, а с другой – интегрировать его на основе мозаичной комплементарности. Точками сборки, саморганизации и реинтеграции русского народа способны выступить объединяющие локусы культуры различного ранга (например, такие сакральные природные объекты, как Байкал или Алтай).

Для коренных народов Сибири, находящихся в состоянии демографического роста, необходимым является сброс демографического напряжения. Демографическая разрядка стихийно осуществляется путем миграции, обеспечивающей восходящую социальную мобильность. Образовательная и трудовая миграция в крупные города Сибири, в европейскую часть России и за рубеж усиливает влияние коренных народов, открывает новые возможности самоактуализации и создает диаспоральные возможности для успешной адаптации новых волн мигрантов. Поэтому необходимо поддерживать и стимулировать образовательную и трудовую миграцию за пределы регионов традиционного расселения, укреплять связи диаспор с исторической родиной.

В условиях продолжающегося национально-государственного строительства и укрепления национальной государственности ряда коренных народов Сибири объективно складываются условия для этносоциальной стратификации, политического доминирования одних этносоциальных общностей над другими. Такое доминирование является объективным следствием этнополитического отбора, реализующим магистраль развития, определяемую наиболее сильной этнокультурой. Но мультикультураллизм региональных межэтнических сообществ сохраняет альтернативные пути этносоциальной эволюции, которые могут быть актуализированы при изменении вектора общественного развития. Поэтому субдоминантные этнокультуры нуждаются в позитивной дискриминации и селективной поддержке, которые обеспечат сохранение потенциала и точек роста.

В рамках кадровой политики необходимо поддерживать этнополитический баланс в органах власти и управления, соответствующий реальному этнодемографическому балансу в регионах. Ключевые должности должны занимать представители этнодемо-

графического большинства, которые наряду с выполнением этно-символической функции должны нести морально-политическую ответственность за развитие региона и благополучие всего его населения. В целях этносоциальной безопасности необходимо ограничивать практику назначения «варягов» из других регионов, а также выдвижение на эти должности представителей этнорегиональных меньшинств, так как на эти меньшинства в порядке психологической защиты может быть возложена ответственность за неудачи его представителей.

В национально-административных образованиях, где представители титульного населения составляют этнодемографическое меньшинство, наряду с поддержанием этнополитического баланса необходима реализация неотрадиционалистских практик ритуально-символической презентации территориального верховенства в рамках реализации идеологии регионального патриотизма и формирования гражданского культа родной земли.

Появляющиеся в регионах Сибири новые миграционные группы характеризуются высокой пассионарностью, радикализмом и установкой на пионерское освоение территорий. Для реализации потенциала этих групп, а также их успешной адаптации в региональных межэтнических сообществах желательно предоставить им возможности для самореализации в решении социальных проблем региона и в то же время обеспечить сопровождение социальной адаптации в форме плотного, но нежесткого контроля со стороны органов власти и управления.

В целом этносоциальный процесс в Сибири может быть описан как полифонический, многоголосый процесс, в котором каждый локальный процесс включается в общий хор по принципу контрастной полифонии. Согласие народов Сибири основывается на безусловно главном голосе русского народа, вступающего в заинтересованный диалог с развивающимися контрастирующими или дополнительными темами голосами других народов.

3.2. Экспертное сообщество Сибири об актуальных проблемах национальной политики

Эффективность национальной политики зависит от множества факторов, начиная от ее методологической основы и выверенных целевых ориентиров, отражающих реальные проблемные ситуации в развитии этносоциальных процессов, заканчивая правовыми, административными, финансовыми, кадровыми и прочими ресурсами, необходимыми для ее успешной реализации. При всем этом нельзя добиться значимых результатов, если цели национальной политики не соответствуют интересам населения, а само оно не является сознательным и заинтересованным участником процессов, регулируемых с помощью этой политики. Стратегия органов власти и модели поведения населения в данной сфере должны быть соотносимыми, в определенном смысле согласованными. Поэтому представляется важным проведение диагностики общественного мнения населения, включая разные группы экспертов, по наиболее актуальным проблемам современной национальной политики с целью согласования принимаемых органами власти решений с существующими оценками, ожиданиями и устремлениями населения. Это вполне соответствует установке В.В. Путина, выраженной в одной из его программных предвыборных статей: «Надо настроить механизмы политической системы таким образом, чтобы она своевременно улавливала и отражала интересы больших социальных групп и обеспечивала бы публичное согласование этих интересов»¹.

Большая часть третьего раздела монографии будет касаться как раз анализа выявленных в процессе конкретно-социологических исследований суждений и оценок, которые высказывают рядовые жители и представители экспертного сообщества по актуальным проблемам национальной политики.

В данном параграфе речь пойдет о позиции экспертов. В качестве первой группы экспертов выступили государственные и муниципальные служащие – специалисты из разных субъектов федерации Сибирского федерального округа, которые по долгу своей

---

¹ Путин В.В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. 6 февр.

профессиональной деятельности так или иначе связаны с вопросами национальной политики. Первый опрос этой группы экспертов был проведен автором в мае 2011 г., то есть спустя всего полгода после событий на Манежной площади¹.

Как показал опрос, почти все эксперты признают наличие в России национального вопроса, при этом около 60 % из них считают его острым, требующим срочного решения. В то же время большинство из них (71 %) уровень конфликтности межэтнических отношений в России оценивают не как высокий, а как средний, а в своем регионе – как низкий (51 %). Это может свидетельствовать о том, что национальный вопрос многие не сводят лишь к проблемам непосредственно в межнациональных отношениях.

Из предложенного списка возможных причин межэтнической напряженности на первом месте, по оценке экспертов, оказались, причем и применительно к России в целом, и к своему региону, экономические неурядицы, на втором – социальное неблагополучие, на третьем – приток мигрантов, на четвертом – межличностные отношения, на пятом – различия языков и культур. Таким образом, само по себе наличие разных языков и культур, с точки зре-

---

¹ Экспертами выступили 35 слушателей курсов повышения квалификации по вопросам национальной политики государственных и муниципальных служащих из разных регионов Сибирского федерального округа. Курсы организованы Сибирской академией государственной службы (в настоящее время – Сибирским институтом управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации). Эксперты представляли республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, Алтайский, Забайкальский и Красноярский края, Иркутскую, Кемеровскую, Омскую, Новосибирскую и Томскую области. Из них: 18 чел. – это государственные, 15 чел. – муниципальные служащие (2 чел. не указали свой статус), в основном руководители, специалисты, консультанты из государственных и муниципальных структур управления, отвечающих за национальную и религиозную политику, межнациональные и этноконфессиональные отношения, связи с общественными организациями (как известно, в разных регионах такие специалисты представлены в разных управлении структурах). Важно отметить, что подобные курсы для муниципальных и государственных служащих (уровня субъектов федерации) начали проводиться в Сибири после принятия Концепции государственной национальной политики РФ в 1996 г. Однако это длилось недолго, их не было все 2000-е гг. Возобновились они в 2011 г. после декабрьских событий 2010 г. на Манежной площади и последовавших решений федеральных властей.

ния опрошенных, не провоцирует межэтническую напряженность, она определяется уровнем социального (в широком смысле) неблагополучия и степенью эффективности/неэффективности регулирования этносоциальных процессов.

Обратим внимание на то, что такая оценка близка позиции В.В. Путина, которую он высказал в своей статье «Россия: национальный вопрос». Говоря о причинах, «спусковом крючке» межэтнической напряженности и конфликтов на национальной почве, он совершенно справедливо назвал системные проблемы общества, среди которых – нерешенные социально-экономические проблемы, пороки правоохранительной системы, неэффективность власти, коррупция. Истоки межнациональных конфликтов – это «обостренная реакция на отсутствие справедливости, на безответственность и бездействие отдельных представителей государства, неверие в равенство перед законом и неотвратимость наказания для преступника, убеждение, что все куплено и правды нет»¹.

Возвращаясь к результатам экспериментного опроса, отметим еще несколько важных моментов. Можно было ожидать, что под влиянием «локального патриотизма» эксперты однозначно встанут на сторону «своих» при ответе на вопрос о том, по чьей вине обычно возникают конфликты между местными жителями и группами мигрантов. Однако этого не произошло. Чуть более половины из них полагают, что в таких случаях виноваты обе стороны и лишь 17 % опрошенных склонны обвинять приезжих.

Интересные ответы были получены на вопрос о национальном статусе России. 69 % экспертов считают ее государством, объединяющим разные нации, народы, этнические группы, 23 % – многонациональным народом и лишь 9 % – одной (единой) нацией. При этом лишь 11 % опрошенных полагают, что федеральными органами власти проводится последовательная, целенаправленная, четкая национальная политика. И всего 14 % из них положительно относятся к тому, в России не существует Министерства по делам национальностей, абсолютное же большинство экспертов считают необходимым его воссоздание.

---

¹ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.

Принципиально важными являются ответы экспертов на вопрос о целесообразности принятия концепции современной национальной политики на разных уровнях управления (заметим, что этот опрос проводился до утверждения Стратегии государственной национальной политики). Лишь один эксперт усомнился в необходимости такой концепции на федеральном уровне. В то же время опрошенные в абсолютном своем большинстве считают, что концепция реализации национальной политики должна существовать в отдельных субъектах федерации (96 %), а также в крупных муниципальных образованиях (80 %).

По вопросу о желаемой в будущем модели национально-государственного устройства России большинство опрошенных (51 %) предпочтение отдали существующей ныне модели федерации. В то же время 37 % из них поддержали идею упразднения национально-территориального устройства и формирования административно-территориального устройства (например, переход от республик к губерниям), а каждый девятый оказался сторонником усиления суверенизации национально-территориальных образований.

По ряду обсуждаемых вопросов обнаруживается значимое расхождение мнений представителей государственных и муниципальных структур. Государственные служащие в большинстве своем менее критичны в оценке существующей этносоциальной ситуации и этнонациональной политики, чем муниципальные работники (это вполне объяснимо, если учесть их социальное положение «людей государевых»). Так, при ответе на вопрос о том, реализуется ли в настоящее время органами власти Российской Федерации последовательная, целенаправленная, четкая национальная политика, более критические оценки дают муниципальные служащие: всего 7 % из них и одновременно 17 % госслужащих признают ее наличие, а 40 % представителей муниципалитетов считают, что такой политики практически не существует (среди государственных служащих так полагают всего 17 %). В то же время доля не уверенных в существовании подобной политики и однозначно отрицающих ее наличие примерно равна в обеих этих группах (80–84 %).

Среди муниципальных служащих выше доля тех, кто выскazывается за необходимость принятия концепции современной национальной политики на всех уровнях управления – на федеральном

уровне, в отдельных субъектах федерации и крупных муниципальных образованиях (крупных городах) – соответственно 100, 100 и 93 % (среди госслужащих таковых меньше – соответственно 94, 84 и 67 %).

17 % опрошенных госслужащих отрицательно относятся к идеи создания федерального Министерства по делам национальностей, тогда как среди муниципалов таковых всего 7 %. В то же время среди последних в два раза меньше тех, кто высказываетя за создание таких министерств на уровне субъектов федерации – 20 % (у госслужащих таковых 39 %).

Проведенный нами в мае 2013 г. опрос слушателей аналогичных курсов – государственных служащих из Новосибирской, Омской, Томской, Иркутской, Кемеровской областей и Алтайского края не выявил принципиальных расхождений (по сравнению с опросом 2011 г.) в ответах по большинству из обозначенных вопросов. Например, как и в 2011 г., примерно 60 % опрошенных считают национальный вопрос в России острым, требующим срочного решения, а уровень конфликтности в своих регионах и муниципалитетах большинством оценивается как невысокий. Указание на социальное неблагополучие, экономические неурядицы и приток мигрантов преобладает при оценке причин существующей межэтнической напряженности.

Среди заметных изменений в этносоциальной обстановке в своих регионах за последние 2–3 года главными, с точки зрения экспертов, являются увеличение доли мигрантов и концентрация людей по этническому принципу – на работе и в отдельных отраслях занятости. А напряженность в отношениях людей разных национальностей, по их мнению, возникает чаще всего по причине неуважения к национально-культурным особенностям представителей разных этнических групп.

Важно, что в вопросе о желаемом статусе органа власти, ответственного за проведение национальной политики на уровне субъекта федерации, приоритет отдается специализированному департаменту (так полагают половина респондентов) или даже самостоятельному министерству, на чем настаивают почти 40 % экспертов. При этом обратим внимание на то, что в данном случае все экспер-

ты представляли не национальные республики, а регионы с абсолютным преобладанием русского населения.

Как можно заметить, мнение экспертов значительно отличается от установок федеральных властей, в том числе зафиксированных в утвержденной Стратегии, по целому ряду вопросов. В частности, большинство из них считают, что Россия есть государство, объединяющее разные нации (а не одну нацию), признают необходимость создания Министерства по делам национальностей, целесообразность региональных концепций реализации национальной политики и др. По нашему убеждению, федеральные органы власти в своей деятельности обязаны учитывать мнение работающих в регионах государственных и муниципальных служащих, поскольку без этого управление в данной сфере не может быть достаточно успешным.

Обратимся теперь к результатам специального экспериментного опроса, проведенного под руководством автора в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (ХМАО) и в Республике Алтай в 2013 г. В нем в качестве экспертов выступили не только специалисты, работающие в органах управления и так или иначе связанные с вопросами национальной политики, но и представители других социальных групп¹. Подробный анализ его результатов будет дан в последующих параграфах. Здесь обратим внимание на оценки экспертов по некоторым общим проблемам.

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре еще большая, чем в опросе государственных и муниципальных служащих 2011 г., доля респондентов признает остроту национального вопроса в России и в своем регионе. Свыше 60 % из них негативно оценивают динамику межнациональных отношений в округе в последнее время и 43 % прогнозируют рост напряженности в будущем. Относительно высоко оценивается и уровень конфликтности этих отношений, особенно в городе Сургуте. А среди причин межэтнической напряженности самой основной признается приток мигран-

---

¹ Как отмечалось во Введении, всего опрошено в ХМАО 103 чел., в Республике Алтай – 72 чел., среди них представители государственных (республиканских и окружных) и муниципальных органов управления, творческой интеллигенции и средств массовой информации, руководители национально-культурных организаций, общественные деятели.

тов. Главным образом с мигрантами связывается в округе и наличие национального вопроса.

В Республике Алтай иная ситуация. 60 % опрошенных считают, что межэтнические отношения в регионе стабильные и за последние 2–3 года не изменились. Многие говорят о низком уровне конфликтности этих отношений, а приток внешних мигрантов не рассматривается в качестве значимой причины межэтнической напряженности, с ними не связывается существование национального вопроса в регионе. Здесь гораздо более весомой проблемой считается внутренняя миграция из села в город, точнее говоря, в Горно-Алтайск как единственный город в республике, а также борьба различных кланов за престижные места в органах власти. Русские респонденты выражают озабоченность непропорционально высоким представительством алтайцев в республиканских структурах управления (согласно данным последней переписи, русских в республике 57 % от общей численности населения, алтайцев – 34 %, но в органах власти последние, по экспертным оценкам, составляют примерно 60 %). Важным фактором межэтнической напряженности являются выборы, когда многие претенденты в ходе своей предвыборной кампании пытаются разыгрывать «этническую карту».

Таким образом, результаты исследования говорят о наличие значимых региональных различий в текущей этносоциальной ситуации. Между тем по итогам исследования можно выделить некоторые общие проблемы современной этнонациональной политики в регионах:

во-первых, отсутствие действенных структур управления и достаточной нормативной базы в решении задач национальной политики на региональном и муниципальном уровнях;

во-вторых, недостаточная компетентность многих государственных и муниципальных служащих в вопросах национальной политики;

в-третьих, наличие на этом фоне сильных лидеров национально-культурных организаций, не всегда использующих свой потенциал на благо всего местного межэтнического сообщества;

в-четвертых, отсутствие хорошо проработанных целевых межведомственных программ, касающихся данного направления деятельности с четкой фиксацией конкретных ответственных за ее реализацию;

в-пятых, недостаточная скоординированность деятельности разных структур управления как между собой, так и в отношениях с институтами гражданского общества.

Анализ результатов экспертного опроса слушателей курсов повышения квалификации государственных и муниципальных служащих Сибирского федерального округа по вопросам национальной политики, проведенного автором в июне 2015 г. (опрошено 28 чел.), позволяет говорить о некоторой стабилизации этносоциальной ситуации в отдельных регионах Сибири. Например, в оценке динамики межэтнических отношений за последние 2–3 года 46 % опрошенных отмечают их стабильность, неизменность, 25 % – их улучшение и только 14 % – ухудшение. В то же время многие проблемы продолжают оставаться актуальными. Отметим наиболее значимые из них.

По оценке экспертов, главные изменения в этносоциальной ситуации в их регионах касаются увеличения доли мигрантов и концентрации людей по этническому принципу на работе, в отдельных отраслях занятости. Среди основных причин, которые вызывают напряженность в отношениях между людьми разных национальностей, называются значительное увеличение доли мигрантов и несовершенство национальной политики. Ни один из экспертов не зафиксировал в целом положительное отношение населения к мигрантам в своем регионе. Наиболее важные причины негативного отношения местного населения к мигрантам связываются с изменением привычной этнической структуры под влиянием миграционных процессов и с нежеланием (или неумением) этнических мигрантов адаптироваться к местным условиям. В вопросе о том, в каких сферах и по какому поводу могут возникать проблемы и конфликты на национальной почве, эксперты выделяют главным образом повседневную бытовую жизнь, молодежную среду и борьбу за власть во время подготовки к выборам.

Проводимая государственная национальная политика в настоящее время, то есть спустя более двух лет после принятия Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2015 г. и региональных планов мероприятий по ее реализации, а также утверждения федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов

России (2014–2020 годы)», по-прежнему оценивается в основном как не всегда последовательная и эффективная, причем это касается и федерального, и регионального уровней управления. Среди наиболее значимых дополнительных мер по совершенствованию национальной политики, которые органам власти следует предпринять на уровне своих регионов, эксперты называют укрепление кадрового состава и повышение квалификации работников соответствующих подразделений, увеличение финансирования на решение задач национальной политики, укрепление связи органов власти региона и местного самоуправления, а также координацию деятельности разных подразделений органов власти.

3.3. Ориентиры муниципальной этнонациональной политики и этносоциальная ситуация в Новосибирске

Опыт разработки и содержание Концепции реализации национальной политики в г. Новосибирске. В апреле 2013 г. на заседании Консультативного совета по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений при мэрии Новосибирска была утверждена Концепция реализации национальной политики в г. Новосибирске. Автору довелось быть руководителем авторского коллектива по ее разработке. Как представляется, опыт работы над ней может быть полезным для других регионов, поэтому о ней стоит сказать специально. Полный текст Концепции приведен в Приложении. Здесь остановимся на последовательности этой работы и некоторых ее принципиальных положениях.

Решение о разработке Концепции было принято на заседании Консультативного совета вскоре после выхода статьи В.В. Путина «Россия – национальный вопрос» (январь 2012 г.), т.е. за много месяцев до утверждения Стратегии. Это решение исходило из осознания необходимости четкой фиксации возросшей ответственности за реализацию национальной политики со стороны органов местного самоуправления и институтов гражданского общества, прежде всего национально-культурных организаций. Учитывались также результаты ранее проведенных экспертных опросов и в данном городе, и в других регионах Сибирского федерального округа. Как было

показано в предыдущем параграфе, большинство экспертов считают целесообразной разработку региональных концепций реализации национальной политики. Немаловажное значение имел тот факт, что Новосибирск – крупнейшее муниципальное образование в России, по численности превосходящее многие субъекты федерации, поэтому для эффективного управления соответствующими процессами на муниципальном уровне необходима квалифицированная диагностика существующей этносоциальной ситуации и концептуальное видение перспектив ее развития с учетом современных общегосударственных стратегических ориентиров и местных особенностей.

Предварительно нами была разработана и впоследствии реализована программа конкретных исследований, которая включала проведение серии экспертных интервью и фокус-групп, обобщение статистических данных, анализ документов многих служб мэрии (правоохранительных органов, департаментов образования, культуры, молодежной политики и др.), а также миграционной службы, администраций районов города, обобщение предложений руководителей национально-культурных организаций и результатов ранее проведенных социологических исследований по проблемам национальной политики в городе. На этой основе был подготовлен проект Концепции для Новосибирска, который несколько раз обсуждался с заинтересованными сторонами и корректировался в соответствии с положениями принятой в декабре 2012 г. Стратегии.

В целом городская Концепция базируется на основных положениях Стратегии, в то же время ее содержание конкретизирует и дополняет положения Стратегии с учетом особенностей этнокультурной ситуации, конкретных условий и тенденций этносоциального развития новосибирского городского сообщества, закрепляя важную роль органов местного самоуправления в реализации задач национальной политики. Концепция сфокусирована на позитивном опыте взаимодействия мэрии и национально-культурных организаций, на актуальных проблемах и механизмах их решения. На ее основе разработан и в ноябре 2013 г. утвержден комплексный план мероприятий по реализации национальной политики и соответствующий раздел целевой городской программы «Новосибирск – территория партнерства».

В Концепции реализации национальной политики в г. Новосибирске нашли отражение важные проблемы, не зафиксированные в Стратегии, в частности:

- диагностика не только межнациональных отношений, но и состояния этнокультурного разнообразия и этносоциальных процессов в целом;
- идея гармоничного сочетания гражданской, локальной и позитивной этнической идентичности с приоритетом первой из них;
- связь задач реализации национальной политики на муниципальном уровне с целями устойчивого развития городского сообщества;
- необходимость решения не только меж-, но и внутринациональных (внутриэтнических) проблем и противоречий;
- проблемы, возникающие в местах компактного проживания мигрантов, в частности, работа школ с многонациональным составом учащихся;
- мониторинг не только межнациональных отношений, но и социального самочувствия представителей разных этнических групп.

Кроме того, в ней также зафиксированы установки, свидетельствующие об особенностях ситуации на локальном уровне: а) сохранение устойчивого единства городского сообщества в условиях этнокультурного разнообразия; б) воспитание чувства взаимного уважения к культурам разных народов с доминантой традиций коренного местного населения; в) невозможность достижения благополучия отдельной этнической группы без общего благополучия городского сообщества (что определяет их взаимную зависимость и взаимную ответственность); г) необходимость активизации потенциала каждого этнокультурного сообщества в интересах общего благополучия и использование потенциала города для благополучия отдельных этнических групп¹.

---

¹ О необходимости разработки региональных и муниципальных (для крупных образований) концепций реализации национальной политики и основных положениях новосибирской концепции нам уже приходилось писать. См., например: Попков Ю.В. Национальная политика в России: целевые установки и региональные модели // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 39–44.

Генеральная перспектива связана с поддержкой культур разных народов при опоре на приоритет формирования доброжелательных, гармоничных межнациональных отношений как условия общего благополучия городского сообщества и его устойчивого развития.

Работая над городской концепцией, мы столкнулись с серьезной правовой проблемой. Национальная политика, согласно Конституции РФ, находится в ведении Российской Федерации. А органы местного самоуправления, в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», всего-навсего имеют право (обратим внимание: имеют право, но не обязанность, а следовательно, не обеспечиваются необходимыми финансовыми, материальными, кадровыми и иными ресурсами) на оказание содействия национально-культурному развитию народов Российской Федерации и реализацию мероприятий в сфере межнациональных отношений на своей территории (заметим, что в первоначальном варианте этот закон не предусматривал даже этого права). Эти полномочия не предполагают возможность на городском уровне определять дополнительно к принятой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. цели, принципы, приоритетные направления и задачи национальной политики, а сама Стратегия не предусматривает возможности разработки муниципальных концепций реализации национальной политики, что представляется парадоксальным и неправомерным.

В настоящее время выход найден в том, что разработанная городская концепция утверждена, как отмечалось, Консультативным советом по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений при мэрии Новосибирска, а не законодательными и исполнительными органами местного самоуправления. Это, конечно, снижает статус Концепции и возможную эффективность, хотя и не отменяет ту важную роль, которую она играет в реализации задач этнонациональной политики на муниципальном уровне.

Мониторинг этносоциальной ситуации и этнонациональная политика. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. в качестве важного условия ее успешной реализации предусматривает создание государственной и муниципальной систем мониторинга состояния

межнациональных (межэтнических) отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций. Мало того, предполагается возможность корректировки данной Стратегии, которая «осуществляется по результатам анализа ее реализации и мониторинга состояния межнациональных (межэтнических) отношений в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях»¹. Проведение государственного мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений определено также одной из задач созданного в марте 2015 г. Федерального агентства по делам национальностей².

Как представляется, мониторинг межнациональных отношений как таковых не охватывает всего комплекса тех явлений, которые должны быть объектом постоянного отслеживания (изучения) и регулирующего воздействия со стороны органов власти и управления федерального, регионального и муниципального уровней для того, чтобы национальная политика могла быть успешной. Объектом мониторинга, как было показано в предыдущем разделе монографии, должна выступать этносоциальная ситуация конкретного межэтнического сообщества в целом. Важной составляющей этой ситуации является, в частности, социальное самочувствие представителей отдельных этнических групп.

Именно такого рода мониторинг предусматривается Концепцией реализации национальной политики в г. Новосибирске. Его постановка – непростая комплексная задача, предполагающая постоянное отслеживание этносоциальной ситуации по целому комплексу параметров, подробное описание которых представлено во втором разделе данной монографии (п. 2.6). Далее дадим краткое описание итогов первого этапа мониторинга в виде результатов массового опроса жителей по актуальным вопросам национальной

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения 12.05.2015).

² Подписан Указ о Федеральном агентстве по делам национальностей // Президент России. Офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49043> (дата обращения 18.05.2015).

политики¹. Проведенное исследование, как отмечено во Введении, дает представление о социальном самочувствии новосибирцев, их социокультурных ориентирах и степени удовлетворенности разными сторонами жизни, уровне гражданской, региональной и этнической идентичности, патриотических настроениях и отношении к своему языку и культуре; о межэтнических отношениях, их проблемных зонах и динамике, установках в межличностном общении, об отношении к мигрантам. Выделяются также актуальные задачи национальной политики на муниципальном уровне, как они видятся самому населению.

Но прежде рассмотрим общую ситуацию в г. Новосибирске.

Этносоциальная ситуация в Новосибирске. Новосибирск является самым крупным в России муниципальным образованием. Его численность в 2012 г. достигла 1,5 млн человек. Город изначально формировался как переселенческий населенный пункт с многонациональным составом населения. При этом в этнической структуре всегда абсолютное большинство составляло русское население. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. здесь проживали представители более 120 национальностей. Русские составляют 92,8 % жителей.

В последние десятилетия в городе изменяются пропорции в этническом составе населения. Одним из важных факторов этих изменений является миграционная подвижность населения. Относительно стабильной остается численность русских (динамика в пределах 1 %). Но с 1989 г. существенно снизилась численность наиболее многочисленных, помимо русских, и традиционных для Новосибирска этнических групп – украинцев, немцев, татар, чувашей, белорусов, евреев.

В то же время Новосибирск как столичный для Сибирского федерального округа и относительно благополучный в социально-экономическом отношении город оказался притягательным для многих групп мигрантов. За этот период многократно выросла численность представителей коренных народов Средней Азии, Кавка-

¹ Время проведения опроса – май–сентябрь 2014 г. Общее число опрошенных – 419 чел., представляющих разные половозрастные, социально-профессиональные и этнические группы, а также разные районы города.

за, Азиатско-Тихоокеанского региона, увеличилось число прибывающих сюда на работу и обучение из других регионов Сибири. Достаточно красноречивым является тот факт, что на третье место по численности после русских и украинцев в 2010 г. вышли узбеки (в переписи 1989 г. они не были зарегистрированы вообще). Существенно увеличилась численность таджиков, киргизов и китайцев. Среди народов Кавказа к таким группам принадлежат армяне и азербайджанцы, а среди народов Сибири – буряты и тувинцы¹.

Иммигранты в настоящее время прочно заняли определенные ниши на рынке труда города и в большинстве своем представлены в сфере услуг, в строительстве, торговле, транспорте, ЖКХ. Они также оказали существенное влияние на этнокультурный ландшафт Новосибирска. На территории города образовалось более 15 заселенных по этническому признаку мест их компактного проживания. Именно с мигрантами жители города и эксперты связывают имеющие иногда место факты межнациональной напряженности.

Более подробная информация об этносоциальной ситуации в Новосибирске и опыте работы мэрии по реализации задач этнической политики дана в Концепции реализации национальной политики в г. Новосибирске (см. Приложение)².

Далее будут представлены результаты массового опроса. Следует сказать, что жители Новосибирска не дают однозначных ответов по многим из тех вопросов, которые выступали предметом непосредственного анализа. Это соответствует реально существующей ситуации, являющейся неоднозначной, противоречивой, поэтому по-разному воспринимаемой разными группами респондентов. В то же время можно выделить ряд общезначимых проблем.

Степень удовлетворенности разными сторонами жизни. Прежде всего заметим, что выявленные в ходе опроса различия оценок по многим вопросам являются наиболее заметными в раз-

---

¹ Национальный состав населения Новосибирской области (итоги Всероссийской переписи населения 2010 года) / Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Новосиб. обл. Новосибирск, 2012. С. 4–7.

² Об этом см. также: Терентьева М.Н. Опыт реализации национальной политики на муниципальном уровне (на примере города Новосибирска) // Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сб.: Вып. 10 / отв. ред. Ю.В. Попков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015.

ных этнических группах, поэтому в ходе дальнейшего анализа на этом будет сделан главный акцент.

Для опрошенных характерна относительно высокая степень удовлетворенности своей жизнью в целом: каждый второй жизнью вполне доволен и еще 37 % удовлетворены частично (не совсем ей довольны). Лишь 5 % респондентов высказывают однозначное недовольство (8 % затруднились ответить).

В то же время существует заметная разница оценок по этому вопросу в разных этнических группах. Судя по ответам, в меньшей степени полностью удовлетворены своей жизнью русские – 46 %, все другие народы – 63 %, из них в большей степени довольными являются представители коренных народов Сибири (74 %) и Средней Азии (70 %). Среди опрошенных представителей народов Кавказа недовольные жизнью отсутствуют.

В несколько меньшей степени довольны жизнью те, кто в Новосибирске родился (коренные жители) или живет здесь более 10 лет. Более критичными в оценке данного вопроса являются женщины по сравнению с мужчинами, а также люди в возрастной группе 46–60 лет.

Если общее социальное самочувствие опрошенных можно оценить как вполне благополучное, то удовлетворенность конкретными сторонами жизни является не столь высокой. При этом близкими являются мнения русских и представителей других этнических групп лишь по двум параметрам – жилищные условия (довольны ими 51 % русских и 55 % всех других, недовольны – соответственно 15 и 16 %) и работа учреждений культуры (довольны – 55 и 51 %, недовольны – 7 и 11 %).

Не очень большая разница имеет место в уровне удовлетворенности содержанием своей работы (довольны – соответственно 41 и 50 %, недовольны – 9 и 6 %). По всем другим составляющим различия более значимые. Так, довольны работой учреждений образования всего 29 % русских и в то же время 42 % представителей других этнических групп, недовольны – соответственно 19 и 8 %.

Заметим, что для части респондентов отдельные выделенные стороны жизни не являются актуальными (то есть они их не беспокоят в данный момент), поэтому они не дали им какой-то определенной оценки.

В большей мере респонденты (по всему массиву опрошенных) явно не удовлетворены уровнем своих доходов, работой местных органов власти и медицинским обслуживанием – соответственно 23, 23 и 34 %. По этим же показателям наблюдаются наибольшие расхождения в оценках русских и представителей других этнических групп (табл. 3.3.1).

Таблица 3.3.1

**Уровень удовлетворенности разными сторонами жизни
в этнических группах, %**

Стороны жизни	Русские			Другие национальности		
	довольны	не вполне довольны	недовольны	довольны	не вполне довольны	недовольны
Уровень доходов	22	47	26	35	46	13
Работа местных органов власти	15	48	26	39	33	14
Работа медицинских учреждений	17	43	38	40	38	19

Важно обратить внимание на то, что степень удовлетворенности уровнем доходов и медицинским обслуживанием находится в прямо пропорциональной зависимости от удовлетворенности жизнью в целом. А вот оценка деятельности местных органов власти от этого зависит в меньшей степени: критически отзываются о ней многие из тех, кто не только не доволен, но и доволен жизнью.

Мнение опрошенных по выделенным вопросам находится в корреляционной зависимости от их оценки своего материального благополучия в целом. Так, каждый второй (54 %) относит себя к людям со средним достатком, 4 % – с высоким достатком и 29 % – с низким достатком. Причем, другие национальности здесь выглядят более благополучными, чем русские: людьми с высоким достатком назвали себя 19 % представителей народов Кавка-

за, 14 % – народов Средней Азии и лишь 2 % – русских, а с низким достатком – соответственно 7, 12 и 32 %.

Конечно, мнение конкретных людей относительно уровня своего материального благосостояния определяется многими обстоятельствами и в значительной степени является субъективной оценкой, однако для нас важно то, что данный показатель оказывает значимое влияние на оценку многих других явлений, в том числе касающихся сферы межнациональных отношений.

Оценка отношения к себе ближайшего и дальнего окружения.

В повседневной жизни социальное самочувствие человека во многом определяется тем, какие отношения у него складываются с людьми из ближайшего и отдаленного окружения. Если не брать приватную сферу, то к ним можно отнести отношения с коллегами и руководителями по работе, соседями, а также другими жителями, с которыми приходится постоянно пересекаться (на улицах, в общественных местах и т.п.).

По результатам нашего исследования, абсолютное большинство всех опрошенных оценивают отношение к себе со стороны всех выделенных категорий людей – коллег и руководителей по работе, соседей, других жителей – в совокупности как хорошие и нормальные (87–92 %). Лишь единицы респондентов рассматривают их как недружелюбные (1–5 %) и еще меньше (0–1 %) – как конфликтные.

В то же время более всего благосклонными в свой адрес рассматриваются отношения со стороны ближайшего окружения, к которому можно отнести рабочий коллектив: соотношение «хороших» и «нормальных» оценок относительно коллег по работе выступает соответственно как 57 и 35 %, относительно руководителей – 47 и 40 %. Это соотношение применительно к соседям равно 40 и 50 %, а что касается других жителей, то 24 и 64 %. Как видим, очевидной является динамика в этом ряду: сокращается доля хороших оценок и возрастает доля нормальных. Таким образом, отношения к себе со стороны ближайшего окружения рассматриваются как более доброжелательные, чем дальнего окружения.

Немного более критически настроены в оценке всех этих отношений русские по сравнению с людьми других национальностей.

Приведенные данные также могут говорить в целом о наличии в Новосибирске благополучной окружающей социальной городской среды.

Социокультурные ориентиры населения. Система ценностей человека является для него важным ориентиром в окружающем мире, она формирует базисные основания для оценки тех или иных социальных явлений и определяет модели поведения в конкретных ситуациях. Применительно к теме нашего исследования значимыми являются социокультурные ориентиры. В ходе опроса были выделены те, которые имеют непосредственное отношение к этносоциальной ситуации.

Прежде всего отметим, что респонденты указали на высокую степень (в среднем 91 %) важности для себя знания языка и культуры своего народа, причем среди русских этот показатель оказался чуть выше средних значений по массиву, а именно 94 % (среди народов Сибири – 74 %, Средней Азии – 81 %, Кавказа – 96 %). Среди других групп несколько большую приверженность к этим вопросам проявили коренные жители Новосибирска по сравнению с приехавшими сюда людьми, женщины – по сравнению с мужчинами и люди старших возрастных групп – по сравнению с более молодыми.

Примечательно, что практически такую же степень заинтересованности (по всем выделенным группам) респонденты обнаружили в отношении своих детей, желая, чтобы и они знали язык и культуру своего народа.

А вот что касается непосредственного соблюдения народных традиций, то на это ориентируются меньшее число опрошенных (в среднем 78 %), причем в целом для русских данный вопрос менее важен, чем для других народов – соответственно 76 и 84 %.

Еще менее значимым является стремление соблюдать религиозные обычаи своего народа – в среднем 58 %, а разница между русскими и представителями других народов составляет почти 20 процентных пунктов – соответственно 53 и 74 % (в большей мере на это ориентированы народы Кавказа – 89 %). Как можно было ожидать, наибольший интерес к соблюдению религиозных традиций проявляет старшее поколение.

В контексте стратегической задачи по гармонизации межэтнических отношений принципиально значимыми являются установки людей в отношении культуры других народов. Мы интересовались, насколько важно для респондентов уважать традиции и обычай других народов. В целом их ориентации в данном вопросе можно оценить как относительно высокие: 74 % считают это важным для себя и лишь 16 % – не важным (11 % затруднились оценить).

Но опять имеет место различие оценок в разных этнических группах. Меньшую потребность (видимо, прежде всего, по причине абсолютного доминирования в этнической структуре города) ощущают русские: это важно для 70 % из них, в то время как в других этнических группах – 86 %. Из иных групп в меньшей степени уважительно настроены на традиции других народов респонденты с невысоким уровнем образования и молодежь в возрасте до 16 лет. Этим группам должно быть уделено особое внимание при разработке и осуществлении мероприятий по решению проблем в сфере национальной политики и межнациональных отношений.

К числу базисных в системе ценностей относятся ценности, касающиеся соотношения коллективистских и индивидуалистических ориентаций в вопросе о том, что является доминирующим для отдельного человека – интересы личности или интересы народа. Несмотря на продолжающуюся более 20 лет целенаправленную политику на внедрение индивидуалистических ценностей, коллективистские устремления продолжают оставаться преобладающими для значительной части населения, что выступает фактором устойчивости, в том числе в области межнациональных отношений, и является важным условием сохранения этнокультурного многообразия, которое, как известно, официально рассматривается одной из целей государственной национальной политики.

В нашем исследовании каждый третий оказался сторонником индивидуалистических ориентаций в данном вопросе, а 2/3 опрошенных считают, что интересы народа должны быть важнее личных интересов. При этом мнения русских и представителей других народов в целом оказались абсолютно совпадающими. А вот в других социальных группах оценки разошлись: в большей степени индивидуалистами признают себя те, кто живет в Новосибирске менее года (53 %), имеющие образование ниже среднего (63 %) и молодые люди

16 лет и младше (69 %). Наибольшая доля коллективистов – в старших возрастных группах, особенно в группе более 60 лет (89 %).

Соотносимым с приведенными общими показателями является уровень патриотизма среди опрошенных. На прямой вопрос «Можете ли Вы сказать, что являетесь патриотом России?» также 2/3 опрошенных (67 %) ответили утвердительно. Каждый девятый не отнес себя к числу таковых, а остальные (24 %) затруднились однозначно ответить на этот вопрос. Считающих себя патриотами больше среди русских (71 %), чем среди других народов (55 %). Меньше всего таковых среди народов Средней Азии (29 %). Ниже средних значений данный показатель у людей, которые живут в Новосибирске недавно, и в молодежных группах.

Определенное беспокойство вызывает тот факт, что каждый четвертый из опрошенных не мог четко сказать, является ли он патриотом или нет. В любом случае, это говорит не в пользу их патриотических чувств. Вместе с не считающими себя патриотами данная группа представляется достаточно большой – 33 %. Возможно, относительно невысокий уровень патриотизма (по крайней мере, у коренных жителей России) связан с низким уровнем престижа федеральной власти в глазах этих людей (известно, что в России уважение к отечеству и уважение к власти являются традиционно соотносимыми категориями).

Значимость разных видов идентичности. Структура идентичности людей является важным показателем их социального самочувствия. Применительно к сфере этносоциального развития и межнациональных отношений особое значение имеют не только гражданская идентичность, на чем делается акцент в Стратегии государственной национальной политики, но также этническая, региональная и локальная (в нашем случае – городская) идентичности. Так, без позитивной этнической идентичности вряд ли можно ожидать успешного осуществления целевой установки Стратегии на сохранение и развитие этнокультурного многообразия, а без развитой локальной идентичности нельзя добиться благополучия в жизни городского сообщества.

О важности разных видов идентичности для представителей различных этнических групп опрошенных дает представление табл. 3.3.2.

Таблица 3.3.2

**Значимость разных видов идентичности
для респондентов из этнических групп, %**

Вид идентичности	Русские	Другие народы	В среднем
Гражданская	85	61	78
Региональная (сибирская)	75	57	70
Этническая	80	75	78
Локальная (новосибирская)	75	57	70
Глобальная (человек мира)	56	52	54

В целом можно говорить о достаточно высоком уровне всех обозначенных видов идентичности, и разница между ними является незначительной. Для русских важность ощущать себя россиянином имеет несколько большее значение, чем ощущение общности со своим народом (своей национальностью). Для представителей других народов, напротив, этническая идентичность стоит на первом месте (при совсем небольших различиях внутри этой группы). Доля респондентов, для которых этническая идентичность не является важной, оказалась наибольшей в группе народов Кавказа (22 %), а доля оценивающих российскую гражданскую идентичность как неважную для себя – в группе народов Средней Азии (38 %). Уровень и гражданской, и этнической идентичностей наивысший в самых старших возрастных группах.

Для всей массы опрошенных новосибирцев региональная (сибирская) идентичность и идентичность городская (ощущать себя жителем Новосибирска) оказались в целом одинаково значимыми. Однако есть и определенные различия в этнических группах: важность воспринимать себя сибиряком наивысшая у народов Сибири (без учета русских) – 83 %, что можно считать для них естественным, а неважность для себя этого вида идентичности отмечают 45 % народов Средней Азии, что также вполне объяснимо (абсолютное большинство из них живут здесь недавно, поэтому не стали истинными сибиряками). Что касается новосибирской идентичности, то она имеет одинаковую значимость для представителей разных этнических групп (существуют лишь незначительные отклонения от средних значений). В то же время она четко дифференциру-

ется в группах, отличающихся разным временем проживания в Новосибирске: наименьшая (48 %) – у проживающих здесь меньше года, наибольшая (77 %) – у живущих с рождения.

Неожиданно высокими оказались значения глобальной идентичности (важность ощущать себя гражданином мира) во всех этнических группах. Эти показатели являются более высокими, чем данные наших исследований, проведенных в других регионах Сибири. Данный факт требует дополнительного изучения.

Причастность к деятельности национально-культурных организаций. Важной составляющей социального самочувствия населения в контексте анализа этносоциальной ситуации является степень близости людей к тем организациям, которые выступают выразителями интересов их этнической группы (этнокультурной общности). К ним принадлежат национально-культурные автономии, общины и т.п. Через участие в их деятельности жители города могут по-разному быть причастными к общезначимым делам городского межэтнического сообщества. В свою очередь повышение роли деятельности национально-культурных автономий и организаций выступает одним из направлений национальной политики.

К сожалению, как показало наше исследование, каждый второй из опрошенных (52 %) практически ничего не знает о таких организациях. Еще 25 % знают об этих организациях, но участия в их работе не принимают. Эпизодически участвуют в деятельности национально-культурных организаций 13 % респондентов и всего 10 % оценили себя в качестве их активных участников.

Однако в рамках этой общей картины существуют различия: заметно менее активными назвали себя русские (всего 4 % из них участвуют в работе организаций) по сравнению со всеми другими (в среднем 27 %), особенно народами Кавказа (35 %). За исключением последних, достаточно большая доля опрошенных ничего не знают о работе национально-культурных организаций: среди русских – 58 %, среди народов Сибири – 44 %, среди народов Средней Азии – 45 %. Из других социальных групп несколько более активными являются мужчины, а также проживающие в Новосибирске более 10 лет (но не с рождения) и представители возрастной группы 46–60 лет.

Заметим, что для Новосибирска характерной является активность многих национально-культурных организаций, деятельность которых скоординирована в рамках Ассоциации национально-культурных автономий и национальных организаций г. Новосибирска и Новосибирской области «Содружество». Важно, что она осуществляется в тесном сотрудничестве с работниками соответствующих служб мэрии. С учетом результатов проведенного опроса следует сделать заключение о наличии дополнительных потенциальных возможностей в работе национально-культурных организаций, которые могут быть усилены за счет более активного подключения к их работе представителей разных этнических групп.

Подводя обобщающие итоги исследования социального самочувствия, отметим, что достаточно высокая степень удовлетворенности опрошенных своей жизнью в целом может свидетельствовать об общей благоприятной городской среде существования в Новосибирске для большинства ее жителей. В то же время выраженное недовольство конкретными сторонами жизни и беспокойство относительно отдельных проявлений существующей этносоциальной ситуации говорит об определенной напряженности и нерешенных проблемах.

Более критическая оценка представителями русского населения отношения к себе со стороны других людей, уровня удовлетворенности разными сторонами жизни и др. дает основание для вывода о менее благополучном социальном самочувствии русских по сравнению с другими этническими группами. Независимо от того, чем эта оценка вызвана – высоким уровнем претензий или реальным неблагополучием, – она оказывает существенное влияние на значительную степень критической оценки разных сторон этносоциальной обстановки. Именно русские в большей степени испытывают дискомфорт и тревогу относительно сложившейся к настоящему времени этносоциальной ситуации (связанной, прежде всего, с большим притоком мигрантов), которая является во многом новой для них. Не случайно большинство респондентов в качестве главного приоритетного направления деятельности органов власти в рамках национальной политики на муниципальном уровне считают необходимым осуществление системы мер, направленных на поддержку русского населения как доминирующей этнической

группы в межэтническом сообществе Новосибирска. Стратегической задачей органов управления в социальных вопросах должно выступать повышение общего уровня благосостояния населения города, прежде всего коренных жителей, и обеспечение их благоприятного социального самочувствия.

Оценка общего состояния межнациональных отношений. Обращаясь к населению с просьбой оценить состояние межнациональных отношений, мы выделили два их аспекта: во-первых, с более абстрактной точки зрения – существующие в Новосибирске отношения между людьми разных национальностей, во-вторых, с более конкретной точки зрения – характер отношений к людям той национальности, к которой принадлежит сам респондент. Ответы оказались заметно различающимися в каждом из этих случаев.

Отношение к людям своей национальности большинство респондентов (66 %) оценили как хорошее, еще 24 % – как терпимое. Лишь 2 % опрошенных считают это отношение напряженным и всего 1 % – враждебным (6 % затруднились дать определенный ответ). При этом доля «хороших» оценок является наибольшей среди русских и народов Кавказа – соответственно 72 и 74 %, в меньшей степени они представлены в ответах представителей народов Сибири (44 %) и Средней Азии (40 %). Интересно, что в большей степени позитивно оценили такие отношения респонденты из самой младшей возрастной группы, группы с низким уровнем образования и проживающие в Новосибирске менее одного года (по 77–79 % в каждой из них считают отношения хорошими). В целом можно сказать, что отношение к представителям своей собственной национальности оценивается как достаточно благожелательное.

Что касается общей оценки существующих в городе отношений между людьми разных национальностей, то она значительно менее оптимистична. На фоне относительно высокого уровня удовлетворенности жизнью в целом межнациональные отношения оцениваются опрошенными скорее как терпимые, чем хорошие (табл. 3.3.3).

Другой четко фиксируемый факт – явный раскол в общественном мнении разных этнических групп по данному вопросу. Представители народов Сибири, особенно русские, оценивают существующие в городе межнациональные отношения гораздо более критически, чем представители народов Средней Азии и Кавказа. Вероятно,

это в значительной степени связано с заметным изменением в последние годы этнокультурного ландшафта Новосибирска под влиянием активных миграционных потоков (которые идут главным образом из Средней Азии и Кавказа), в результате чего местное население наблюдает теперь иную, чем это было несколько лет назад, этносоциальную ситуацию, рассматривая ее как напряженную. Такой вывод подтверждается данными, которые будут приведены далее.

В большей степени позитивно настроены в своих ответах на данный вопрос молодые люди и те, кто приехал в Новосибирск совсем недавно.

Таблица 3.3.3

Оценка респондентами существующих в г. Новосибирске межнациональных отношений, %

Оценка	Русские	Народы Сибири	Народы Средней Азии	Народы Кавказа	Весь массив
Хорошие	16	33	56	56	24
Терпимые	50	44	33	22	46
Напряженные	23	17	5	11	20
Враждебные	3	0	0	4	3
Трудно оценить	7	6	7	7	7

Оценка динамики межнациональных отношений. Мнение респондентов о характере изменений состояния межнациональных (межэтнических) отношений за последние два-три года хорошо иллюстрируют следующие полученные в ходе исследования данные (табл. 3.3.4).

Как свидетельствуют приведенные цифры, в оценке динамики межэтнических отношений за последнее время значительную долю занимают негативные оттенки. И здесь опять наблюдается раскол общественного мнения: русские высказывают более пессимистическую точку зрения, чем представители других народов, особенно Средней Азии.

Таблица 3.3.4

**Оценка характера изменений межнациональных отношений
за последние два-три года, %**

Характер изменения	Русские	Народы Сибири	Народы Средней Азии	Народы Кавказа	Весь массив
Улучшение	9	22	50	26	15
Ухудшение	30	11	23	11	28
Без изменений	26	17	15	26	25
Трудно сказать	34	50	13	37	32

Аналогичные оценки (с преобладанием негативных) респонденты дают и относительно возможного будущего развития межнациональных отношений: в целом каждый четвертый прогнозирует их ухудшение. Но мнения сильно отличаются у русских и представителей других народов (табл. 3.3.5).

Таблица 3.3.5

**Мнение респондентов об изменении
межнациональных отношений в ближайшем будущем, %**

Характер изменения	Русские	Народы Сибири	Народы Средней Азии	Народы Кавказа	Весь массив
Улучшение	10	28	33	30	14
Ухудшение	26	17	8	19	24
Без изменений	26	11	23	15	25
Трудно сказать	37	44	38	37	38

Таким образом, русские гораздо менее оптимистично оценивают динамику межэтнических отношений как в предшествующие несколько лет, так и в ближайшей перспективе. Следовательно, субъективно именно русские в большей степени испытывают дискомфорт и тревогу относительно данного сегмента общественной жизни Новосибирска. Этот факт необходимо учитывать при определении приоритетов в работе по реализации национальной политики на муниципальном уровне.

Заметим, что в большей степени позитивно рассматривают изменение межэтнических отношений в предшествующие годы респонденты, проживающие в Новосибирске от одного до пяти лет: 29 % из них считают, что эти отношения улучшились, 19 % – что ухудшились. Эта же группа оптимистичнее других смотрит и в будущее: 32 % ее представителей прогнозируют улучшение ситуации в межэтнических отношениях, 11 % – ее ухудшение. Менее всего оптимистичны в оценке будущего те, кто живет в Новосибирске более 10 лет (но не с рождения): только 8 % из них дают позитивные оценки и 24 % – негативные.

Среди возрастных групп наиболее критичны в оценке динамики межэтнических отношений люди старшего возраста, а молодежь проявляет больше оптимизма. Такой эффект можно, видимо, объяснить в основном тем, что для молодых людей нынешняя этносоциальная ситуация является обычным явлением, в то время как для старшего поколения традиционной была иная этническая структура городского сообщества, характеризовавшаяся гораздо меньшей долей представителей народов Средней Азии и Кавказа.

Еще более критично, чем динамику межэтнических отношений, опрошенные оценивают уровень потенциальной конфликтности: 47 % всех респондентов допускают возможность конфликтов на национальной почве в ближайшее время, каждый третий (31 %) считает конфликты маловероятными, только 4 % надеются на их отсутствие. Опять более жесткими в оценках являются русские: 50 % из них допускают такие конфликты. Из представителей других народов о конфликтах как о реальной возможности говорят меньшая доля опрошенных (36 %), при этом несколько более оптимистично настроены респонденты, представляющие народы Средней Азии (29 %) и народы Сибири (32 %) по сравнению с народами Кавказа (41 %).

Несколько более неблагоприятный прогноз по этому вопросу дают представители средних возрастных групп, а также те, кто живет в Новосибирске с рождения (51 % из последних допускают возможность конфликтов, 28 % считают их маловероятными). В меньшей степени критично оценивают возможность межнациональных конфликтов люди с образованием ниже среднего, в большей степени – со средним специальным образованием.

Проблемные зоны межнациональных отношений. Переядем теперь от общих оценок этносоциальной ситуации и межнациональных отношений к характеристике их более конкретных проявлений. Для этого проанализируем ответы на вопросы, касающиеся отдельных составляющих этих отношений.

В ходе исследования респондентам было предложено оценить частоту встречаемости в их собственной жизни (т.е. когда им самим приходилось быть участником или свидетелем) следующих явлений (табл. 3.3.6).

Таблица 3.3.6

Частота отдельных проявлений межнациональных отношений в оценках респондентов, %

Явление	Часто	Иногда	Не сталкивался
Помощь друг другу людей разных национальностей	21	47	32
Оскорблении и угрозы по национальному признаку	18	37	45
Драки на межнациональной основе	11	27	62
Неравнoprавие в устройстве на работу	14	22	64
Оскорбление религиозных чувств	8	26	67
Неуважительное отношение к мигрантам	26	42	31
Неуважение обычаев и традиций русского народа	14	27	59
Неуважение обычаев и традиций других народов	10	33	57
Деятельность этнических преступных группировок	5	12	83
Националистическая и религиозно-экстремистская пропаганда	6	20	74

Доминирующими по частоте встречаемости оказались два проявления в межнациональных отношениях – помощь друг другу людей разных национальностей и неуважительное отношение к мигрантам. Иначе говоря, речь идет, с одной стороны, о сохранении идущей от советского времени традиции, характеризующей дружбу народов и интернационализм как основу межнациональных отно-

шений, с другой стороны, о новом явлении, возникшем после распада Советского Союза и выступающим во многом следствием стихийных миграционных процессов. При этом представители других народов значительно чаще, чем русские, сталкиваются с проявлениями помощи друг другу людей разных национальностей, а вот что касается негативного отношения к мигрантам, то респонденты из разных этнических групп отмечают примерно одинаковую частоту таких случаев. Интересно, что наиболее часто помочь друг другу представителей разных национальностей наблюдают или испытывают на себе те, кто приехал в Новосибирск недавно, и люди младших возрастных групп. А негативное отношение к мигрантам чаще отмечают живущие в Новосибирске 5–10 лет, а также молодые люди и женщины.

Согласно данным опроса, достаточно распространенными в новосибирском межэтническом сообществе являются также оскорбления и угрозы по национальному признаку, неуважение обычаев и традиций русского народа и неравнoprавие в устройстве на работу. Имеют меньшую распространенность, но также присутствуют в общественной жизни города все другие обозначенные явления – драки на межнациональной основе, неуважение обычаев и традиций других, помимо русских, народов, оскорбление религиозных чувств, националистическая и религиозно-экстремистская пропаганда, а также деятельность этнических преступных группировок. Все это не может не вызывать озабоченность и беспокойство.

Важно, что по большинству представленных для оценки вопросов представители разных этнических групп дали практически одинаковые или схожие ответы. Небольшие расхождения, кроме отмеченных выше, имеются в оценке лишь двух моментов: русские чаще других отмечают неуважительное отношение к русским традициям, а респонденты из других этнических групп чаще являются свидетелями деятельности этнических преступных группировок. Таким образом, можно говорить об определенном консенсусе мнений среди представителей разных этнических групп – высокой степени схожести оценок отдельных проявлений в межнациональных отношениях.

Проблемные зоны межнациональных отношений выявлялись нами не только в аспекте конкретных составляющих этих отношений, но и применительно к местам их возможной территориальной

локализации. Отвечая на вопрос, какие места в Новосибирске могут стать или уже стали очагами межнациональной напряженности, опрошенные указали следующее: район около Хилокского рынка – 49 %; район вокруг рынка на Гусинобродском шоссе – 48 %; Левобережный рынок в Ленинском районе – 14 %; таких мест нет – 12 %; другое – 21 %.

Таким образом, главными проблемными зонами, по мнению опрошенных, являются Хилокский и Гусинобродский рынки и районы, к ним прилегающие. Принципиально важным является то обстоятельство, что эти рынки принадлежат к числу мест с наибольшей в городе концентрацией людей по этническому принципу и в смысле занятости, и с точки зрения расселения.

Характерно, что и в данном вопросе русское население настроено более критично. Например, лишь 8 % русских отмечают, что в Новосибирске не существует очагов межнациональной напряженности, тогда как среди респондентов из других этнических групп так полагают в целом 22 %, а среди представителей народов Кавказа – 44 %. В меньшей степени склонны драматизировать ситуацию живущие в Новосибирске менее года.

Среди иных ответов на поставленный вопрос (пункт «другое») можно выделить мнение респондентов о том, что и все другие рынки города являются очагами напряженности, но в меньшей степени, чем выделенные выше. В качестве проблемных зон отмечаются также школы с многонациональным составом учащихся.

Установки в межнациональных отношениях. Среди качественных характеристик этносоциальной ситуации большое значение имеют установки людей в межнациональных отношениях. Они замерялись по некоторым показателям.

Прежде всего отметим, что 79 % всех опрошенных имеют друзей иных национальностей, чем они сами, что можно рассматривать как реализованную на практике толерантную ценностную установку. При этом среди представителей народов Средней Азии таковых 98 %, народов Сибири и Кавказа – по 100 %. Из русских 28 % не имеют друзей других национальностей. Как представляется, это объясняется, главным образом, не какими-то предубеждениями русских по отношению к другим национальностям, а фактом их абсолютного доминирования в этнокультурном ландшафте

г. Новосибирска (напомним, что доля русских в городе составляет почти 93 %).

Меньше всего имеют друзей других национальностей респонденты, которые живут в Новосибирске с рождения, в самой старшей возрастной группе.

Схожие данные получены при анализе ответов опрошенных на вопрос о предпочтениях в составе трудового коллектива, если бы была возможность выбора. 3/4 респондентов считают, что национальность в данном случае не важна, главное – деловые качества человека. Так полагают 69 % русских и 93 % представителей всех других национальностей.

В то же время национальность имеет в целом большее значение по сравнению с другими обозначенными параметрами – возможностью работы в коллективе родственников или единоверцев: в коллективе с представителями своей национальности выражают предпочтение работать 16 % опрошенных, в то время как за работу с единоверцами высказывается 6 % респондентов, а с родственниками – всего 2 %. При этом опять для русских признак национальности имеет в этом вопросе большую значимость, чем для других респондентов. Как оказалось, наибольшее значение национальность имеет для опрошенных из самой младшей возрастной группы (29 %), а также из имеющих среднее специальное образование (28 %).

Интересная информация об установках в межнациональных отношениях получена при анализе предпочтений респондентов при выборе (если бы имелась такая возможность) брачного партнера, друга (подруги), руководителя по работе и коллеги по работе. Для всего массива опрошенных выявились четкая закономерность: чем более дальными и независимыми являются отношения между людьми, тем в большей степени национальность для них не имеет значения. Так, национальность не важна для 48 % опрошенных в вопросе выбора партнера по работе и лишь для 17 % – при выборе брачного партнера. Таким образом, наиболее значимой в предпочтении людей своей национальности выступает сфера семейных отношений, которые как раз и характеризуются наиболее тесными личными контактами. Данный вывод соответствует общей тенденции развития национальных отношений в России в последнее время. Она характеризует существенное отличие от ситуации,

которая была свойственна советскому периоду, когда очень часто национальность была неважна при выборе супружества.

Уровень комплементарности. Важным индикатором состояния межнациональных отношений на уровне установок выступает соотношение существующих у людей симпатий и антипатий к представителям разных народов. Этот вопрос является очень деликатным, этически чувствительным и для большинства населения до сих пор принадлежит к числу тех, которые не принято обсуждать публично. Тем не менее в ходе опроса мы решили задать его респондентам, заранее обещая конфиденциальность – то, что их личное мнение будет учтено только в обобщенном виде. При этом вопрос был открыт, т.е. к нему не предлагались возможные варианты ответа, его должны были написать сами респонденты. Задавая данный вопрос, мы надеялись на то, что нежелающие отвечать на него или считающие его не вполне корректным так или иначе проявят свою позицию, а те, кого реально беспокоят соответствующие проблемы, все-таки дадут конкретный ответ. Иначе говоря, мы рассчитывали выявить обе эти группы.

На вопрос о том, к представителям каких этнических групп в городе опрошенные испытывают особые симпатии, около 5 % респондентов вообще не стали отвечать, видимо полагая, что такой вопрос является неэтичным. Основную долю остальных ответов составляют прямо противоположные общие ответы – «ни к кому не испытываю особую симпатию» (27,9 %) и «ко всем испытываю симпатию» (13,1 %).

В конкретных ответах на данный вопрос преобладают национальности славянской группы: русские – 13,1 %, украинцы – 4,1 %, белорусы – 3,8 % и определенные общим термином «славяне» – 1,4 %. В то же время назван, хотя и немногими респондентами, целый ряд других национальностей – армяне (2,6 %), немцы (2,4 %), татары (2,1 %), а также казахи, евреи, таджики азербайджанцы, корейцы, узбеки, якуты, дагестанцы (от 1 до 2 %) и др.

На вопрос о том, к представителям каких этнических групп в городе опрошенные испытывают антипатию (относятся негативно), еще большее число респондентов, чем при ответе на предыдущий вопрос, не дали никакого ответа (13,4 %), видимо считая его еще менее этичным. Преобладающая часть других респондентов (41,1 %)

заявили, что ни к кому не испытывают антипатии. Это может свидетельствовать о достаточно высоком уровне комплементарности в отношениях между людьми разных национальностей.

В то же время было много более конкретных ответов. Примерно по 5 % всех опрошенных назвали выходцев с Кавказа и Средней Азии. Кроме того, обозначены и представители отдельных национальностей: цыгане (5,5 %), таджики (5 %), узбеки (3,6 %), армяне (3,1 %), азербайджанцы (2,9 %), дагестанцы (2,6 %), чеченцы (1,7 %), киргизы (1 %) и др.

Примечательно, что среди этнических групп, к которым респонденты относятся негативно, в ходе опроса не были названы представители славянской группы народов (исключение составляет один человек, который упомянул украинцев).

Таким образом, среди опрошенных можно выделить три основные группы: считающие неэтичным обсуждать вопросы симпатии или антипатии в отношениях народов; комплементарно (с симпатией) настроенные к другим национальностям; с антипатией относящиеся к отдельным представителям конкретных народов. Две последние группы являются примерно равными по численности среди общего числа опрошенных. В этом ряду не выявлено негативного отношения к славянским этническим группам.

Отношение к мигрантам. С учетом того, что основу межнациональной напряженности в последнее время составляют отношения местного населения с мигрантами, в ходе опроса были поставлены несколько вопросов на эту тему. Здесь, как и в случае с межнациональными отношениями, респондентам предлагалось оценить отношение к мигрантам вообще – каким оно, с их точки зрения, является в городском сообществе, а также их собственное к ним отношение.

Прежде всего отметим, что большинство респондентов уходят от однозначного ответа на эти вопросы, что в принципе соответствует реальной, непростой для оценки ситуации. Преобладающее число опрошенных (41 %) считают, что в отношении к мигрантам бывает по-разному, а еще 27 % указали на нейтральное отношение к мигрантам. Вместе эти ответы составляют почти 70 %, что представляется достаточно высоким показателем.

Но если исключить неоднозначные и нейтральные ответы, то среди определенных и однозначных оценок преобладают негатив-

ные: всего 4 % дают положительные оценки, а 21 % считают отношение к мигрантам негативным (разница более чем в пять раз).

Близкими к этим оценкам являются ответы, касающиеся личного отношения респондентов к тому, что количество мигрантов в последнее время в Новосибирске растет. 22 % из них отметили нейтральное отношение, 29 % проявляют в этом вопросе толерантность, подчеркивая, что они относятся к мигрантам нормально, хотя иногда испытывают в связи с этим определенное напряжение. Положительно относятся к мигрантам лично 6 % респондентов, а однозначно негативно – в три раза больше (19 %).

Следует обратить внимание на интересный факт: каждый четвертый из опрошенных (23 %) к мигрантам относится в целом отрицательно, хотя лично с ними практически не соприкасается. Это говорит о наличии в городском сообществе определенного стереотипа, проявляющегося в негативном отношении к мигрантам без достаточных для этого личных оснований.

В целом в обоих случаях в соотношении доли позитивных и негативных оценок отношения к мигрантам у опрошенных преобладают негативные.

Как и по большинству вопросов, касающихся оценок межнациональных отношений, русское население в целом проявляет более критичное личное отношение к росту числа мигрантов в последнее время. Так, среди русских только 1 % опрошенных высказывают положительное отношение к этому, среди народов Кавказа – 15, Сибири – 21, Средней Азии – 32 %, негативное соответственно 22, 4, 0 и 11 %, нейтральное – 19, 38, 47 и 13 %. Среди русских также больше тех, кто к росту числа мигрантов относится отрицательно, хотя лично не соприкасается с ними. В то же время среди представителей народов Сибири и Кавказа меньше, чем среди русских, тех, кто относится к мигрантам нормально, хотя может испытывать определенное напряжение: среди народов Сибири таковых 16 %, народов Кавказа – 23 %, среди русских – 31 %.

Что касается оценки общего отношения местного населения к мигрантам, то мнение русских является схожим с оценками представителей других национальностей. Так, отношение к мигрантам как негативное оценивают 23 % русских, 22 % представителей народов Кавказа и 26 % – народов Сибири, а как нейтральное соответст-

венно 29, 30 и 37 %. Схожесть оценок можно, видимо, трактовать как признание существования некоторых общих проблем, связанных с миграционными процессами в последнее время, что и находит отражение в представленных ответах.

В других социальных группах меньшая доля личного положительного отношения к росту мигрантов наблюдается среди тех, кто живет в Новосибирске с рождения (1 %), а также среди респондентов с высшим образованием (4 %), большая доля (хотя она в целом не является высокой) – среди проживающих в Новосибирске менее года (10 %) и от одного до пяти лет (15 %), а также имеющих среднее специальное образование (12 %). Интересно, что среди живущих в Новосибирске менее года никто не оценил общее отношение к мигрантам как положительное, но и однозначно негативных оценок немного – всего 6 %. Большинство представителей данной группы разделилось в равных долях среди тех, кто оценивает их как нейтральные, и тех, кто полагает, что бывает по-разному (по 42 %).

Таким образом, сами мигранты не склонны драматизировать ситуацию, что является вполне логичным для тех из них, кто сделал сознательный выбор в пользу приезда в Новосибирск, психологически готов встретиться с определенными трудностями и настроен на их терпеливое преодоление.

В ходе исследования отношение к мигрантам выяснялось также через потенциальный выбор для своих детей возможности учебы в школе с детьми мигрантов или без них. В целом по всему массиву опрошенных большинство ответов разделилось в равных долях между теми, для кого это неважно, и теми, кто ориентируется на школу без мигрантов – по 42 %. Причем последний вариант (школу без мигрантов) предпочитает не только значительная часть русских (50 %), что ожидаемо, но и представители других этнических групп: народов Средней Азии – 9 %, народов Сибири – 21 %, народов Кавказа – 23 %. На школу с детьми мигрантов настроен в целом каждый десятый опрошенный, в том числе: русские – 9 %, народы Кавказа – 12 %, Средней Азии – 21 %. Из народов Сибири никто не выразил такого желания.

Общественное мнение по поводу некоторых аспектов отношения к мигрантам проясняет также специальный вопрос, который задавался респондентам в виде просьбы выразить согласие или не-

согласие со следующими утверждениями (далее приведена доля согласных с этими утверждениями): «В Новосибирске ситуация с мигрантами не такая напряженная, как в Москве» – 77 %; «Властям необходимо принять меры по ограничению притока мигрантов» – 76 %; «В Новосибирске представители разных народов мирно уживаются» – 64 %; «Мигранты в Новосибирске заполняют свободные трудовые ниши, не создавая конкуренции местному населению» – 54 %.

Эти данные можно проинтерпретировать таким образом, что, с одной стороны, опрошенные считают ситуацию с мигрантами в Новосибирске не такой острой, как в Москве, подчеркивают относительно высокий уровень межэтнической толерантности и полагают, что мигранты далеко не всегда создают конкуренцию местному населению на рынке труда, с другой стороны, являются сторонниками принятия специальных мер по ограничению притока мигрантов. Иначе говоря, ситуация оценивается неоднозначно, что, подчеркнем это еще раз, соответствует реальному положению дел.

Оценка населением степени успешности регулирования процессов в сфере национальной политики. Важным условием эффективности реализации национальной политики на муниципальном уровне является наличие развитой системы прямой и обратной связи между органами управления и населением. При существовании такой системы, во-первых, престиж местной власти может сохраняться на высоком уровне, во-вторых, население может быть в достаточной мере информировано о ее реальной политике, степени ее успешности. Все это создает благоприятные возможности для мобилизации жителей на осуществление значимых для всего городского сообщества программ и проектов.

Одна из задач исследования состояла как раз в том, чтобы узнати мнение людей о степени успешности деятельности городских властей Новосибирска в сфере национальной политики, то есть понять, насколько высоко оценивается в общественном сознании работа власти в этом направлении муниципальной политики. Общее представление об этом дают данные, приведенные в табл. 3.3.7.

Таблица 3.3.7

**Оценка деятельности местных органов власти
в сфере национальной политики, %**

Оценка	Русские	Народы Сибири	Народы Средней Азии	Народы Кавказа	Весь массив
Власти полностью осведомлены о межнациональной ситуации в городе и успешно регулируют эту сферу	8	25	33	36	13
Власти осведомлены о межнациональной ситуации в городе, но в должной мере не занимаются ее регулированием	33	19	5	20	28
Власти знают о межнациональной ситуации в городе, пытаются ее регулировать, но принимаемые ими меры не всегда эффективны	23	44	38	36	34
Власти Новосибирска не владеют необходимой информацией о реальной межнациональной ситуации в городе	15	6	15	8	14
Другой ответ	12	6	8	0	11

Как можно видеть из таблицы, каждый третий опрошенный считает деятельность власти недостаточно эффективной, при этом не отказывая ей в информированности о состоянии дел и реальных практических шагах по регулированию этносоциальной ситуации. Чуть меньшее число респондентов (28 %) критически относятся к оценке усилий по ее регулированию. А примерно одинаковая доля опрошенных, с одной стороны, высоко оценивает работу органов власти, с другой стороны, полагает, что они в должной мере даже не владеют необходимой информацией об этом (13–14 %).

Данные выводы соответствуют тем претензиям к деятельности местных органов власти, о которых было сказано выше.

Как и по многим другим вопросам, русское население более критично оценивает работу органов власти.

Из других социальных групп больше всего тех, кто высоко оценивает деятельность местных органов власти, среди проживающих в Новосибирске 1–5 лет, в самой младшей возрастной группе, а также среди имеющих низкий уровень образования. Наиболее критически отзывающихся об этом больше всего среди тех, кто живет в городе более 10 лет, в том числе с рождения, а также в возрастной группе 46–60 лет.

Аналогичные ответы, но с несколько большей долей критичности, были получены от респондентов по поводу оценки роли правоохранительных органов в урегулировании межнациональных отношений. Только 11 % опрошенных считают, что эти органы полностью контролируют ситуацию в межнациональной сфере и успешно предотвращают конфликты. 41 % полагают, что они не полностью контролируют ситуацию, им следует лучше работать в этом направлении. Точно такая же доля респондентов (41 %) являются сторонниками той точки зрения, что в большинстве случаев правоохранительные органы пускают межнациональную ситуацию на самотек.

Здесь, как и в предыдущем вопросе, более критически настроены русские, а также люди, живущие в городе 5–10 лет и самой старшей возрастной группы. Неожиданно к их числу примкнули и женщины.

Хорошо зная, что городские органы управления, прежде всего мэрия, многое делает для контроля этносоциальной ситуации в городе (эта работа является гораздо более активной, заинтересованной и успешной, чем во многих других регионах), можно предположить, что критическая оценка со стороны многих респондентов этносоциальной ситуации, а также деятельности органов власти по ее регулированию, отражает не столько реальное положение дел в этой области, сколько определенные страхи людей, связанные с заметными изменениями этой ситуации в последнее время.

Приоритеты национальной политики. Успешность управленийкой деятельности муниципальных органов зависит от множества факторов, начиная от целевых установок федеральных властей, существующей законодательной и институциональной базы и финансовых возможностей, заканчивая кадровым потенциалом органов управления. Немаловажную роль играет также соотнесенность,

с одной стороны, реальных задач, которые ставят в своей деятельности органы власти, с другой стороны, представлений об этих задачах, бытующих в общественном мнении городского сообщества. Рассогласованность этих двух векторов неизбежно оказывается на эффективности управления.

В этой связи участникам опроса предлагалось высказать свое мнение о тех мерах, на которых следует сделать акцент местным властям для улучшения этносоциальной ситуации. В качестве наиболее значимых респонденты выделили следующие направления деятельности органов власти:

- 1) больше внимания уделять русскому населению (49 %);
- 2) профилактика экстремистских настроений в детской и молодежной среде (39 %);
- 3) пропаганда духовно-нравственных ценностей, патриотическое и интернациональное воспитание (36 %);
- 4) больше проводить национальных и межнациональных мероприятий (33 %);
- 5) активнее привлекать правоохранительные органы к решению вопросов гармонизации национальных отношений и профилактике экстремистских настроений (31 %);
- 6) больше внимания уделять мигрантам, их адаптации (27 %);
- 7) освещение в СМИ жизни многонационального сообщества (20 %);
- 8) больше внимания уделять взаимодействию с национальными и общественными организациями, лидерами национальных диаспор и этнических групп (20%).

Таким образом, в качестве приоритетных, согласно данным опроса, выделены меры, направленные на работу с русским населением. Этот вывод четко коррелирует с выявленной ранее проблемой, касающейся оценки общего уровня благополучия и социального самочувствия русского населения.

В первой тройке желаемых мер стоят профилактика экстремистских настроений в детской и молодежной среде, а также активизация работы по пропаганде духовно-нравственных ценностей, патриотическому и интернациональному воспитанию. Стоит обратить внимание и на пожелание респондентов активизировать деятельность правоохранительных органов в сфере национальной политики. В кон-

тексте выявленных ранее проблем логичным является также выделение задачи более широкого освещения в средствах массовой информации жизни многонационального новосибирского сообщества.

Многие опрошенные подчеркнули необходимость работы с мигрантами, в частности, по адаптации их в принимающем сообществе. Но эта задача не определена ими в числе наиболее значимых.

В то же время следует обратить внимание на очевидный раскол мнений по ряду выделенных вопросов. Наибольший разрыв наблюдается в вопросе о поддержке русского населения. Эту задачу выделили 61 % русских респондентов и только 18 % представителей других национальностей (разрыв более чем в 3 раза). Более чем в два раза расходятся оценки роли правоохранительных органов в решении задач национальной политики (русские – 36 %, другие – 16 %), в два раза – необходимости профилактики экстремистских настроений в детской и молодежной среде (русские – 45 %, другие – 22 %, но здесь оценки представителей народов Сибири близки мнению русских), почти в два раза, но с рокировкой – национальных и межнациональных мероприятий (русские – 27 %, другие – 50 %). Более выраженным среди русских является также акцентирование внимания на пропаганде духовно-нравственных ценностей, патриотическом и интернациональном воспитании (аналогичную поддержку этому вопросу высказывают лишь представители народов Сибири).

На этом фоне важно обратить внимание на то, что в вопросе о необходимости поддержки мигрантов представители разных этнических групп высказывают близкие оценки: это подчеркивают 25 % русских и 31 % представителей других национальностей, что еще раз свидетельствует о сходстве мнений представителей разных этнических групп по ряду вопросов, касающихся отношения к мигрантам.

Напомним, что три четверти всех опрошенных являются сторонниками принятия специальных мер со стороны органов власти по ограничению притока мигрантов.

Анализ мнения населения города Новосибирска относительно актуальных вопросов межнациональных отношений позволяет сделать общий вывод о существующей здесь достаточно благоприятной этносоциальной ситуации и доброжелательном отношении большинства жителей к представителям иных этнических групп.

В значительной степени это определяется хорошо поставленной систематической работой мэрии по вопросам национальной политики. Большое значение имеет то обстоятельство, что она осуществляется при активном взаимодействии с представителями многочисленных национально-культурных организаций.

Выявленные в ходе этносоциологического исследования проблемные ситуации, как они фиксируются в общественном мнении, связаны прежде всего с активным притоком в город мигрантов. В этой связи в рамках национальной политики на муниципальном уровне большое значение должно быть уделено не только проблемам адаптации мигрантов в городской среде, но также положению и самочувствию коренного населения, прежде всего русских как доминирующей этнической группы в межэтническом сообществе Новосибирска. Это невозможно сделать без улучшения общего социального благополучия местных жителей и без специальных мер для адаптации их к новой этносоциальной ситуации, связанной, в частности, с активным притоком мигрантов.

3.4. Этносоциальная ситуация в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре

В настоящее время не потеряла своей актуальности проблема совершенствования принципов федерализма и поиска более совершенных оснований этнонационального и национально-государственного развития России. В этой связи интерес представляют модельные с точки зрения этнического разнообразия регионы и соответствующие им региональные межэтнические сообщества, развитие которых как в капле воды отражает наиболее серьезные общегосударственные проблемы: ориентацию на сырьевую специализацию, низкую степень интегрированности локальных и региональных сообществ в единое российское социокультурное пространство, недостаточное развитие транспортной и коммуникационной инфраструктуры, демографическое сжатие населения азиатской части России при увеличении миграционного притока выходцев с Кавказа и Средней Азии. Одним из таких регионов является Ханты-Мансийский автономный округ (Югра).

Югра – один из наиболее развитых и благополучных в экономическом и социальном отношении регионов страны, донор российского бюджета. Основу ее экономики составляет сырьевой сектор (добыча и переработка нефти, газа и других полезных ископаемых). Здесь добывается около 60 % российской нефти. Наиболее крупные зарегистрированные в округе хозяйствующие субъекты – «Сургутнефтегаз», «Лукойл», предприятия энергетической компании «Газпром».

Самой крупной отраслью сельского хозяйства остается оленеводство. В 1990-е гг. поголовье оленей снизилось в два раза, с 50 тыс. в 1990 г. до 25 тыс. в 2000 г. В 2000-е гг. наблюдался рост поголовья, однако его численность к настоящему моменту не достигла размера 1990-х гг. и составляет 33 тыс. оленей. В отличие от Ямала, где в симбиозе развиваются бригадные, берущие начало еще с советского периода, и семейно-фермерские практики оленеводства, спад коллективных, колхозно-совхозных форм хозяйствования привел к деградации отрасли, потере престижности данного вида трудовой деятельности.

По объему валового регионального продукта Югра находится на втором месте среди регионов Российской Федерации, уступая только Москве (2013 г.). Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, регион занимает 6 место среди субъектов РФ по размеру среднемесячной номинальной заработной платы работников организаций и 7 место по величине среднедушевого месячного дохода на начало 2013 г¹.

Большую часть населения округа (92,14 %) составляют городские жители. В регионе 24 города с населением более 10 тыс. чел. Крупнейшими из них являются Сургут с населением 340 тыс. чел., Нижневартовск – 268 тыс. чел., Нефтеюганск – 125 тыс. чел. Ханты-Мансийск является столицей округа (95 тыс. жителей). Остальные города окружного значения (Когалым, Мегион, Лангепас, Пыть-Ях, Нягань, Покачи и др.) насчитывают несколько десятков тысяч человек. Население распределено по территории округа не-

---

¹ Место, занимаемое субъектом Российской Федерации в 2013 г. по основным социально-экономическим показателям. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/01-04-1.htm (дата обращения 20.10.2015).

равномерно. Следует отметить его невысокую плотность, которая составляет 3 чел./км² (по данным 2015 г.). Югра занимает одно из первых мест среди регионов РФ по уровню рождаемости с преимущественно русским населением.

Динамика этнической структуры округа. Для Ханты-Мансийского автономного округа характерна достаточно разнообразная этническая структура населения (табл. 3.4.1). Она складывалась на протяжении длительного времени. Основополагающую роль в ее формировании сыграли представители коренных малочисленных народов Севера (ханты, манси, ненцы), старожильческого русского населения, прибывших осваивать северный регион в советский период двух групп «старых мигрантов» (славян – русских, украинцев, белорусов и народов Поволжья – татар, башкир), а также представители новых диаспор, возникших в постсоветский период (кавказской и среднеазиатской). Высокий уровень доходов от добычи сырьевых ресурсов до сих пор привлекает в регион многих мигрантов, прежде всего представителей народов Кавказа (азербайджанцев, кумыков, лезгин и др.) и Средней Азии (узбеков, таджиков, киргизов). Активное воздействие миграционных процессов на этнокультурный ландшафт округа продолжается вплоть до настоящего времени. Как показывает сравнительная характеристика результатов последних переписей 2002 и 2010 гг., в этнической структуре населения Югры существенно возросла численность представителей этих народов при небольшом увеличении численности (но уменьшения доли) русских, некотором численном росте коренных народов Севера (ханты, манси, ненцы), существенном сокращении славянских народов (украинцев и белорусов), немцев, молдаван, чuvашей.

В связи со стремительным развитием нефте- и газодобывающих отраслей хозяйства в округе сокращается площадь охотничьих угодий, меняются маршруты миграции оленей, происходит загрязнение рек и нерестилищ. «Наступление» индустриальной цивилизации на хрупкую природу северных территорий не оставляет без последствий образ жизни и практики природопользования север-

Таблица 3.4.1

**Динамика этнической структуры
Ханты-Мансийского автономного округа – Югра¹**

Народ	1989 г.		2002 г.		2010 г.*		2010 г. в % к 2002
	чел.	% к итогу	чел.	% к итогу	чел.	% к итогу	
Все население	1 282 396	100	1 432 817	100	1 532 243	100	6,9
Русские	850 297	66,3	946 590	66,06	973 978	63,6	2,9
Татары	97 689	7,6	107 637	7,51	108 899	7,11	1,2
Украинцы	148 317	11,6	123 238	8,60	91 323	5,96	-25,9
Башкиры	31 151	2,4	35 807	2,50	35 428	2,31	-1,6
Азербайджанцы	12 846	1,0	25 088	1,75	26 037	1,70	3,8
Ханты	11 892	0,9	17 128	1,20	19 068	1,24	11,3
Белорусы	27 775	2,2	20 518	1,43	14 703	0,95	-28,3
Кумыки	3 077	0,2	9 554	0,67	13 849	0,90	45,0
Чуваша	14 000	1,1	15 261	1,07	13 596	0,89	-10,9
Лезгины	3 091	0,2	8 580	0,60	13 335	0,87	55,4
Манси	6 562	0,5	9 894	0,69	10 977	0,72	10,9
Узбеки	–	–	5 182	0,36	9 970	0,65	92,4
Таджики	–	–	5 651	0,39	9 793	0,64	73,3
Молдаване	10 406	0,8	10 861	0,76	9 476	0,62	-12,8
Марийцы	5 801	0,5	7 309	0,51	7 289	0,48	-0,27
Чеченцы	–	–	6 943	0,48	6 889	0,45	-0,8
Немцы	8 929	0,7	8 292	0,58	6 828	0,45	-17,7
Армяне	–	–	6 471	0,45	6 343	0,41	-1,98
Ногайцы	–	–	2 502	0,17	5 323	0,35	112,75
Киргизы	–	–	2 033	0,14	5 012	0,33	146,5

В таблице представлены народы и этнические группы численностью (в 2010 г.) более 5 000 чел.

¹ См.: Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республ. информ. изд. центр, 1990. С. 138–139; Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004 (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. / Федер. служба гос. статистики. Т. 4, кн. 1.). С. 91–92; Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. 4. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/documents/vol4/pub-04.04.pdf (дата обращения 22.09.2015).

ных народов: ограничивается доступ к родовым территориям, осложняется ведение традиционных промыслов, наносится ущерб священным для хантов, манси, ненцев местам. Обостряются многие проблемы развития народов Севера: все меньшее их число владеют своим родным языком (особенно это относится к молодежи), снижается интерес к экономически недостаточно выгодному и в то же время очень тяжелому традиционному труду, забываются исконные традиции и обычай.

Совокупная доля хантов, манси и ненцев в структуре населения Югры составляет менее 2 %. По данным Всероссийской переписи 2010 г. численность коренных малочисленных народов Севера составляла чуть более 30 тыс. чел., из них ханты – 19 тыс. чел., манси – 11 тыс. чел., ненцев – около 1,5 тыс. чел.¹

Далее представим анализ результатов проведенного нами в 2013 г. экспертного опроса², направленного на выявление оценки экспертов состояния и тенденций изменения этносоциальной ситуации в региональном межэтническом сообществе Югры и актуальных вопросов этнонациональной политики.

Оценка наиболее значимых изменений в этносоциальной ситуации. Среди наиболее заметных изменений этносоциальной ситуации в округе эксперты выделяют увеличение доли мигрантов (84 %) и усиление межнациональной напряженности (46 %). Кроме того каждый четвертый указал также на учащение межнациональных конфликтов и концентрацию людей по этническому принципу на работе, в отдельных отраслях и микрорайонах. Более критическую оценку по всем этим вопросам, кроме увеличения доли мигрантов, дают эксперты из Сургута и других районов округа по сравнению с экспертами из Ханты-Мансийска.

По мнению большинства (61 %) опрошенных межэтнические отношения в округе за последние 2–3 года ухудшились. Как и в оценке предыдущих вопросов, такого мнения придерживаются

¹ Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. 4. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации...

² Всего опрошено 102 эксперта, из них 48 чел. – жители г. Сургута, 39 чел. – из Ханты-Мансийска и 15 чел. – из других населенных пунктов (большая часть последних являлись членами общественной палаты округа).

большее число экспертов (примерно на 10 процентных пунктов) из Сургута и других районов, чем из Ханты-Мансийска. Эксперты, представляющие народы Севера, более остро почувствовали это ухудшение, нежели русские (71 против 63 %).

Факторы межэтнической напряженности. Оценивая уровень конфликтности межэтнических отношений в Югре, эксперты разделились. Большая их часть считает его значительным: 12 % оценили его как высокий, 44 % – как средний. Другая часть экспертного сообщества рассматривает уровень межэтнической конфликтности как незначительный: 30 % считают его невысоким, 13 % – низким, лишь 1 % отрицают наличие конфликтности. Таким образом, подавляющее большинство экспертов видит ситуацию проблемной.

Самые высокие показатели межэтнической конфликтности выявлены в оценках экспертов из числа представителей народов Севера: 35 % из них считает уровень конфликтности высоким, 35 % – средним. Примечательно, что русские в большей мере, нежели представители других народов, склонны считать степень конфликтности средней (49 %). Наиболее позитивной для округа выглядит оценка уровня конфликтности со стороны экспертов из числа представителей других, неславянских и несеверных этносов: 26 % из них считает его невысоким, 26 % – низким. Однако даже в этой группе велико число тех, кто рассматривает межэтническую конфликтность как значительную: 4 % респондентов других национальностей оценивают ее как высокую, а 41 % как – среднюю.

Примечательно, что эксперты из числа сургутян оценивают межэтническую конфликтность в своем населенном пункте (г. Сургут) выше, чем в округе в целом: 7 % респондентов оценили конфликтность как высокую и 51 % как среднюю в округе (в совокупности 58 %) против, соответственно, 13 и 48 % в Сургуте (в совокупности 61 %).

Эксперты из числа ханты-мансицев склонны оценивать степень межэтнической конфликтности в округе более высокой, нежели в их населенном пункте, столице округа: 21 % респондентов оценили ее как высокую и 33 % как среднюю в округе против, соответственно, 18 и 26 % в Ханты-Мансийске. При этом обращает на себя внимание более высокая доля экспертов из Ханты-Мансийска, отметивших уровень конфликтности как высокий, в сравнении с экспертами

из Сургута: 21 против 7 % при оценке ситуации в округе, 18 против 13 % при оценке в их населенных пунктах.

Среди наиболее значимых факторов усиления напряженности в межэтнических отношениях в региональном межэтническом сообществе Югры эксперты отмечают в первую очередь рост этнической мозаичности, вызванной миграционными процессами. Хотя большинство жителей округа являются мигрантами в первом или втором поколении, в региональном сообществе зреет убеждение, что в нынешнем ухудшении ситуации виновны именно мигранты. Это отмечают 61 % респондентов, причем доля таковых из Ханты-Мансийска выше средних значений – 69 %.

Называя другие факторы напряженности межэтнических отношений, эксперты высказывают беспокойство по поводу неуважения к национально-культурным особенностям разных народов (55 %), разжигания розни различными, в том числе криминальными группировками (37 %), борьбы за престижные и доходные рабочие места (25 %).

Одной из самых существенных проблем является, по мнению экспертов, несовершенство национальной политики (48 %). В большей мере этим озабочены эксперты из Сургута (55 %) и особенно других районов округа (75 %). Если власть избегает поднимать определенные вопросы в информационном пространстве, такое замалчивание способно усиливать взаимное непонимание. Любой, даже бытовой конфликт, может быть интерпретирован его участниками в этнических терминах. Нежелание увидеть этническую составляющую в спорной ситуации нередко приводит к таким недоразумениям, которые приходится разрешать уже силовыми средствами. Конфликт развивается по своим законам, и умение перевести его в позитивное для развития русло как раз и отличает компетентного управленца от чиновника, действующего согласно букве закона, но не его духу.

Проблемы этнонациональной политики. По мнению многих экспертов (42 %) в настоящее время последовательной и эффективной национальной политики в Ханты-Мансийском округе практически не существует либо о ней нельзя сказать ничего определенного (30 %). При этом наиболее категоричны в своей критической оценке русские эксперты (49 %).

В числе приоритетных направлений региональной этнонациональной политики эксперты из всех населенных пунктов на первое место ставят регулирование миграционных процессов (74 %). В данном случае мнение экспертов полностью совпадает с установками региональных властей, зафиксированными в Комплексном плане мероприятий по реализации в округе Стратегии государственной национальной политики, где, как отмечалось ранее, первоочередным мероприятием в рамках совершенствования государственного управления в данной сфере обозначено повышение эффективности национальной политики, прежде всего противодействие незаконной миграции.

Важными направлениями повышения эффективности этнонациональной политики в Югре эксперты считают также совершенствование нормативно-правовой базы (это отмечают 54 % экспертов) и правоохранительной деятельности (51 %). Немаловажное значение, по мнению экспертов, имеют решение вопросов занятости и трудоустройства населения (49 %), повышение эффективности работы системы образования (46 %) и молодежной политики (41 %).

Эксперты в своем большинстве оценивают сложившуюся к настоящему времени в Югре модель регулирования этносоциальных процессов как ориентированную на формирование регионального патриотизма с сохранением местных национально-культурных различий и поддержку определенных этнических групп (63 %). В ближайшем будущем, по мнению многих, она подвергнется определенным трансформациям. Однако единства мнений по поводу вектора трансформации не существует. Часть экспертов полагает, что по мере развития глобализационных процессов этнические различия будут терять свою значимость, а сама Россия будет приближаться к мультикультурной модели управления этническим многообразием (39 %). Другая часть экспертов убеждена, что наиболее вероятным является усиление общероссийского гражданского патриотизма и ослабление национальных различий (35 %).

Наиболее желательной для части респондентов оказалась гражданская модель национальной политики с перспективой перехода к административно-территориальному устройству (42 %). Для другой части привлекательность сохранила региональная модель (32 %). Немалую часть составили и приверженцы глобализационной модели с опорой на мультикультурализм (26 %).

Важной ценностью для населения Югры остается, по мнению экспертов, консолидирующая роль русских. С высказыванием о том, что национальное возрождение народов России невозможно без национального возрождения русского народа, полностью согласились 62 %, скорее согласились, нежели нет, 25 % респондентов. Совсем не согласны с данным мнением лишь 6 % экспертов.

Таким образом, можно заключить, что описанная во втором разделе модель государственного управления этносоциальными процессами в Югре, которая осуществлялась экс-губернатором А.В. Филиппенко, характеризовалась социальной направленностью и была ориентирована на формирование регионального патриотизма, со сменой власти потеряла свою актуальность. В настоящее время наблюдается отсутствие внятной национальной политики по ключевым направлениям: сохранению и развитию культуры коренных малочисленных народов, адаптации и интеграции мигрантов из стран ближнего зарубежья, гармонизации межэтнических отношений. Стремление власти переложить ответственность с регионального на муниципальный уровень принятия решений свидетельствует о дефиците рефлексивных инструментов оценки ситуации и вызванном этим обстоятельством стремлении деполитизировать накопившиеся проблемы. Этничность, однако, остается не только культурной и социальной, но и политической проблемой. Следовательно, она должна решаться и как политическая проблема, т.е. на региональном и центральном уровнях государственной власти.

Одной из самых острых социальных проблем, имеющих отношение к сфере национальной политики, остается проблема коррупции. Хотя она не рассматривалась специально в рамках нашего исследования, в числе основных опасностей для будущего регионального межэтнического сообщества Югры эксперты назвали те проблемы, которые так или иначе связаны с коррупцией. На первом месте по остроте оказалось ухудшение криминогенной обстановки (51 %). По мнению опрошенных, в разрушении традиционной среды обитания виновны не только жители округа, но и нефтедобывающие компании, с нарушениями ведущие свою хозяйственную деятельность. Этот фактор оказался вторым по остроте в экспертных оценках (49 %). На третьем месте (43 %) отмечен незакон-

ный вывоз создаваемой в округе прибыли за его пределы, что, как известно, также имеет свою коррупционную составляющую.

Таким образом, данное исследование подтвердило первоначальную исследовательскую гипотезу о Югре как регионе с относительно высокой степенью межэтнической напряженности, вызванной миграционным притоком в округ. В настоящее время округ развивается как важнейшая ресурсная кладовая России и поставщик солидных поступлений для федерального бюджета. При этом можно сделать вывод, что дискурсивные способы управления этносоциальными процессами в регионе менее востребованы на фоне доминирования административных, а нередко и силовых инструментов в решении возникающих проблем.

Как полагают эксперты, в числе дополнительных мер, которые следует принять на уровне округа, наиболее безотлагательными являются следующие. Во-первых, необходимо усиление взаимодействия между национальными и религиозными организациями, с одной стороны, и органами власти, с другой стороны (56 % отметили, что такие взаимодействия очень нужны, 40 % – нужны частично). Во-вторых, немаловажное значение должна иметь координация деятельности разных подразделений органов власти (61 и 30 % соответственно). В-третьих, эксперты отметили важность совершенствования действующей нормативно-правовой базы в сфере национальных отношений (45 и 45 % соответственно). В-четвертых, более высокую роль должно играть межрегиональное сотрудничество в России и межгосударственное сотрудничество с зарубежными странами (41 и 44 % соответственно).

Далее будут представлены результаты массового опроса, проведенного в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2014 г. по актуальным проблемам этнонациональной политики. Преобладающую часть респондентов (336 из 442 чел.) составили жители г. Сургута. Этот акцент при формировании выборки определялся тем фактом, что, как показали итоги экспертного опроса 2013 г., в данном субъекте федерации наибольший уровень межэтнической напряженности наблюдался именно в Сургуте.

Степень удовлетворенности разными сторонами жизни. Как и в Новосибирске, жители округа в большинстве своем довольны жизнью в целом: 55 % респондентов жизнью вполне довольны

и еще 30 % удовлетворены частично (не совсем ей довольны). Лишь 6 % опрошенных высказывают однозначное недовольство (9 % затруднились ответить).

Разница оценок по этому вопросу в разных этнических группах не настолько существенна, как в Новосибирске (к числу основных этнических групп в ходе опроса в округе отнесены русские, представители народов Кавказа, народов Средней Азии и коренных малочисленных народов Севера – ханты и манси). В большей степени полностью удовлетворены жизнью представители народов Кавказа, но этот показатель у них, в отличие от Новосибирска, не является абсолютным, стопроцентным (составляет 66 %). Относительно невысок он у коренных малочисленных народов Севера (КМНС) – 52 %, у русских выше – 57 %. Таким образом, общее социальное самочувствие опрошенных можно оценить как вполне благополучное.

В то же время удовлетворенность отдельными сторонами жизни отличается не столь высокими показателями. Причем мнения представителей разных этнических групп являются схожими только в оценке работы учреждений культуры (в среднем вполне удовлетворены ей 54 % респондентов). По всем другим параметрам наблюдаются серьезные расхождения. Так, содержанием работы и жилищными условиями в большей степени довольны представители народов Средней Азии (соответственно 75 и 68 %), в меньшей степени – народов Севера (46 и 37 %). Работой учреждений образования вполне удовлетворены 63 % выходцев из Кавказа, 61 % – народов Севера и 58 % – Средней Азии, но лишь 30 % русских.

В меньшей степени довольны респонденты (по всему массиву опрошенных), работой местных органов власти (26 %), медицинским обслуживанием (31 %) и уровнем своих доходов (33 %), явно не довольны этим – соответственно 29, 23 и 17 %. Но и здесь наблюдается заметное различие оценок в разных этнических группах (табл. 3.4.2). Меньше всего претензий к уровню своих доходов высказывают представители народов Средней Азии. Наибольшую критическую оценку медицинского обслуживания дают русские и коренные малочисленные народы округа, а работы местных органов власти – русские и представители народов Кавказа.

Таблица 3.4.2

**Уровень удовлетворенности респондентов ХМАО
отдельными сторонами жизни в разных этнических группах, %**

Стороны жизни	Русские	Народы Средней Азии	Народы Кавказа	КМНС
Уровень дохода				
– довольны	31	58	36	25
– не вполне довольны	50	38	47	58
– не довольны	17	5	16	16
Медицинское обслуживание				
– довольны	23	73	39	38
– не вполне довольны	43	20	54	39
– не довольны	31	3	2	22
Работа местных органов власти				
– довольны	19	59	26	41
– не вполне довольны	43	23	41	41
– не довольны	33	13	26	17

Оценка отношения к себе ближайшего и дальнего окружения.

Как показал опрос, абсолютное большинство всех опрошенных оценивают отношение к себе со стороны людей из ближайшего внесемейного окружения (коллег и руководителей по работе, соседей), а также отдаленного окружения (других жителей) в совокупности как хорошие и нормальные (84–94 %). При этом не существует значимых отличий соответствующих оценок в разных этнических группах. Единицы респондентов рассматривают их как недружелюбные (1–6 %) и еще меньше (0–1 %) – как конфликтные.

В то же время отношение к себе со стороны ближайшего окружения рассматривается как более доброжелательное, чем со стороны дальнего окружения. В последнем случае наиболее критическую оценку дают представители народов Кавказа: 15 % из них оценивают отношение к себе со стороны жителей своих населенных пунктов как недружелюбные (в других этнических группах этот показатель не превышает 4 %). Очевидно, данный факт связан с имевшими место в последние годы в отдельных населенных пунктах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры межнациональными инцидентами с участием представителей народов Кавказа. Как было

выявлено в ходе экспертного опроса 2013 г., именно к ним многие жители округа относятся достаточно критично.

Социокультурные ориентиры населения. Абсолютное большинство представителей всех этнических групп опрошенных считает важным для себя знание языка и культуры своего народа (в среднем 86 %). Наиболее высоким этот показатель оказался у народов Средней Азии (97 %). Примечательно, что аналогичную степень заинтересованности (по всем выделенным группам) респонденты обнаружили в отношении своих детей, желая, чтобы и они знали язык и культуру своего народа. Большая доля тех, кто отметил, что для них это не важно, – в группе представителей коренных малочисленных народов Севера (14 %).

Во всех этнических группах достаточно высокой является доля опрошенных, которые считают важным соблюдение народных традиций (в среднем 83 %). Несколько менее значимо соблюдение религиозных обычаев своего народа – 70 %. Русские на это ориентируются в меньшей степени, чем другие народы (63 %).

Что касается установки людей, связанной с уважением традиций и обычаев других народов, то ее можно оценить как достаточно высокую и устойчивую: 77 % всех респондентов считают это важным для себя и лишь 16 % – неважным. В большей степени на это ориентируются представители народов Средней Азии (95 %) и Кавказа (91 %). Видимо, данный факт объясняется тем, что большинство опрошенных из этих групп являются недавними иммигрантами и для них знание и уважение традиций других народов выступает важным условием адаптации в принимающем межэтническом сообществе.

Анализ ответов, касающихся системы базисных ценностей, показал, что 35 % опрошенных являются сторонниками индивидуалистических ориентаций, полагая, что интересы личности должны быть важнее интересов его народа (этноса). Коллективистски ориентированных в данном вопросе (считывающих, что интересы народа должны быть важнее личных интересов) в целом почти в два раза больше – 65 %. Среди народов Севера таковых 78 %, среди русских – 62 %.

Значимость разных видов идентичности. Информацию о высокой значимости разных видов идентичности для представителей разных этнических групп опрошенных дает табл. 3.4.3.

Таблица 3.4.3

**Значимость разных видов идентичности
в этнических группах, %**

Вид идентичности	Русские	Народы Средней Азии	Народы Кавказа	КМНС	В среднем по ХМАО
Гражданская	91	73	89	91	88
Сибирская	64	70	60	84	66
Региональная	60	79	74	89	68
Этническая	73	84	87	85	75
Локальная	71	72	83	85	75
Глобальная (человек мира)	57	56	68	65	59

В целом можно говорить о достаточно высоком уровне всех обозначенных видов идентичности, и разница между ними является незначительной. Для русских и народов Севера важность ощущать себя россиянином имеет большее значение, чем ощущение общности со своим народом (своей национальностью). Для представителей народов Средней Азии этническая идентичность стоит на первом месте. Доля респондентов, для которых этническая идентичность не важна, оказалась наибольшей в группе русских (23 %) и Кавказа (14 %), а доля оценивающих российскую гражданскую идентичность как неважную для себя – в группе народов Средней Азии (19 %). Самый высокий показатель сибирской и региональной (югорской) идентичности – у представителей коренных малочисленных народов Севера. Относительно высокой во всех этнических группах оказалась значимость глобальной идентичности, ощущения себя гражданином мира, что связано, скорее всего, с доступностью для многих Всемирной сети.

Оценка межнациональных отношений. В целом межнациональные отношения в своих населенных пунктах опрошенные оценивают скорее как терпимые, чем хорошие. Высоким является доля тех, кто считает отношения напряженными (табл. 3.4.4).

Таблица 3.4.4

**Оценка респондентами состояния
межнациональных отношений в своих населенных пунктах, %**

Оценка	Русские	Народы Средней Азии	Народы Кавказа	КМНС	Весь массив
Хорошие	18	55	28	48	29
Терпимые	47	26	41	32	42
Напряженные	22	5	20	9	18
Враждебные	6	0	4	3	4
Трудно оценить	7	13	7	9	7

Во-первых, эти оценки контрастируют с зафиксированным ранее относительно высоким уровнем удовлетворенности жизнью. Во-вторых, по данному вопросу наблюдаются серьезные расхождения мнений представителей разных этнических групп. Более критичными являются оценки русского населения и выходцев с Кавказа. Как представляется, данная позиция определяется по преимуществу реакцией местного населения, среди которого преобладают русские, на миграционные процессы в округе, связанные с активным приездом сюда жителей Кавказа и Средней Азии, а также на заметные изменения под влиянием этих процессов современного этнокультурного ландшафта многих населенных пунктов. Важное значение имели широко обсуждавшиеся в средствах массовой информации межнациональные конфликты с участием выходцев с Кавказа в период, непосредственно предшествующий проведению наших конкретно-социологических исследований (экспертного и массового опросов) в Югре. Это послужило основой не только для критических оценок населением состояния межнациональных отношений, но и негативного отношения к представителям самих кавказских народов.

На фоне общей критической оценки межнациональных взаимодействий отношения к представителям своей национальности в конкретных населенных пунктах оцениваются респондентами как достаточно благожелательные: 66 % опрошенных считают их хорошими, 23 % – терпимыми, 5 % – напряженными и 2 % – враждебными. Наибольшая доля хороших оценок – у русских респон-

дентов (71 %), а наименьшая – у представителей народов Кавказа (41 %). В то же время среди респондентов из кавказских народов больше всего тех, кто оценивает отношения к людям своей национальности как враждебные (9 %), что еще раз подтверждает наличие проблем в межнациональных отношениях, участниками которых являются представители народов Кавказа.

Заметим, что жители г. Сургута дают более критическую, чем жители округа в целом, оценку состояния межнациональных отношений. А сравнение результатов массового опроса в Югре по обозначенным вопросам с аналогичными данными в Новосибирске позволяет сделать вывод, во-первых, о сходстве общей оценки ситуации, во-вторых, о существенном различии позиции представителей народов Кавказа: в Новосибирске их оценки являются гораздо более позитивными.

Оценка динамики межнациональных отношений. Мнение респондентов о характере изменений межнациональных (межэтнических) отношений в своих населенных пунктах за последние два-три года представлены в табл. 3.4.5. Негативные оценки в целом преобладают (примерно в два раза) над позитивными. И в этом вопросе более критично настроены русские и выходцы с Кавказа, а самые позитивные установки присутствуют у тех, кто в округе живет совсем недавно, – у представителей народов Средней Азии.

Таблица 3.4.5

**Оценка характера изменений межнациональных отношений
за последние два-три года, %**

Характер изменений	Русские	Народы Средней Азии	Народы Кавказа	КМНС	Весь массив
Улучшение	9	47	18	16	17
Ухудшение	36	8	47	17	32
Без изменений	31	21	22	42	28
Трудно сказать	24	34	13	25	23

Что касается оценки возможных тенденций развития межнациональных отношений в ближайшем будущем, то респонденты проявляют больше оптимизма, хотя здесь выше доля ответов с не-

определенным прогнозом (табл. 3.4.6). Но опять очевидными являются различия оценок в разных этнических группах: негативный настрой в большей степени характерен – для русских, позитивный – для народов Средней Азии. Наибольшие отличия в оценке динамики межнациональных отношений в предшествующий и последующий периоды присутствуют у представителей кавказских народов: преобладание негативных оценок здесь сменяется на преобладание позитивных.

Таблица 3.4.6

**Мнение респондентов об изменении
межнациональных отношений в ближайшем будущем, %**

Характер изменений	Русские	Народы Средней Азии	Народы Кавказа	КМНС	Весь массив
Улучшение	10	59	24	15	19
Ухудшение	25	3	15	16	20
Без изменений	32	15	22	31	27
Трудно сказать	33	23	39	38	34

Особого оптимизма в оценке межнациональных отношений не добавляет анализ ответов на прямой вопрос о возможности конфликтов на национальной почве в тех населенных пунктах, в которых проживают респонденты. 43 % из них допускают возможность таких конфликтов в ближайшее время, каждый четвертый считает конфликты маловероятными. Правда, достаточно высока доля тех, кто заявляет, что конфликтов не будет (12 %). Большая степень скептицизма среди опрошенных, допускающих возможность конфликтов, здесь опять свойственна русским (50 %) и представителям народов Кавказа (41 %).

Таким образом, как и в Новосибирске, русские Югры наиболее критично оценивают динамику межнациональных отношений и в предшествующие несколько лет, и в ближайшей перспективе. Представители народов Кавказа, близкие русским в своих оценках характера изменения межнациональных отношений в предшествующий период, более оптимистично смотрят в будущее, надеясь на преодоление того негативизма этих отношений, в том числе

в свой адрес, который был вызван имевшими место несколько лет назад в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре межнациональными конфликтами с их участием.

Проблемные зоны межнациональных отношений. Прежде всего отметим, что оценки конкретных составляющих межнациональных отношений, которые дают респонденты из Югры, почти полностью совпадают с подобными оценками опрошенных в Новосибирске (разница – в единицах процентных пунктов по конкретным показателям). Лишь при оценке деятельности этнических преступных группировок заметна разница: респонденты из Югры с этим явлением сталкиваются чаще, чем жители Новосибирска. Самыми распространенными проявлениями в межнациональных отношениях здесь также являются помочь друг другу людей разных национальностей и неуважительное отношение к мигрантам (табл. 3.4.7). При этом

Таблица 3.4.7

Частота отдельных проявлений межнациональных отношений в оценках респондентов, %

Явление	Часто	Иногда	Не сталкивался
Помочь друг другу людей разных национальностей	31	46	23
Оскорбления и угрозы по национальному признаку	16	39	46
Драки на межнациональной основе	12	28	60
Неравнoprавие в устройстве на работу	16	23	61
Оскорбление религиозных чувств	11	28	62
Неуважительное отношение к мигрантам	20	43	38
Неуважение обычаев и традиций русского народа	15	26	60
Неуважение обычаев и традиций других народов	11	30	59
Деятельность этнических преступных группировок	8	18	73
Националистическая и религиозно-экстремистская пропаганда	6	17	76

выходцы из Средней Азии и Кавказа значительно чаще, чем русские и представители коренных малочисленных народов Севера, сталкиваются с проявлениями помощи друг другу людей разных национальностей. В то же время респонденты из разных этнических групп отмечают примерно одинаковую частоту случаев негативного отношения к мигрантам. Исключение составляют представители коренных малочисленных народов, которые являются свидетелями данных фактов в два раза реже, чем в среднем по массиву.

Если судить по результатам опроса, то можно сделать вывод о том, что многим респондентам приходилось быть участником или свидетелем разных негативных проявлений в межнациональных отношениях – от оскорблений и угроз по национальному признаку и драк на межнациональной основе до националистической и религиозно-экстремистской пропаганды и деятельности разных этнических преступных группировок. Все это говорит о наличии определенной напряженности в существующей этносоциальной обстановке.

Установки в межнациональных отношениях и комплементарность. Эти установки выявлялись с помощью заданной проективной ситуации предпочтений при возможном выборе брачного партнера, друга (подруги), руководителя и коллеги по работе, а также руководителя местных органов власти. Ответы респондентов позволяют выстроить следующий ряд предпочтений ситуации, когда национальность не важна для них: при выборе партнера по работе – 55 %, друга – 51 %, руководителя по работе – 47 %, руководителя местных органов власти – 38 %, брачного партнера – 24 %. Таким образом, более всего национально чувствительной является сфера семейных отношений, которая отличается наиболее тесными личными контактами. На втором месте по степени чувствительности оказалась сфера, касающаяся использования властных ресурсов. Это лишний раз подтверждает наличие отмечаемой ранее тенденции политизации этническости, что должно быть учтено в процессе реализации этнонациональной политики, в том числе на муниципальном уровне. В своих ответах большую степень безразличия к национальности других людей при выборе во всех обозначенных ситуациях проявили выходцы с Кавказа, а меньшую степень – русские и представители коренных малочисленных народов

Севера. Последние обычно предпочтение отдают людям своей национальности и русским.

Невысокую значимость фактора национальности в сфере трудовой деятельности подтверждают ответы на вопрос о предпочтениях состава трудового коллектива с учетом параметров родственных отношений, единоверия и национальности. 79 % респондентов заявляют, что национальность при этом не важна, главное – деловые качества человека. В то же время национальность оказывается более существенной (на ее значимость указали 10 % опрошенных), чем другие обозначенные параметры – возможность работы в коллективе родственников или единоверцев (по 5 %). При этом опять для русских признак национальности имеет в этом вопросе несколько большую значимость, чем для других респондентов.

В вопросе о возможных предпочтениях в выборе соседей по месту проживания 78 % опрошенных указывают на то, что национальность не важна, главное, чтобы это были хорошие люди. В то же время значимость национальности соседей немного уступает по значимости их родственной принадлежности – соответственно 9 и 10 %.

В данном контексте представляются интересными следующие данные. Абсолютное число опрошенных (91 %) имеют друзей других национальностей, чем они сами. Причем это касается всех этнических групп – от русских и представителей народов Средней Азии, 89 % которых дружат с людьми другой национальности, до народов Кавказа, имеющих стопроцентный показатель по этому вопросу. Большинство респондентов (в целом 60 %) имеют также близких родственников, находящихся в браке с представителями других национальностей. Больше всего таких родственников у выходцев с Кавказа (91 %). Эти факты подтверждают реализованный на практике позитивный настрой в межнациональных отношениях. Высказываемые установки в этой сфере, проанализированные ранее, оказываются менее толерантными, чем реальная практика.

Косвенным подтверждением высокого уровня позитивных межэтнических установок являются результаты ответов на открытый вопрос анкеты о симпатиях и антипатиях к представителям отдельных национальностей по месту проживания. В предыдущем параграфе уже подчеркивалось, что данный вопрос является деликатным, этически чувствительным и для большинства населения не принад-

лежит к числу публично обсуждаемых. Тем не менее с его помощью удалось прояснить некоторые важные моменты и проблемные зоны. Во-первых, каждый второй из респондентов отметил, что ко всем относится одинаково, без каких-либо особых симпатий, 8 % указали на симпатию ко всем, а среди обозначенных в числе тех, к кому проявляются симпатии, лидируют коренные малочисленные народы Севера (16 %) и русские (15 %). Во-вторых, 63 % опрошенных прямо заявили об отсутствии антипатии к кому-либо, а среди отмеченных в числе тех, по отношению к которым такие антипатии высказываются, доминируют выходцы с Кавказа, о чем говорят как в общем, так и конкретно: народы Кавказа (кавказцы) – 17 %, дагестанцы – 10 %, азербайджанцы – 7 %, чеченцы – 4 % (представители народов Средней Азии называются реже, а этнические группы славянских народов не упоминаются вовсе). По всей видимости, основной причиной такого отношения к представителям кавказских народов являются, как отмечалось, имевшие место в Югре межнациональные конфликты с участием этих народов.

Отношение к мигрантам. Вопрос о влиянии миграционных процессов на динамику и состояние этносоциальных процессов будет специально рассмотрен в следующем параграфе. Здесь отметим наиболее значимые моменты, касающиеся общественного мнения населения Югры в отношении мигрантов. Отметим еще раз, что именно мигранты создают в последнее время в Югре основные проблемы и напряженность в межнациональных отношениях.

Больше всего опрошенных на просьбу оценить отношение местного населения к мигрантам отвечают, что бывает по-разному (40 %), еще 21 % указали на нейтральное отношение к мигрантам. Но если исключить неоднозначные и нейтральные ответы, то здесь преобладают негативные оценки: всего 6 % подчеркивают положительное к ним отношение, а 25 % – негативное (разница в 4 раза). Мнение русских по этому вопросу является схожим с оценками представителей народов Кавказа и малочисленных народов Севера. Так, отношение к мигрантам как негативное оценивают 28 % русских, 30 % – народов Кавказа и 23 % – малочисленных народов, а как нейтральное – соответственно 21, 23 и 22 %. Как представляется, схожесть оценок свидетельствует о наличии некоторых общих

проблем, связанных с воздействием миграционных процессов на этносоциальную ситуацию в последнее время. Представители «новых» мигрантов, к которым относятся выходцы из Средней Азии, оценивают отношение к мигрантам как вполне доброжелательное.

Личное отношение респондентов к тому, что количество мигрантов в последнее время в их населенных пунктах растет, аналогично общей оценке данной проблемы: 24 % отмечают нейтральное отношение, еще 25 % относятся к мигрантам нормально, хотя иногда последние создают определенные проблемы. Положительно относятся к мигрантам 7 % респондентов, а однозначно негативно – в три раза больше (20 %). Интересно, что каждый пятый из опрошенных (21 %) к мигрантам относится в целом отрицательно, хотя лично с ними практически не соприкасается, что свидетельствует о негативном отношении к мигрантам без достаточных для этого личных оснований.

Как и по большинству вопросов, касающихся оценок межнациональных отношений, русское население в целом проявляет и более критичное личное отношение к росту числа мигрантов в последнее время. Так, среди русских только 1 % опрошенных высказывают положительное отношение к этому, среди народов Севера – 4 %, Кавказа – 15, Средней Азии – 42 %, негативное – соответственно 27, 17, 4, 0 %, нейтральное – 23, 20, 38 и 30 %. Среди народов Севера и русских больше всего тех, кто к росту числа мигрантов относится отрицательно, хотя лично с ними практически не соприкасается (соответственно 30 и 25 %).

В целом можно заключить, что, как и в Новосибирске, те респонденты, которые являются относительно новыми жителями Ханты-Мансийского автономного округа, то есть сами принадлежат к недавним мигрантам, не склонны драматизировать ситуацию, тем более что многие из них встретились здесь с более доброжелательным к себе отношением, чем ожидали.

Анализ отношения к мигрантам через потенциальный выбор для своих детей и внуков возможности учебы в школе с детьми мигрантов или без них показал, что почти для половины опрошенных (47 %) это является неважным. Из остальных 36 % склоняются к школам без мигрантов и лишь 12 % – к школам с детьми мигрантов. В последнем случае на это настроены 41 % представителей

народов Средней Азии и 17 % – выходцев с Кавказа. В школу, где нет детей мигрантов, склонны отдать своих детей и внуков 48 % русских и 36 % – народов Севера.

Об этнонациональной политике местных властей. В ходе мас-сowego опроса не ставилась задача всестороннего исследования общественного мнения по этому вопросу. В нем было обращено внимание лишь на два момента. Во-первых, важно было узнать, является ли отношение местных властей к представителям разных этнических групп в муниципальной политике равноценным или существует определенная дифференциация, приоритеты. По мнению трети опрошенных, местные власти ко всем этническим группам относятся одинаково доброжелательно (в Сургуте так считает чуть меньшая доля респондентов). В то же время 17 % из них полагают, что власть безразлична к жизни представителей любой национальности (в Сургуте таких оценок больше), 27 % затруднились оценить. Наибольший раскол оценок внутри этнических групп по данному вопросу наблюдается среди представителей народов Кавказа: 33 % из них отмечают одинаково доброжелательное отношение ко всем народам и в то же время 26 % полагают, что власть безразлична к нуждам любой национальности. 12 % опрошенных высказывают недовольство тем, что представителям их национальности уделяется недостаточное внимание. В большей степени эта позиция присутствует у народов Севера (29 %).

Во-вторых, был задан вопрос о возможных акцентах в этнонациональной политике местных властей. Большая часть всех опрошенных (одна треть) высказалась за необходимость больше внимания уделять нуждам русского населения. С этим согласны не только сами русские (52 %), но и определенная часть респондентов из других этнических групп: из народов Севера – 19 %, Средней Азии – 14 %, Кавказа – 9 %. Акцент на народах Севера поддерживают 28 % опрошенных, в том числе из самих этих народов – 73 %, Средней Азии – 17 %, Кавказа – 15 %, русских – 25 %. Необходимость больше внимания уделять мигрантам находит поддержку в целом у меньшего количества опрошенных – 14 %, в том числе у народов Средней Азии – 42 %, Кавказа – 28 %, русских – 12 %, народов Севера – 5 %.

Проблемы коренных малочисленных народов Севера. В массовом опросе несколько общих вопросов касались проблем развития народов Севера и были адресованы их представителям. Прежде всего, исследователей интересовало представление опрошенных из числа малочисленных этносов о том, каким они видят возможное будущее своих народов. Как представляется, в соответствующей оценке в концентрированном виде отражается социальное самочувствие людей, позволяющее судить о степени благополучия или проблемности их существования в социокультурном пространстве той этнической общности, к которой они принадлежат. Большинство респондентов (61 %) считают, что будущее малочисленных народов находится под угрозой, лишь 18 % высказывают оптимистическую позицию, полагая, что их будущему ничего не угрожает, а каждый пятый затруднился дать какой-либо определенный ответ. Эти результаты, по сути, подтверждают сделанный во втором разделе монографии (п. 2.5) вывод о том, что, несмотря на целенаправленную государственную политику в отношении коренных малочисленных народов Севера, многие проблемы их жизнедеятельности остаются нерешенными, что определяет высокий уровень тревожности и пессимизма в вопросе о будущем своих народов.

В ответах на вопрос о первоочередных проблемах, решение которых может способствовать сохранению и развитию данных народов, обращает на себя внимание высокая доля ответа: «улучшение условий жизни всех жителей округа» (41 %). Это свидетельствует о понимании респондентами четкой зависимости благополучия своего народа от общего благополучия всего межэтнического сообщества Югры.

Что касается других значимых для сохранения и развития малочисленных этносов проблем, то, с учетом ответов опрошенных, можно выстроить следующий их ряд:

- сохранение и развитие родного языка – на это указали 56 % респондентов,
- сохранение традиционной природной среды обитания – 51 %,
- борьба с алкоголизмом – 38 %,
- решение демографической проблемы путем возрождения семейных ценностей и роста рождаемости – 25 %,

- предоставление льгот и распределение материальных благ по национальному признаку – 24 %,
- возрождение традиционных религиозных верований – 22 %,
- увеличение численности представительства коренных малочисленных народов в органах власти и местного самоуправления – 18 %.

Очевидно, что для успешного решения большинства обозначенных проблем недостаточно усилий только самого коренного населения, а требуется подключение разнообразных механизмов и ресурсов, включая административные. Это хорошо понимают и сами респонденты. Не случайно абсолютное большинство из них (87 %) уверены в необходимости дополнительных мер по поддержке коренных малочисленных народов со стороны государства.

Делая обобщающее заключение, следует обратить внимание на то, что, как и в Новосибирске, многие проблемные ситуации, существующие в межэтническом сообществе Югры, связаны с активными миграционными процессами. Нередко напряженность возникает не между представителями разных этнических групп, а между местным населением (к которому принадлежат и «старые» мигранты) и «новыми» мигрантами. Поэтому в рамках муниципальной политики следует уделять внимание не только проблемам адаптации мигрантов в принимающее сообщество, но также положению и самочувствию коренных малочисленных народов Севера, а также русских как доминирующей этнической группы. Необходима дополнительная система мер, направленная на адаптацию коренного населения к новой этносоциальной ситуации, обусловленной активным притоком в округ внешних мигрантов.

3.5. Влияние миграции на динамику этносоциальных процессов в Югре

Актуальность изучения этносоциальной ситуации, взятой с точки зрения влияния на нее миграционных процессов, является достаточно очевидной. В настоящее время и за рубежом, и в нашей стране, в разных ее регионах, все чаще отношения мигрантов и местного населения приобретают напряженный, а порой и открыто конфликтный характер.

Материал для суждений о динамике этносоциальных процессов в Югре получен в ходе наших регулярных конкретно-социологических исследований, проведенных в округе в 2004–2011 гг. (руководитель В.В. Мархинин), и экспертного опроса 2013 г. (руководитель Ю.В. Попков). Некоторые вопросы в опросниках были одинаковыми во всех этих исследованиях, что дает возможность проследить динамику мнений респондентов в оценке одних и тех же проблем. Анализируемый материал дополняет и конкретизирует выводы предыдущего параграфа в аспекте заявленной темы. Из конкретных социологических данных использовались в основном результаты опросов 2004 и 2013 гг.

Прежде всего отметим, что в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, в силу его высокой миграционной привлекательности, происходит постоянное сокращение доли коренного населения (народов Севера, русских и в целом славянских этнических групп, татар). Так, доля русского населения в Югре сократилась с 76,9 % в 1970 г. до 63,58 % в 2010 г. Одновременно заметно растет доля внешних мигрантов, прежде всего из регионов Кавказа и Средней Азии. Так, только за 8 лет, с 2002 по 2010 г., доля ногайцев увеличилась в округе в 2 раза, лезгин – 1,6 раза, кумыков – 1,3 раза, киргизов – в 2,4 раза, узбеков – в 1,8 раза, таджиков – в 1,6 раза¹. Если учесть, что из 6,7 % жителей Югры, не указавших свою национальность во время переписи 2010 г., большинство являются мигрантами из стран ближнего зарубежья, то их реальный удельный вес в общей численности населения округа будет еще выше. По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре коэффициент миграционного прироста на 1 000 чел. населения постоянно увеличивается и в 2011 г. был равен 5,7, что в два раза выше, чем в среднем по России². Объективно этот факт является тре-

---

¹ Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

² Ежегодный отчет губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры о результатах деятельности правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за 2011 г. от 31 марта 2012 г. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?base=RLAW926;n=71147;req=doc>.

важным симптомом в плане его влияния на межэтнические отношения в регионе.

Под влиянием активных миграционных процессов в Ханты-Мансийском автономном округе заметно меняется существующий здесь баланс национальностей. В постсоветский период в Югре, как и в стране в целом, отчетливо проявилось тенденция к сокращению доли русского населения и представителей других славянских народов, отличающихся высокой степенью взаимной толерантности и признанием ключевой роли русской нации в развитии многонациональной России и Югры – в частности. Одновременно интенсивно росла численность и доля представителей народов тюркской группы.

Нарушение сложившегося этнодемографического баланса сопровождается изменением соотношения в округе этнических групп, представители которых являются носителями различающихся традиционных культур – христианской и мусульманской. Конечно, сами по себе различия этих культур, как свидетельствует российская цивилизационная традиция, вовсе не препятствуют их гармоничному сочетанию в многонациональном российском единстве. Но ныне, в условиях обострения геополитической ситуации и в связи с ростом значимости исламского фактора, эти различия акцентируются и используются противниками России для стимулирования националистических настроений, подрыва исторически достигнутой в нашей стране высокой степени межнационального согласия и усиления межнациональной напряженности.

Влияние миграции на этносоциальную ситуацию в значительной степени опосредовано социально-экономическими условиями. В этой связи обратим внимание на ряд важных моментов.

Заметный экономический рост округа, который многие годы обеспечивался, главным образом, ростом объемов нефтегазодобычи в условиях благоприятной конъюнктуры цен на энергоносители на мировых рынках и сопровождался ростом денежных доходов и уровня жизни населения, прекратился в связи с начавшимся в 2012 г. падением цен на нефть на мировом рынке. Экономические трудности оказывают дестабилизирующее воздействие на социальные отношения вообще и на межнациональные отношения – в частности. Падение уровня доходов у значительной части населения

сопровождается усилением социального расслоения, что стимулирует социальную напряженность, которая, в свою очередь, негативно воздействует на сферу межэтнических отношений.

Но для рядовых жителей обусловленность межнациональной напряженности социальной напряженностью не очевидна. Восприятие населением миграционных процессов во многом характеризуется как раз тем, что в них усматривается не столько явление, обусловленное более глубокими социально-экономическими причинами, сколько явление, непосредственно воздействующее на состояние межнациональных отношений. Вот почему миграции придается, как видно из опроса населения, столь высокое, превосходящее другие социальные причины, значение в качестве фактора, дестабилизирующего межнациональные отношения в регионе. Так, в 2013 г. на увеличение доли мигрантов в Югре как на негативное явление указывает подавляющее большинство экспертов – 84 % (заметим, что во время опроса 2004 г. таковых было всего 34 %). Однако усиление межэтнической напряженности отметили меньшее число опрошенных – 46 %, т.е. для экспертов зависимость роста межнациональной напряженности не является прямо пропорциональной увеличению доли мигрантов в Югре. Среди заметных изменений в этносоциальной обстановке округа эксперты выделили также учащение межнациональных конфликтов (28 %), концентрацию мигрантов по этническому принципу на работе, в отдельных отраслях (25 %) и местах проживания (19 %). Они фиксируют и усиление политической активности отдельных этнических групп (9 %). Причем в Сургуте, самом большом городе округа, на усиление политической активности мигрантов указали в три раза больше экспертов, чем в сравнительно небольшом по численности населения Ханты-Мансийске (соответственно 15 % и 5 %). Еще одно обстоятельство, важное для характеристики этносоциальной обстановки, состоит в том, что местные жители сильнее, чем мигранты, ощущают наличие межнациональной напряженности. Это вполне объяснимо, поскольку они, в отличие от мигрантов, имеют возможность сравнивать ситуацию настоящего времени с той, что была прежде.

Активный миграционный приток населения в округ, помимо прочего, привел к обострению многих вызванных радикальными реформами 1990-х гг. социальных проблем, в частности, к увеличе-

нию оборота и употребления наркотиков, распространению нелегального бизнеса, росту эксцессов антиобщественного поведения и др. Среди последствий миграционных процессов – усиление конкуренции за рабочие места, снижение уровня социальной защиты местного населения, расширение борьбы за политическое влияние.

Нельзя не обратить внимания на то, что среди причин межнациональной напряженности часто называются борьба за власть на разных уровнях и несовершенство национальной политики. Даные проблемы больше всего беспокоят коренных жителей. В том же ключе следует расценивать и тот необычный факт, который, пожалуй, впервые обнаружился столь явно только в последние годы, когда миграционные процессы превратились в очевидный фактора роста напряженности межнациональных отношений. Речь идет об ущемлении национально-культурного достоинства отдельных этнических групп («неуважение национально-культурных особенностей»). Его стала ощущать значительная часть русского населения, что можно оценить как весьма тревожный факт, ибо самочувствие представителей государствообразующей нации в значительной степени определяет межнациональные отношения и само существование государства.

Проведенные нами социологические исследования показали, что в каждой этнической группе, как среди коренных жителей Югры, так и среди мигрантов, имеет место неоднозначное видение ситуации, содержатся как положительные, так и отрицательные оценки роли миграционных процессов и их субъектов, мигрантов, в жизни автономного округа.

В меньшей степени мнения местных жителей и мигрантов расходятся в вопросе о характере трудовой занятости мигрантов, а именно в оценке утверждения, что мигранты выполняют работу, которой не хотят заниматься местные жители. В среднем по всему массиву опрошенных в 2004 г. с этим согласны 58 % респондентов. Однако среди коренных жителей Югры доля лиц, придерживающихся такого мнения, несколько ниже (55 %), чем среди мигрантов (71 %). В 2013 г. доля лиц, считающих, что мигранты работают там, где не хочет работать местное население, в целом по массиву опрошенных возросла до 78 %.

Мнение о том, что мигранты «дешево и качественно выполняют бытовые услуги», в 2004 г. разделяли 17 % всех респондентов. Причем среди местных жителей доля таковых была вдвое меньше, чем среди мигрантов – соответственно 14 и 29 %. К 2013 г. в целом отношение местного населения к качеству выполняемых услуг мигрантами почти не изменилось (13 %).

Как показывают результаты исследования 2004 г., мигранты гораздо чаще, чем местные жители, придерживаются мнения, что благодаря им (мигрантам) «в округ завозятся более дешевые продукты и товары (чем те, которые поставлялись бы иным образом)»: так, среди мигрантов из Чечни доля таковых составляет 41 %, Азербайджана – 36 %, из народов Средней Азии – 20 %. Доля таковых среди коренного населения Югры намного ниже: так считают лишь 9 % из народов Севера, 10 % славян и 14 % представителей татаро-башкирской группы. К 2013 г. доля местных жителей, считающая, что именно благодаря мигрантам в округ завозятся более дешевые продукты и товары, значительно сократилась: до 6 % у народов Севера и 5 % – у русских.

Таким образом, мнения местных жителей по обозначенным проблемам в целом складываются не в пользу мигрантов. Это касается также вопроса вовлеченности мигрантов в теневую экономику. Мнение, что мигранты «занимаются незаконным бизнесом», разделяло в 2004 г. по всему массиву 28 % респондентов, среди которых большинство составляли коренные жители Югры. Так, среди народов Севера доля таковых составляла 39 %, среди славян – 35 %, представителей татаро-башкирской группы – 34 %. Таким образом, более трети местных жителей считали, что мигранты занимаются незаконным бизнесом. Среди же самих мигрантов с этим мнением согласны менее одной шестой их части. Так, среди чеченцев так считают всего 5 %, среди азербайджанцев – 6 %, представителей народов Дагестана – 12 %. Самый высокий показатель – среди армян (24 %). Среди представителей народов Средней Азии вообще никто не отметил факт наличия вовлеченности мигрантов в теневую экономику.

Экспертный опрос 2013 г. показал весьма значительное, в два раза, уменьшение по сравнению с опросом 2004 г. доли тех, кто положительно отвечает на вопрос о вовлеченности мигрантов в теневую

экономику (13 %). Видимо, за этот период среди мигрантов на самом деле сократилась доля лиц, вовлеченных в теневую экономику. Очевидно также, что на это повлияли действенные меры правоохранительных и иных органов по борьбе с теневой экономикой.

Тем не менее значительная часть населения продолжает относить бизнес мигрантов к теневой экономике. Многие в значительной степени возлагают на мигрантов и в целом ответственность за рост преступности в округе. В 2004 г. так полагали 22 % респондентов в рамках массового опроса, в 2013 г. – 33 % экспертов.

Что касается такого опасного для общества криминального явления, как распространение в округе наркотиков, то решающая роль в этом принадлежит контингенту новоприезжих, часто – нелегальных мигрантов. Об этом, в частности, информирует подавляющая часть публикаций, посвященных задержанию торговцев наркотиками. Не случайно, что в 2004 г. во многих мигрантах видели торговцев наркотиками больше трети опрошенных (38 %), в том числе 55 % респондентов-славян и по 42 % – представителей народов Севера и татаро-башкирской группы. Среди же самих мигрантов таковых в четыре раза меньше – 11 %. Экспертный опрос 2013 г. показал, что доля лиц, считающих мигрантов торговцами наркотиками, составляет 48 %. При этом среди русских доля придерживающихся такого мнения равна 47 %, а среди представителей народов Севера – 65 %.

В глазах местных жителей (в противоположность представлениям мигрантов) преимущества притока мигрантов в автономный округ, связанные с расширением национального и культурного разнообразия, перевешиваются отрицательным влиянием миграции на межнациональные отношения. Оценки двух этих явлений по всему массиву опрошенных 2004 г. соотносились соответственно как 14 и 16 %. Среди славян это соотношение не в пользу мигрантов наиболее значительно (10 и 26 %). У мигрантов характер этих оценок прямо противоположен оценкам, данным коренным населением Югры: 23 % мигрантов считали, что приток мигрантов вносит в жизнь округа черты национального и культурного разнообразия и только 2 % из них видели отрицательное влияние миграции на межнациональные отношения в округе.

Таким образом, хотя местное население в большей своей части признает положительную роль, которую мигранты играют в формировании рынка труда, заполняя нишу малопривлекательных видов трудовой деятельности, в целом негативные оценки роли мигрантов в жизни округа у них преобладают над позитивными.

Значимое место среди причин межнациональной напряженности респонденты отводят, как отмечалось, несовершенству национальной политики (27 % в 2004 г., 48 % в 2013 г.). При этом среди мигрантов доля сторонников такого представления заметно меньше, чем среди коренных (местных) жителей. Правомерно отсюда заключить, что местное население в ситуации обострения межнациональных отношений ощущает меньшую защищенность мерами государственной национальной политики в автономном округе, чем мигранты. Вероятно и то, что последние в значительной своей части не замечают несовершенства этой политики вследствие лучшей защищенности на новом месте жительства от негативных проявлений в межнациональных отношениях. Причем местное население не только больше, чем мигранты, ощущает межнациональную напряженность, но и чаще склонно возлагать ответственность за нее непосредственно на мигрантов, чем мигранты – на местное население. Коренные жители, кроме того, в большей степени, чем мигранты, склонны считать, что национальная политика, как в ее общих установках, так и в своих практических проявлениях, не в равной мере соответствует интересам обеих сторон – местного населения и мигрантов. Иначе говоря, местное население ощущает ущемленность своих интересов действующей национальной политикой в большей степени, чем мигранты.

Поскольку сокращение доли русского населения происходит за счет преобладания миграции некоренного для округа нерусского населения, постольку данное различие в восприятии складывающейся межэтнической ситуации выступает более явно. Объективно этот контраст в видении ситуации является тревожным фактом в плане его влияния на межэтнические отношения в регионе. Он не лучшим образом сказывается, прежде всего, на этническом самочувствии русского населения Югры как части государствообразующей нации и ключевого субъекта межэтнических отношений. Ведь русские вообще и русские Югры, в частности, осознают осо-

бую историческую миссию русской нации в судьбе многонационального российского государства. Об этом свидетельствуют, в частности, данные социологического исследования 2004 г.

В России миссия русской нации осознается и признается не только русскими, но и представителями других народов. С национальным возрождением русского народа связывает свое возрождение большинство жителей Югры разных национальностей. Так, среди представителей различных этнических групп, опрошенных в городах Югры в 2004 г., будущее благополучие и национальное возрождение всех народов России связывает с национальным возрождением русского народа почти две трети опрошенных из всех этнических групп (61 %). Это втрое больше, чем доля лиц, не согласных с таким мнением (19 %). Экспертный опрос 2013 г. показал, что осознание ведущей роли русского народа в национальном возрождении всех народов Российской Федерации за прошедшие 10 лет еще более возросло (с 61 % в 2004 г. до 87 % в 2013 г.).

Итак, хотя в основе межнациональной напряженности лежат более глубокие социально-экономические причины, нежели сами по себе миграционные процессы, именно последние усиливают действие большинства иных причин этой напряженности.

В заключение отметим, что в анализе результатов ответов респондентов на вопрос о причинах межнациональной напряженности можно обнаружить скрытые потенциальные возможности для ослабления дестабилизирующего воздействия миграционных процессов на сферу межнациональных отношений. Во-первых, это наличие некоторого единства мнений – признание обеими сторонами, т.е. не только местными жителями, но и самими мигрантами, того факта, что миграционные процессы в их нынешнем виде представляют собой фактор обострения межнациональных отношений. Во-вторых, крайние точки зрения во взаимных претензиях местного населения и мигрантов по поводу ответственности за напряженную ситуацию в сфере межнациональных отношений во многом сглаживаются позицией старопоселенцев автономного округа, определенная часть которых способствует росту взаимопонимания между уроженцами округа и новопоселенцами. В то же время очевидно, что решение многих проблем в данной сфере зависит не только от желания и активности самого населения, но предполагает проду-

манные и целенаправленные усилия ответственных управлеченческих структур и общественных организаций.

3.6. Специфика этносоциальных процессов и этнонациональной политики в Республике Алтай

С учетом того, что этносоциальные процессы в Республике Алтай – и по своим тенденциям, и по набору актуальных проблем – значительно отличаются от подобных процессов в Новосибирской области и Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, дадим им более подробную характеристику.

Этносоциальная ситуация в Республике Алтай. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в республике проживают 206,1 тыс. чел. Всего здесь зарегистрированы представители 91 национальности, среди которых выделяются три основные (по численности) этнические группы: доминируют русские – 56,6 %, алтайцы составляют 33,9 %, казахи – 6,2 %¹. За период между двумя последними переписями (2002–2010 гг.) доля русских немного сократилась, доля алтайцев увеличилась, доля казахов почти не изменилась (с небольшим увеличением). Менее 3,2 % населения республики составляют представители коренных малочисленных народов Севера: теленгиты, тубалары, челканцы, телеуты. Кроме того, в республике проживают украинцы, немцы, армяне, татары, хакасы (в количестве менее 1 % по каждому этносу).

Этническое расселение неоднородно: в Майминском, Туровском, Усть-Коксинском, Чемальском и Чойском районах проживает в основном смешанное население со значительным преобладанием русских, в Онгудайском, Улаганском и Усть-Канском большую часть жителей составляют алтайцы, в Кош-Агачском районе преобладают казахи². Часть сел в республике моноэтничны: в некоторых проживают только (или почти только) казахи, в других – алтайцы.

---

¹ Республика Алтай. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_14s/IssWWW.exe/Stg/sibir/r_alt.htm (дата обращения 23.10.2015).

² Макошева А.А., Макошев А.П., Апенышева И.Н. Население Республики Алтай (системно-структурный анализ) // Информационные образовательные ресурсы ГАГУ. URL: <http://e-lib.gasu.ru/eposobia/makoshev/> (дата обращения 10.11.2014).

Для региона характерен приоритет внутриреспубликанской миграции над внешней: для алтайцев более актуальна не иммиграция представителей других национальностей в республику, а миграция самих алтайцев из сельских районов в столицу республики. Значительное количество мигрантов переезжают в Горно-Алтайск из сел Онгудайского, Усть-Канского, Усть-Коксинского районов.

Основу экономики республики составляют сельское хозяйство и туризм. По объему валового регионального продукта она находится на последнем месте среди регионов РФ (данные на 2013 г.)¹. На начало 2013 г. размеры начисленной заработной платы половины населения региона составляют от 5 до 15,5 тыс. руб.² Республика относится к дотационным регионам. В 2010 г. размер удельной дотации на одного человека в республике составлял 27 749 руб., что ставило регион на шестое место в стране по величине данного показателя³. В 2014 г. размер дотации вырос до 34 588 руб. на душу населения, а регион поднялся на пятое место⁴.

Свою специфику в этносоциальную ситуацию республики привносит туризм, активно развивающийся практически на всей ее территории. Особенно притягательны для туристов Чемальский и Турочакский районы, где строится большое число баз отдыха и связанных с туристическим бизнесом объектов инфраструктуры. Набирает популярность экотуризм, приверженцы которого все чаще путешествуют в самые отдаленные районы Алтая. Хотя жители республики по возможности принимают участие в обслуживании туристов, например, предлагают экскурсионное обслуживание,

¹ Валовый региональный продукт в текущих основных ценах – всего (1998–2013) // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vtp98-13.xlsx (дата обращения 24.09.2015).

² Распределение численности работников организаций по размерам начисленной заработной платы по субъектам Российской Федерации на апрель 2013 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/obsled/tabc8.xls (дата обращения 01.11.2014).

³ Балацкий Е. Финансовая несостоятельность регионов и межбюджетные отношения // Капитал страны. Федеральное интернет-издание. URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/176802> (дата обращения 10.11.2014).

⁴ Какие регионы России считаются дотационными? // Аргументы и факты. URL: <http://www.aif.ru/dontknows/eternal/1206689> (дата обращения 09.09.2015).

продают натуральные продукты собственного производства, все же туристический бизнес не является основной статьей их дохода, к тому же этот доход сильно зависит от сезонности и погодных условий. Развитие туризма в регионе сопряжено с загрязнением природы, а также с тем, что под туристические базы выкупаются большие площади земли, в том числе культурно значимые, знаковые для алтайцев места.

Хотя сохранению культуры на республиканском уровне уделяется определенное внимание (так, в Конституции республики алтайский и русский языки признаны равноправными, проводятся многочисленные алтайские праздники и т.д.), на деле культурная консолидация часто формальна. Тревожащие тенденции связаны с постепенной утратой алтайского языка: в школах алтайский язык не является обязательным предметом, учебники не переиздаются. Молодежь стремится изучать русский, а не алтайский язык, так как русский является государственным языком федерального уровня и видится молодым людям более перспективным с точки зрения возможностей получения высшего образования и трудоустройства за пределами республики. Еще более остро в регионе стоит проблема сохранения языков и культур коренных малочисленных народов: если для сохранения культуры и языка титульного алтайского этноса определенные усилия предпринимаются в том числе и на законодательном уровне, то условий для сохранения культурных особенностей челканцев, кумандинцев, тубаларов, теленгитов создано гораздо меньше.

Зафиксированная этнокультурная специфика региона была учтена при определении проблемного поля в рамках конкретных социологических исследований по проекту¹.

---

¹ В 2013 г. были проведены серия экспертовых опросов по анкете, а также свободные и полуформализованные интервью с экспертами. В качестве респондентов, всего 73 чел., выступили как представители государственной и муниципальной власти, имеющие прямое отношение к политическим решениям в области национальной политики, так и люди, имеющие активную гражданскую позицию: творческая и научная интеллигенция, работники СМИ, руководители общественных организаций. В 2014 г. проведено социологическое исследование методом массового опроса. Всего опрошено 417 жителей Республики Алтай из разных половозрастных, социально-профессиональных и этнических групп.

Актуальность национального вопроса в оценках экспертного сообщества. В рамках экспертного опроса оценивалась актуальность национального вопроса в регионе. По мнению большинства (70 %) опрошенных национальный вопрос в Республике Алтай существует, но не является острым. В то же время в масштабах России он представляется гораздо более насущным и актуальным: 56 % экспертов считают, что он требует немедленного разрешения.

Проблемы идентичности. Как показал массовый опрос, актуальность знания языка и культуры своего народа как важной составляющей этнической идентичности высока для представителей всех этнических групп Республики Алтай. От 85 до 95 % опрошенных важно, чтобы их дети знали язык и культуру своего народа.

Среди русских самый низкий процент обозначивших важность для себя этнической идентификации: каждый четвертый из опрошенных отвечал, что для него «ощущать себя представителем своего народа» вообще не важно. Актуальность этнической идентичности опрошенных алтайцев, казахов и представителей коренных малочисленных народов чрезвычайно высока: около или выше 90 %.

Отметим специфический алтайский феномен двойственной этнической идентичности. Алтайцы и родственные им этнические общности в этнографическом отношении представляют две этногруппы тюркского населения региона: северную и южную. К северным алтайцам относятся тубулары (туба-кижи), челканцы, кумандинцы, шорцы. К южным алтайцам относятся собственно алтайцы, или алтай-кижи, теленгиты, телесы, телеуты. Это определяет феномен двойственной идентичности представителей коренных малочисленных народов региона (например, человек считает себя и теленгитом, и алтайцем одновременно)¹.

Однако формального признания особых прав можно добиться лишь в результате сложной процедуры. Ее прохождение нередко подвергается общественному осуждению, поскольку подтвержденная принадлежность к коренным малочисленным народам влечет за

¹ См.: Чемчиева А.П. Алтайские субэтносы в поисках идентичности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 181; Осипов К.И., Поддубиков В.В. Демографические аспекты состояния этнокультурной среды теленгитов (по материалам полевых исследований 2013 года) // Вестник КемГУКИ. Сер. Культурология. 2014. № 29. С. 36–43.

собой определенные льготы, квоты и пр. Соответственно, возникает мнение, что человек подтверждает свою принадлежность кенным народам в корыстных целях. Как результат, признавая безусловно важным сам факт осознания своей этнической принадлежности, респонденты нередко проявляли неуверенность в ее определении в «паспортичке» анкеты, не зная, к кому себя отнести.

Для опрошенных из всех этнических групп, кроме русских, идентификация себя как жителя республики выражена сильнее, нежели идентификация как сибиряка. У русских это соотношение прямо противоположное. Кроме того, более 90 % русских заявляют о важности ощущения себя россиянином. Таким образом, для русских в Республике Алтай гражданская идентичность является наиболее выраженным и акцентированным видом идентичности. Если говорить об алтайцах и представителях малочисленных этносов, то для них наиболее важными являются этническая, республиканская и гражданская идентичности при особо выраженной этнической идентичности для алтайцев. Казахи в Республике Алтай продемонстрировали очень высокие показатели по всем видам идентичности, но особый акцент у них (почти единодушный) – на гражданской идентичности (ощущении себя россиянином).

Оценка степени напряженности межнациональных отношений. В ходе исследования 2013 г. межэтническая обстановка большинством экспертов оценивалась как спокойная. С их точки зрения, сейчас этнических конфликтов в республике практически нет, о чем говорят часто встречающиеся оценки: «разные народы, издавна населяющие земли Алтая, мирно уживаются», «национальный вопрос в регионе отсутствует либо не стоит остро». Отношения между алтайцами и русскими большинство экспертов считают стабильными и мирными, подчеркивая, что за долгое время совместного проживания народы многое переняли друг у друга. Более трети экспертов в интервью и устных беседах говорят о низком уровне конфликтности межэтнических отношений в целом в республике и в том муниципалитете, где проживает респондент. В оценке межэтнической ситуации на Алтае отмечается открытость алтайского населения; в нескольких интервью звучали слова экспертов о том, что алтайцы издавна живут в мире с другими народами.

ми, а если напряжение и есть, то оно проявляется на межличностном уровне, в бытовом взаимодействии.

В целом, анализ данных массового опроса подтверждает отмеченную экспертами установку на позитивную оценку межэтнических отношений, что заметно отличает ситуацию в Республике Алтай от ситуации в Новосибирске и Ханты-мансийском автономном округе – Югре (табл. 3.6.1). Респонденты, принявшие участие в анкетном опросе, чаще всего (79 %) оценивают отношение к людям одной с ними национальности, преобладающее в их населенном пункте, как хорошее, выбирая наивысшее значение предложенной шкалы.

Таблица 3.6.1

**Оценка состояния межнациональных отношений
в населенном пункте респондента, %**

Характер отношений	Республика Алтай	г. Новосибирск	ХМАО
Хорошие	61	24	29
Терпимые	28	46	42
Напряженные	4	20	18
Враждебные	1	3	4
Трудно сказать	6	7	7

По оценкам экспертов, национальный вопрос вызывает наибольшее беспокойство в Кош-Агачском районе, где периодически возникает напряженность и конфликты между казахским и алтайским населением. Отдельные эксперты заявляют, что ведется «борьба за власть на местном и районном уровне между казахами и алтайцами», при этом казахская диаспора консолидируется, апеллируя к исламским ценностям через посредство религиозных организаций («в Кош-Агачском районе казахское население поддерживает лиц, борющихся за власть, при этом используются религиозные организации», «казахская диаспора в последние годы ставит в приоритет исламские ценности, что поддерживается ее лидерами»).

Но результаты массового опроса не подтвердили столь критической оценки, высказанной экспертами. Так, для подавляющего большинства опрошенных в Кош-Агаче отношения к представителям своего этноса являются хорошими (77 %) и терпимыми (21 %), как и отношения между людьми разных национальностей – для 68 %

они хорошие, для 28 % – терпимые. Эти оценки достаточно близки к данным, зафиксированным в г. Горно-Алтайске и других населенных пунктах Республики Алтай, где проходил опрос (табл. 3.6.2).

Таблица 3.6.2

**Характер межнациональных отношений
в разных населенных пунктах Республики Алтай
в оценках респондентов, %**

Характер отношений	с. Кош-Агач	г. Горно-Алтайск	Другие населенные пункты РА
К людям моей национальности преобладает хорошее отношение	77	74	83
К людям моей национальности преобладает терпимое отношение	21	19	10
Между людьми разных национальностей преобладают хорошие отношения	68	57	62
Между людьми разных национальностей преобладают терпимые отношения	28	33	24

В целом маркеры напряженности межэтнических отношений, заложенные в инструментарий исследования, показали отсутствие какой-либо значимой степени этнического изоляционизма. Так, подавляющее большинство опрошенных признавались, что если бы они могли выбирать, то в качестве коллег хотели бы видеть в первую очередь деловых (90 %), а в качестве соседей – хороших (88 %) людей, признав, что именно человеческие качества определяют их выбор ближайшего окружения, а не религиозные, этнические или родственные связи.

Кроме того, иноэтничные друзья есть у 93 % респондентов и у 71 % близкие родственники состоят в браке с представителями других национальностей. Как пишет И.Н. Трошкина, «на долю семей, члены которой принадлежат к разным национальностям, на

Алтае приходится 17,5 %, в Хакасии – 16 %, в Туве – 7,3 %»¹. Таким образом, фактически зарегистрированных межэтнических браков в несколько раз меньше, чем зафиксировано нами в ответах респондентов. Данный факт, на наш взгляд, выражает готовность жителей региона воспринимать межэтнические браки как норму, как нечто естественное и само собой разумеющееся.

Значительных негативных установок по отношению к людям другой национальности не было зафиксировано ни у одной из этнических групп опрошенных. Отвечая на вопрос о вызывающих симпатию представителях определенных этнических групп, русские продемонстрировали наиболее сформированную космополитическую установку: 60 % из них не разделяют людей по этническому принципу и не выделяют особо «симпатичных национальностей». Также в ответах русских респондентов на этот вопрос часто назывались казахи и алтайцы. Для алтайских и казахских респондентов космополитическая установка имеет относительно меньшее значение: ее избрали соответственно 38 и 30 % опрошенных. Зато стоит отметить, что 27 % алтайцев симпатичны русским, а 12% – казахи. Казахи также продемонстрировали положительные установки: 19 % назвали русских вызывающими симпатии, а 24 % – алтайцев. Свою национальность в качестве симпатичной обозначили 13 % русских, 15 % алтайцев и 24 % казахов.

Оценка динамики межнациональных отношений и вероятность возникновения межэтнических конфликтов. Как показали результаты массового опроса, развитие межнациональных (межэтнических) отношений в Республике Алтай представляется большинству опрошенных стабильным. Как отмечают 45 % респондентов, за прошедшие 2–3 года отношения практически не изменились. Количество тех, кто видит динамику межэтнических отношений в позитивном ключе, в целом по массиву больше, чем тех, кто оценивает их иначе: 23 % в целом по массиву считают, что отношения улучшились (той же точки зрения придерживаются 37 % казахов), 10 % по массиву в целом говорят, что отношения ухудшились. Однако 9 % русских и казахов, 14 % алтайцев и 10 % представителей малочисленных этно-

¹ Трошкина И.Н. Население Южной Сибири // Мир науки, культуры, образования. 2013. №3 (40). С. 365.

сов отмечают ухудшение межнациональных отношений за прошедшие 2–3 года.

На вопрос о будущем развитии межнациональных отношений в Республике Алтай большая часть опрошенных (39 %) затруднились дать какой-либо определенный ответ, а 36 % считают, что межнациональные отношения останутся прежними. При этом оптимистичные оценки имеют больший относительный вес, нежели пессимистичные (табл. 3.6.3).

Таблица 3.6.3

Представление респондентов о динамике межнациональных отношений в ближайшем будущем, %

Характер отношений	Русские	Алтайцы	КМНС	Казахи
Отношения будут улучшаться	16	15	26	25
Отношения будут ухудшаться	4	10	12	3
Отношения останутся прежними	36	37	33	35
Трудно сказать	43	38	30	37

Похожую картину рисует распределение ответов опрошенных на вопрос о том, насколько вероятным им видится возникновение конфликтов на межнациональной почве в ближайшем будущем. Количество тех, кто указал, что конфликты возможны (20 %), практически равно количеству людей, уверенных в том, что конфликтов не будет (24 %). Большинство опрошенных (40 %) считают, что конфликты на межнациональной почве в их населенном пункте в ближайшем будущем маловероятны. Село Кош-Агач является более неспокойным местом: если в селах республики и в г. Горно-Алтайске лишь 19 % опрошенных прогнозируют реальную возможность возникновения конфликтов, то в Кош-Агаче таких людей 28 %.

Существенное влияние на оценку возможности возникновения конфликтов оказывает возраст респондентов: в группе молодых людей до 25 лет четверть опрошенных считают, что конфликты возможны, тогда как в остальных возрастных группах данная вероятность не превышает 18 %.

Отношение к мигрантам. Личное отношение к мигрантам у опрошенных в республике является скорее нормальным и нейтральным. Отметим выраженное положительное отношение к росту числа мигрантов со стороны казахов и акцентированное по сравнению с другими этническими группами умеренно негативное отношение у алтайцев (табл. 3.6.4).

Таблица 3.6.4

Личное отношение к росту числа мигрантов, %

Отношение	Русские	Алтайцы	КМНС	Казахи
Положительное	13	13	12	29
Нормальное	23	18	17	21
Нейтральное	35	29	37	23
Отрицательное	14	22	12	8
Негативное	8	9	2	1
Другой ответ	6	10	20	18

В опроснике (анкете) личное отношение респондента к росту числа мигрантов было дополнено просьбой оценить общее отношение к мигрантам со стороны местного населения. Анализ ответов на данный вопрос показал, что в суждениях «со стороны» респонденты чаще заявляли о нейтральном или положительном отношении к мигрантам

Таблица 3.6.5

Оценка респондентами существующего отношения населения к мигрантам, %

Отношение	Русские	Алтайцы	Казахи	КМНС	Всего
К мигрантам относятся в целом положительно	15	12	26	29	19
К мигрантам относятся нейтрально	30	23	16	20	22
К мигрантам относятся негативно	5	8	1	2	5
Отношение к мигрантам зависит от ситуации	35	41	30	22	35
Трудно сказать	14	17	27	27	19

в их населенном пункте (а также об отношении, сформированном условиями конкретной ситуации взаимодействия с мигрантом). Негативных оценок было зафиксировано крайне мало, даже меньше, чем при оценке личного отношения к мигрантам (табл. 3.6.5).

По данным экспертного опроса, возможный негатив со стороны местного населения по отношению к мигрантам может быть вызван тем, что социальная активность мигрантов скорее направлена на внутргрупповую консолидацию, нежели навстречу принимающему сообществу. В представлении экспертов, мигранты предстают мобильной (это качество отметили 25 % опрошенных) и сплоченной (актуально для 48 % экспертов) группой, чем отличаются от «разрозненного» местного населения. При этом, по мнению 39 % экспертов, мигранты испытывают сложности, связанные с процессом адаптации, которые могут объясняться их нежеланием встраиваться в новую среду.

Кроме того, хотя большое число экспертов (79 %) констатируют, что только мигранты соглашаются работать там, где отказывается местное население, а также дешево и качественно выполняют бытовые услуги (с этим согласны 19 %), в ответах экспертов также прозвучали некоторые негативные оценки, связанные с представлениями о мигрантах: 27 % считают, что мигранты неуважительно относятся к местным традициям, 19 % – что они обостряют межнациональные отношения, 14 % – занимаются незаконным бизнесом и способствуют росту преступности.

По мнению экспертов, для успешной адаптации мигрантов в Республике Алтай прежде всего необходимо способствовать изучению ими русского языка (70 %) и традиций коренных народов (60 %). Такие меры, как знакомство с традициями русского народа, изучение основ православной культуры или знание истории республики и ее выдающихся жителей, представляются экспертом менее актуальным.

Степень удовлетворенности опрошенных разными сторонами жизни. Больше половины опрошенных (60,1 %) вполне удовлетворены своей жизнью. Подавляющее большинство таковых находится в группе опрошенных до 25 лет, а наиболее высокий процент тех, кто не вполне доволен или совсем не доволен жизнью, в группе людей старше 60 лет. Кроме того, женщины несколько более критичны в оценке удовлетворенности своей жизнью, нежели мужчины.

Казахи продемонстрировали высокий уровень удовлетворенности жизнью (72 %), а русские, представители малочисленных народов и алтайцы были более сдержаны в оценке (от 50 до 65 % удовлетворенных и от 25 до 32 % не совсем удовлетворенных жизнью).

Более половины опрошенных довольны своими жилищными условиями (66 %), содержанием своей работы (50 %) и работой учреждений образования (51 %). К самым «болезненным точкам» относится уровень доходов респондентов: им довольны 32 %, не совсем довольны 38 % и не довольны 25 %. При этом большинство опрошенных субъективно оценили свой достаток как средний (58 %), а четверть алтайцев и русских считают себя малоимущими. Медицинским обслуживанием довольны 39 %, не совсем довольны – 33 %, не довольны – 23 %.

Работой местных органов власти довольны 32 %, не совсем довольны – 37 % и не довольны – 21 %. При этом наибольшее число недовольных этим оказалось среди русских (не совсем довольны – 45 %, не довольны – 21 %) и алтайских респондентов (не совсем довольны 38 %, не довольны – 29 %), а также опрошенных из числа малочисленных этносов (не совсем довольны – 32 %, не довольны – 23 %).

Таким образом, при достаточно большом количестве тех, кто в целом удовлетворен своей жизнью, можно обозначить несколько конкретных сторон жизни, вызывающих недовольство значительной части населения: это уровень доходов, медицинское обслуживание и работа местных органов власти.

Оценка респондентами отношения к себе со стороны ближнего и дальнего окружения. Диагностика взаимоотношений респондентов со своим окружением дает понять, что как в ближнем, так и в дальнем радиусе взаимодействий респондентов преобладает благоприятная среда. Так, отношение к себе со стороны коллег по работе, начальства и соседей респонденты оценивают как хорошие и нормальные с преобладанием первой характеристики, а отношение со стороны других жителей для 52 % является нормальным, а для 40 % – хорошим. О негативном отношении к себе респонденты сообщали крайне редко: недружелюбное отношение в перечисленных социальных средах встречают от 1 до 3,5% опрошенных, конфликтное – от 0,2 до 2 %.

Актуальные проблемы и уровень удовлетворенности разными сторонами жизни представителей коренных малочисленных народов. Социальное самочувствие респондентов из этих народов в целом позитивно: вполне удовлетворены своей жизнью 65 %, не совсем довольны – 26 %, недовольные отсутствуют. Наибольшую неудовлетворенность у них вызывают уровень доходов и работа местных органов власти (табл. 3.6.6).

Таблица 3.6.6

Уровень удовлетворенности представителей коренных малочисленных народов разными сторонами жизни, %

Стороны жизни	Довольны	Не совсем довольны	Не довольны
Уровень доходов	30	37	30
Медицинское обслуживание	59	21	16
Работа местных органов власти	34	32	23
Жилищные условия	69	21	7

В числе проблем, обозначенных представителями коренных малочисленных народов в качестве наиболее актуальных, находятся сохранение и развитие родного языка и традиционной среды

Таблица 3.6.7

Проблемы, обозначенные представителями КМНС как наиболее актуальные для их сохранения и развития, %

Проблемы	
Сохранение и развитие родного языка	81
Сохранение традиционной природной среды обитания	54
Предоставление льгот и распределение материальных благ по национальному признаку	49
Улучшение условий жизни всех жителей республики	42
Борьба с алкоголизмом	37
Увеличение численности представительства коренных малочисленных народов в органах власти и местного самоуправления	30
Решение демографической проблемы путем возрождения семейных ценностей и роста рождаемости	23
Возрождение традиционных религиозных верований	21

обитания. Закономерно, что для представителей данной группы в число наиболее важных вошла и проблема, связанная с необходимостью паритетного предоставления определенных, официально утвержденных льгот по национальному признаку. Примечательно, что обозначенные вопросы по своей злободневности стоят выше проблемы, связанной с алкоголизмом (необходимость борьбы с ним отметили 37 % опрошенных), и важности улучшения условий жизни всех жителей республики (42 %) (табл. 3.6.7).

Результаты исследования позволяют зафиксировать высокую степень гражданской инициативности представителей малочисленных этносов. Они достаточно активно включаются в деятельность различных общественных организаций, представляющих интересы их народов: в полном объеме и периодически в работе таких организаций участвуют более 70 % опрошенных (табл. 3.6.8).

Таблица 3.6.8

Степень вовлеченности в работу общественных организаций, представляющих интересы малочисленных народов, в % от числа ответивших представителей КМНС

Степень вовлеченности в работу общественных организаций	
Активно участвуют в работе общественных организаций	43
Иногда участвуют в работе общественных организаций	36
Не участвуют, но хотели бы принять участие в работе общественных организаций	12
Не участвуют и не хотят принимать участие в работе общественных организаций	10

Уровень патерналистских ожиданий остается чрезвычайно высоким. Среди опрошенных в Республике Алтай представителей коренных малочисленных народов не нашлось ни одного человека, который бы считал, что дополнительные меры поддержки со стороны государства не нужны. За исключением затруднившихся ответить и предложивших свой вариант ответа, оставшиеся – 83,7 % – заявили о необходимости такой поддержки со стороны государства. В то же время следует заметить, что данный факт свидетельствует не только о высоком уровне патерналистских установок в среде данных народов, но и выражает наличие серьезных проблем,

решение которых невозможно без активного подключения ресурсов государственного управления.

Больше половины русских и казахских респондентов считают, что будущему малочисленных этносов ничто не угрожает. Но 51 % алтайцев считают, что их будущее находится под угрозой. Мнения представителей самих малочисленных народов разделились между предложенными ответами практически поровну: 30 % считают, что их будущему ничего не угрожает, еще треть опрошенных придерживаются противоположной оценки (будущее находится под угрозой) и треть опрошенных затруднились предположить, что их ждет в будущем. По-видимому, удовлетворенность своей жизнью в настоящем и неясность будущего демонстрируют ориентацию «живь сегодняшним днем».

Оценка, задачи и приоритеты национальной политики в Республике Алтай в представлении жителей. По вопросу о том, насколько национальная политика в Республике Алтай в настоящее время является последовательной и эффективной, мнения экспертов разделились. Почти половина полагает, что такой политики практически нет, но в то же время значительное число – 38 % экспертов считают, что такая политика все же реализуется.

По результатам массового опроса выявлена оценка отношения местных властей к представителям разных народов, а также рассмотрены меры, которые, по мнению жителей, необходимо принять местным властям для улучшения национальной политики.

Среди русского населения половина опрошенных считают, что власть относится ко всем одинаково доброжелательно (54 %). Среди казахов 58 % ощущают доброжелательное отношение со стороны властей ко всем, вне зависимости от национальности. Хотя среди представителей малочисленных этносов и алтайцев доля людей, придерживающихся этого же мнения, также высока (43–44 %), было зафиксировано значительное число тех, кто считает, что представителям их национальности уделяется недостаточное внимание (25 % среди алтайцев и 33 % среди представителей малочисленных народов).

Не случайно в ответах экспертов зафиксировано недовольство дисбалансом представленности разных национальностей во властных структурах республиканского уровня, где, с точки зрения экс-

пертов, в них в основном доминируют представители алтайского этноса. Наличие ситуаций, связанных с доминированием лиц одной национальности в ключевых сферах деятельности, на отдельных предприятиях, в организациях, в органах власти и управления, вызывает беспокойство у 85 % экспертов: 39 % из них считают, что такая ситуация имеет место, еще 46 % полагают, что она присутствует, но незначительно, точечно. Борьба за власть на разных уровнях, по мнению 58 % экспертов, вызывает напряженность в отношениях между людьми разных национальностей. Среди других ее причин называются неуважение к национально-культурным особенностям представителей тех или иных народов (39 %), несовершенство национальной политики (38 %), борьбу за особо престижные рабочие места (33 %).

Рассуждая о специфике национальной политики, которая сложилась в Республике Алтай к настоящему времени, 68 % экспертов сошлись во мнении, что в ней доминируют такие черты, как усиление регионального патриотизма с сохранением местных национально-культурных различий и избирательная поддержка отдельных этнических групп. Значительное число опрошенных (30 %) считают, что те же самые черты будут сохранены и в будущем. Несколько большее количество экспертов (38 %) полагают, что в дальнейшем произойдет отход от регионального акцента в сторону общегосударственного: модель региональной политики, по их мнению, будет характеризоваться усилением гражданского, общероссийского патриотизма и ослаблением национальных различий. В то же время анализ результатов опроса показал и значительное число (30 %) тех, кто считает, что в будущем для национальной политики будут характерны тенденции, связанные с включенностью в процессы глобализации, интернационализации и космополитизации с относительным безразличием к этничности. Одна из целей такой политики – формирование мультикультурного регионального сообщества.

В целом опрос показал, что желательным для преобладающего количества респондентов (48 %) является акцентирование регионального аспекта в национальной политике, то есть сохранение локальных национальных и культурных различий и усиление регио-

нального патриотизма наряду с общероссийским гражданским патриотизмом.

Проблемы реализации Стратегии государственной национальной политики в Республике Алтай. Анализ нормативно-правовых актов правительства Республики Алтай показал актуальность для региональных органов власти вопроса гармонизации межнациональных отношений и реализации в республике Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. Несмотря на то, что в целом межнациональная обстановка в регионе оценивается как стабильная и спокойная, органы власти республики в рамках своей деятельности прилагают определенные усилия, направленные на дальнейшую стабилизацию и упрочение межнационального, межрелигиозного согласия в регионе. Показательны в этом отношении слова главы Республики Алтай в годовом отчете о результатах деятельности своего правительства за 2011 г.: «Всегда говорил и сегодня подчеркну, что главное наше достижение, позволяющее нам и развиваться, и сохранять статус республики – это стабильная общественно-политическая ситуация, это межнациональный мир, согласие, мирное сосуществование, основанное на взаимопонимании и взаимоуважении, которое традиционно существует между народами, живущими на территории Республики Алтай»¹. Вместе с тем установки по реализации Стратегии национальной политики в регионе напрямую ориентированы на поддержание и упрочение межнационального согласия в политэтническом регионе. В частности, пресс-служба Госсобрания Республики Алтай 30 октября 2013 г. цитирует слова председателя Государственного собрания – Эл Курултай Республики Алтай И.И. Белекова: «Мы живем в многонациональной республике, и даже думать о провале национальной политики не имеем права. Этот вопрос должен быть на контроле у власти. Пускать его на самотек просто непозволительно. <...> Работу по формированию здорового межэтнического

---

¹ Отчет главы Республики Алтай, председателя правительства Республики Алтай о результатах деятельности правительства Республики Алтай за 2011 год. URL: <http://www.gov.altai-republic.ru/index.php?name=Sections&req=viewarticle&artid=247> (дата обращения 24.09.2015).

ческого взаимодействия в республике необходимо усилить на местах и создать систему мониторинга межнациональных отношений»¹.

Органами власти Республики Алтай предпринимается ряд шагов в целях улучшения межнациональной и межконфессиональной обстановки. Один из них – создание в августе 2012 г. при главе республики и под его руководством Совета по межнациональным отношениям. В его состав вошли заинтересованные в соответствующей деятельности лица, в том числе лидеры национальных организаций, руководители силовых структур, министерств и ведомств республики.

22 апреля 2013 г. принято постановление «Об утверждении системы мониторинга и оперативного реагирования на проявления религиозного и национального экстремизма в Республике Алтай и плана мероприятий по профилактике экстремизма на территории Республики Алтай». Разработан план мероприятий по реализации в 2013–2015 гг. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Республике Алтай².

В 2014 г. создан Комитет по информационной политике, межнациональным отношениям и связям с общественностью Республики Алтай. Одной из его основных задач является обеспечение реализации государственной политики в установленной сфере деятельности на территории Республики Алтай, обеспечивающей необходимые условия для укрепления гражданского единства, сохранения этнокультурной самобытности народов, сочетания государственных интересов и интересов народов, развития их национальных языков и культур.

В структуре Государственного собрания – Эл Курултай (парламента) Республики Алтай функционирует Комитет по законодательству и национальной политике. К его ведению отнесены вопросы реализации государственной национальной политики, участия в проведении единой политики в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, разработки предложений по

¹ Центр изучения региональных проблем. URL: <http://www.rf-region.ru/news/1459.htm> (дата обращения 24.09.2015)

² План утвержден распоряжением правительства Республики Алтай от 1 ноября 2013 года №712-р.

совершенствованию нормативной правовой базы в области национальной политики в регионе.

Важным для решения проблем развития малочисленных народов является Указ главы Республики Алтай от 25 апреля 2015 г. о введении должности Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов.

Остановимся подробнее на содержании двух значимых в контексте исследуемой проблематики событий регионального уровня, которые иллюстрируют основные установки структур власти в области национальной политики. Речь идет, во-первых, о Круглом столе по теме «О ходе реализации в Республике Алтай Указа Президента Российской Федерации “О стратегии государственной национальной политики до 2025 года”» (май 2015 г.). Круглый стол был организован Комитетом Государственного собрания – Эл Курултай Республики Алтай по законодательству и национальной политике. В его работе приняли участие члены правительства, депутаты Государственного собрания – Эл Курултай, представители научного сообщества, правоохранительных органов и общественных организаций, зарегистрированных и действующих на территории республики. Участники мероприятия высказали предложения по совершенствованию государственного управления в сфере национальной политики, сохранению языка и культуры народов, проживающих в республике¹.

Второе событие, значимое в контексте проблематики событий регионального уровня, – это выездное заседание Комитета Государственного собрания – Эл Курултай Республики Алтай по вопросам законодательства и национальной политики, прошедшее в Чойском районе республики (июнь 2015 г.). Оно было посвящено проблемам, связанным с повышением качества жизни представителей коренных малочисленных народов и со знанием родного языка. В частности, А.С. Тодажокова в своем докладе отметила, что положение этих народов на данный момент находится в тяжелом со-

---

¹ Управление Министерства юстиции РФ по Республике Алтай. Об участии в Круглом столе на тему «О ходе реализации в Республике Алтай указа Президента Российской Федерации “О стратегии государственной национальной политики до 2025 года”». URL: <http://to02.minjust.ru/ru/press/news/obuchastii-v-kruglom-stole-na-temu-o-hode-realizacii-v-respublike-altay-ukaza-prezidenta> (дата обращения 24.09.2015).

стоянии: имеются проблемы в начислении пенсий, остается нерешенным вопрос права свободной охоты в целях личного потребления «В отдаленных селах практически отсутствует возможность заработка, поэтому охота и промысел зачастую являются единственными средствами выживания. Но в то же время вопрос об охоте остается весьма спорным, требующим детального подхода и рассмотрения»¹.

Языковая политика на региональном уровне. На данном мероприятии также было отмечено, что одной из основных проблем в регионе является проблема знания коренным населением родного языка. Выдвинуто предложение ввести изучение алтайского языка в общеобразовательных школах Республики Алтай наравне с другими предметами². Главам муниципальных образований рекомендовано рассмотреть возможности выделения средств из местных бюджетов на поддержку и развитие родовых хозяйств и общин, расположенных на территории проживания малочисленных народов. Рекомендовалось на более качественный уровень поднять реализацию мероприятий по сохранению и пропаганде культурного наследия данных народов³.

На республиканском уровне обсуждается вопрос о необходимости введения алтайского языка в качестве обязательного в рамках школьной программы. В частности, в своем докладе на Круглом столе, о котором речь шла выше, председатель Государственного собрания – Эл Курултай Республики Алтай И.И. Белеков отметил: «Два года пришлось отстаивать конституционные нормы, касающиеся второго государственного языка, в части национально-регионального аспекта государственно-образовательного стандарта. Теперь в Конституции Республики Алтай вопросы преподава-

---

¹ В Чойском районе прошло выездное заседание Комитета Государственного собрания – Эл Курултай Республики Алтай по вопросам законодательства и национальной политики // Сайт Администрации Чойского района РА. URL: <http://xn----8sbwdbcc3abh9e.xn--p1ai/index.php/2012-03-28-08-40-57/2333-v-chojskom-rajone-proshlo-vyezdnoe-zasedanie-komiteta-gosudarstvennogo-sobraniya-el-kurultaj-respubliki-alтай-po-voprosam-zakonodatelstva-i-natsionalnoj-politike> (дата обращения 24.09.2015).

² Там же.

³ Там же.

ния алтайского языка представлены в обновленном виде в соответствии с федеральным законодательством»¹.

Министр образования и науки Республики Алтай А.В. Бондаренко сообщил, что учебные предметы «Алтайский язык», «Алтайская литература» преподают 184 педагога в 120 из 183 общеобразовательных учреждений Республики Алтай. Доля изучающих эти предметы составляет 34 % от общего числа обучающихся (10 655 чел.). Во всех общеобразовательных учреждениях республики с 6 по 9 класс преподается учебный предмет «История Горного Алтая». В рамках ведомственной целевой программы «Развитие алтайского языка» на 2013–2015 гг. отработан механизм подготовки и издания учебно-методических комплексов по региональным предметам. В 2014/2015 учебном году уровень обеспеченности школьными учебниками по алтайскому языку в общеобразовательных учреждениях республики составил 93,4 %, алтайской литературе – 98,4 %, истории и культуре Горного Алтая – 96 %. Уровень обеспеченности образовательного процесса методическими пособиями по алтайскому языку, литературе и этнокультурной составляющей содержания общего образования в общеобразовательных учреждениях составил 89 %².

На Круглом столе заместитель председателя Комитета Государственного собрания – Эл Курултай Республики Алтай по образованию, культуре, спорту, молодежной политике, общественным объединениям и средствам массовой информации У.А. Альпимов акцентировал необходимость обучения детей казахской национальности родному языку в школах Горно-Алтайска, отметив, что в районах, где проживает казахское население, этот вопрос уже решен. А руководитель общественного движения «Курултай алтай-

---

¹ О ходе реализации в Республике Алтай указа Президента Российской Федерации «О стратегии государственной национальной политики до 2025 года» // Офиц. сайт Государственного собрания – Эл Курултай Республики Алтай. URL: http://elkurultay.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3633:1-1-2025-r-26052015-&catid=281:q-6-&Itemid=127 (дата обращения 26.05.2015).

² О ходе реализации в Республике Алтай указа Президента Российской Федерации «О стратегии государственной национальной политики до 2025 года»...

ского народа» Б. Бедюров в своем докладе отметил, что считает укрепление позиций русского языка важным региональным приоритетом проведения единой национальной политики страны.

Отдельным направлением деятельности органов власти региона в рамках реализации языковой политики как части национальной политики является процесс создания и регулирования свода правил для алтайских наименований географических объектов. Председатель Комитета по законодательству и национальной политике В.В. Ромашкин отметил: «В Республике Алтай одной из проблем в этой сфере является нормализация географических названий, в том числе и населенных пунктов, имеющих первоначальное название на алтайском языке. Существуют определенные трудности передачи алтайских названий на русском языке, особенно тех, в которых используются звуки, не имеющие буквенного обозначения в русском языке. <...> В соответствии с Федеральным законом «О наименовании географических объектов» нормализация наименований географических объектов на других языках народов Российской Федерации (кроме русского) осуществляется в соответствии с правилами и традициями употребления наименований географических объектов на указанных языках. Поэтому необходимо разработать данные Правила для алтайских наименований географических объектов»¹.

Мониторинг состояния межнациональных (межэтнических) отношений в регионе. Министерство культуры Республики Алтай, в ведение которого входят вопросы национальной политики, тесно сотрудничает с республиканским научным центром – Научно-исследовательским институтом алтайстики им. С.С. Суразакова. В частности, ими заключен договор о проведении институтом мониторинга состояния межнациональных (межэтнических) отношений. Результатом работы его сотрудников под руководством Н.В. Екеева стало изучение межконфессиональных и межэтнических отношений в Турочакском, Онгудайском, Усть-Коксинском и Кош-Агачском районах и в г. Горно-Алтайске. Значимым резуль-

¹ Выступление В.В. Ромашкина на круглом столе «О ходе реализации в Республике Алтай указа Президента Российской Федерации “О стратегии государственной национальной политики до 2025 года”» (26 мая 2015 г.). URL: http://elkurultay.ru/index.php?option=com_jalendar&view=articles&year=2015&month=7&day=23

татом исследования представляется вывод об отсутствии потенциальной угрозы возникновения межэтнических и межконфессиональных конфликтов в обследованных районах.

К аналогичным выводам в своем докладе на отмеченном выше Круглом столе пришел действующий на тот момент председатель Комитета по информационной политике, межнациональным отношениям и связям с общественностью В.С. Торбоков. Он отметил, что «проведенные исследования о наличии очагов межнациональных, межконфессиональных конфликтов на территории республики показали, что потенциальная угроза возникновения межэтнических, межнациональных конфликтов в республике отсутствует, однако имеются локальные очаги напряженности, главным образом в сфере межконфессиональных отношений, вызванные отдельными случаями явного конфликта и скрытого противостояния между представителями разных религий и конфессий, в частности, бурханистами и так называемыми “беловерцами” Онгудайского района»¹.

Отметим, что и правительство Республики Алтай совместно с правоохранительными органами ведет постоянный мониторинг возможных межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Для этой цели принято постановление от 22 апреля 2013 г. «Об утверждении системы мониторинга и оперативного реагирования на проявления религиозного и национального экстремизма в Республике Алтай и плана мероприятий по профилактике экстремизма на территории Республики Алтай».

Координация деятельности некоммерческих организаций, созданных по национальному принципу, с органами власти региона. Наряду с Министерством культуры ряд других органов федеральной и региональной власти Республики Алтай имеет отношение к решению вопросов в сфере национальной политики. Одним из таких органов является отдел по делам некоммерческих организаций, контролю и надзору в сфере адвокатуры, нотариата, государственной регистрации актов гражданского состояния Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Ал-

---

¹ О ходе реализации в Республике Алтай указа Президента Российской Федерации «О стратегии государственной национальной политики до 2025 года»...

тай. В частности, в ведении данного отдела находится деятельность некоммерческих организаций, созданных по национальному признаку. В ведомственном реестре Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Алтай зарегистрированы 66 таких организаций. Общественные объединения, созданные по национальному признаку, и общины коренных малочисленных народов, зарегистрированные на территории республики, объединяют представителей следующих этносов: алтайцев, казахов, тубаларов, теленгитов, челканцев, кумандинцев, армян, узбеков, поляков. Существующие на территории республики национальные общественные объединения можно разделить на две группы. Деятельность первой направлена на сохранение этнической индивидуальности, культурных традиций конкретных этнических групп. Примером таких объединений могут служить региональное общественное движение «Курултай алтайского народа», региональная общественная организация «Союз алтайского народа», региональная общественная организация «Конгресс алтайского народа», местная общественная организация казахов Кош-Агачского района «Курултай (собрание) казахов Кош-Агачского района», местная общественная национально-культурная организация казахов города Горно-Алтайска «Таулы Алтай» (Горный Алтай).

Деятельность же второй группы национальных некоммерческих организаций посвящена культурному и информационному обмену между представителями различных национальностей с целью стабилизации межнациональных отношений и предотвращения межэтнических конфликтов. Это, например, ассоциация «Алтайско-японский культурный центр “Кин” (“Сокровище”)», Алтайская республиканская общественная организация «Польское национально-культурное объединение “Здруй” (“Родник”)», региональная общественная организация «Совет узбекских диаспор» Республики Алтай.

С точки зрения главного специалиста данного отдела Е.В. Аникиной, признаков экстремизма в деятельности национальных некоммерческих организаций, зарегистрированных на территории Республики Алтай, не выявлено. Основными видами деятельности этих организаций являются проведение национальных праздников (творческие номера на национальных языках с использованием национальных костюмов, музыкальных инструментов, приготовлением нацио-

нальных блюд), организация поездок соотечественников на историческую родину, обучение родному языку, организация кружков для обучения национальным ремеслам, организация соревнований по национальным видам спорта, работа с молодежью с целью привлечения к национальной культуре¹.

Контроль за миграционными потоками в регионе. Стоит отметить также деятельность Центра противодействия экстремизму Министерства внутренних дел по Республике Алтай. В ведении центра находится контроль за миграционными потоками. Начальник Центра А.С. Попов отметил в докладе на Круглом столе, что количество мигрантов, прибывающих в регион как из других субъектов Российской Федерации, так и из стран ближнего и дальнего зарубежья, незначительно снизилось по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Так, за истекший период 2015 г. на территорию Республики Алтай прибыло 2 733 человека (–3,15 %). Важным представляется замечание А.С. Попова, что в результате проведенных оперативно-профилактических мероприятий в текущем периоде 2015 г. преступлений, совершенных участниками диаспор и землячеств на национальной почве, имеющих общественный резонанс, не допущено. Деятельность экстремистских молодежных организаций на территории Республики Алтай не установлена. В текущем периоде 2015 г. насильственных преступлений по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, а также массовых беспорядков, имеющих широкий общественный резонанс, на территории Республики Алтай не зарегистрировано.

Организация национально-культурных мероприятий. Стоит отметить основные направления деятельности органов власти республики по упрочению межнационального согласия. В регионе регулярно проводятся мероприятия, цель которых – этнокультурное обогащение и консолидация. К ним принадлежат Международный курултай сказителей, Межрегиональный фестиваль русского народного творчества «Родники Алтая», Республиканский народный праздник «Тюрюк-Байрам – праздник кедра», Международный те-

---

¹ О ходе реализации в Республике Алтай указа Президента Российской Федерации «О стратегии государственной национальной политики до 2025 года»...

атральный кочевой фестиваль «Желанный берег», «Легенды синего неба – Кок Тенгри» и др. Также регулярно проводятся мероприятия, приуроченные к годовщинам получения регионом статуса республики, добровольного вхождения алтайского народа в состав Российской государства.

Председатель Государственного собрания – Эл Курултай Республики Алтай И.И. Белеков также отметил в своем выступлении на Круглом столе значимость праздничных мероприятий для благоприятного существования представителей различных этносов в регионе. Он напомнил, что парламентом РА в свое время были принятые постановления о Дне русского языка в Республике Алтай (6 июня, в день рождения Пушкина) и о праздновании Дня алтайского языка. В закон «О памятных датах и праздниках Республики Алтай» включены такие праздники, как Чагаа-Байрам, Наурыз, Масленница, праздник Купальской ночи, Эл-Ойын¹.

Работа музеев. Еще одним направлением деятельности правительственные органы Республики Алтай по сохранению культурного наследия является курирование работы музеев. В первую очередь следует назвать Национальный музей имени А.В. Анохина, который был награжден Почетным знаком «За активную работу по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации» и включен в национальный реестр «Ведущие учреждения культуры России». Также на территории региона функционирует целый ряд музеев культуры народов, населяющих Республику Алтай. Это такие музеи, как Музей казахов Алтая в с. Жана-Аул МО «Кош-Агачский район» с республиканским статусом, Краеведческий музей имени И.В. Шодоева в с. Усть-Кан МО «Усть-Канский район», Музей-усадьба Г.И. Чорос-Гуркина в с. Анос МО «Чемальский район», Музей алтайского сказителя Н.У. Улагашева в с. Паспаул МО «Чойский район», Музей старообрядцев Алтая имени Н.К. Рериха в с. Верх-Уймон МО «Усть-Коксинский район».

Развитие национальных видов спорта на территории Республики Алтай. На упоминаемом выше Круглом столе председатель Комитета по молодежной политике, физической культуре и спорту Республики Алтай В.Б. Челчушев отметил, что считает ярким при-

¹ Там же.

мером всестороннего сотрудничества народов республики развитие национальных видов спорта. «В настоящее время на территории Республики Алтай получили развитие национальные виды спорта, имеющие утвержденные правила соревнований: ok jaa (стрельба из лука), алтай шатра, гиревой спорт, алтай куреш, кок-бору, самбо, поднятие камня, городошный спорт, конные скачки и камчи. В спортивную часть масштабных республиканских мероприятий Эл-Ойын, Тюрук-байрам, Родники Алтая, Наурыз также включены соревнования по национальным видам спорта, что служит сохранению и развитию культур и языков народов Республики Алтай, укреплению их духовной общности. Сегодня в республике национальными видами спорта занимаются 2 400 человек»¹.

Поддержка национально-культурных и некоммерческих общественных объединений. Правительством Республики Алтай также оказывается различная поддержка общественным объединениям региона: выделяются офисные помещения, в частности, для Ассоциации коренных малочисленных народов Республики Алтай, Курултая алтайского народа, АРО «Сибирское казачье общество» и др. На постоянной основе правительство Республики Алтай оказывает государственную поддержку членам республиканской Общественной палаты. Так, в рамках ВЦП «Государственная поддержка национально-культурных и некоммерческих общественных объединений как важнейшее условие построения гражданского общества в Республике Алтай» на 2013–2015 гг. в текущем году выделено 400 тыс. рублей на организационно-техническое обеспечение деятельности палаты. Для палаты выделено отдельное помещение с залом заседаний, на постоянной основе выделяется автотранспорт для организации мероприятий и решения текущих вопросов².

---

¹ О ходе реализации в Республике Алтай указа Президента Российской Федерации «О стратегии государственной национальной политики до 2025 года»...

² Подробнее см.: О координации деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления с этнокультурными объединениями и средствами массовой информации, направленной на оперативное урегулирование потенциально конфликтных ситуаций в межнациональных отношениях // Офиц. сайт правительства Республики Алтай. URL: <http://www.gov.altai-republic.ru/modules.php?op=modload&name=Sections&file=index&req=viewarticle&artid=452&page=1> (дата обращения 24.09.2015).

Актуальные проблемы и перспективные направления деятельности органов власти в регионе. Остановимся подробнее на «болевых точках» в рамках реализации национальной политики в регионе и ключевых векторах деятельности органов власти.

Одной из таких проблем является отмеченная ранее двойственная идентичность представителей коренных малочисленных народов. Председатель Государственного собрания – Эл Курултай Республики Алтай И.И. Белеков оценил на Круглом столе это явление как закоренелую проблему внутриэтнического единства алтайского народа, отметив, что в республике действует специальная госпрограмма: челканцы и тубалары, оставаясь в списке коренных малочисленных народов, являются субэтносами алтайского народа¹. Эта ситуация требует особого внимания властей региона.

В числе наиболее актуальных проблем, озвученных на Круглом столе, был отмечен недостаток в муниципальных образованиях специалистов, ответственных за решение этноконфессиональных вопросов. Таким образом, одним из приоритетных направлений деятельности в рамках реализации национальной политики является подготовка кадров.

Кроме того, как представляется, действенной мерой профилактики национальной нетерпимости является гражданское и патриотическое воспитание молодежи, и в данном направлении работа также ведется: организуются военно-спортивные и военно-патриотические клубы, кружки военно-технического творчества. В целях создания целостной системы непрерывного обучения родному (алтайскому) языку в республике начата работа по реализации Дорожной карты (утверженной приказом Министерства образования, науки и молодежной политики Республики Алтай от 1 сентября 2014 г.) по обеспечению условий для открытия национальных (алтайских) групп в дошкольных организациях².

¹ О ходе реализации в Республике Алтай указа Президента Российской Федерации «О стратегии государственной национальной политики до 2025 года»....

² Из доклада министра образования Республики Алтай А.В. Бондаренко // Офиц. сайт Государственного собрания – Эл Курултай Республики Алтай. URL: http://elkurultay.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3633:1-l-2025-r-26052015-&catid=281:q-6-&Itemid=127 (дата обращения 24.09.2015)

Стоит также отметить геополитический контекст, в рамках которого национальная политика реализуется на региональном уровне. Как считает председатель Государственного собрания – Эл Курултай Республики Алтай И.И. Белеков, укрепление межкультурного евразийского пространства должно подразумеваться не только в рамках постсоветского пространства, но и внутри самой России. На территории Российской Федерации, состоящей из множества народов, должен быть построен межкультурный диалог и цивилизационное культурное пространство. В связи с этим в рамках указанного Круглого стола председатель Госсобрания – Эл Курултай внес предложение изучить вопрос о создании Евразийского этнического союза Республики Алтай как организации межэтнического сотрудничества регионального уровня¹.

Обобщая, можно заключить, что Республика Алтай в настоящее время является достаточно стабильным регионом в плане межнациональных отношений. Вопросы национальной политики находятся в фокусе постоянного внимания республиканских органов власти, которые в своей работе, с одной стороны, ориентируются на определенные в Стратегии государственной национальной политики РФ целевые установки, с другой стороны, исходят из региональных особенностей этносоциальной ситуации. В числе важных перспективных направлений национальной политики можно выделить укрепления межэтнического сотрудничества на территории республики, осуществление более эффективных практических мер по сохранению культуры и развитию коренных малочисленных народов, гражданско-патриотическому воспитанию молодежи, пополнению кадрового состава органов власти грамотными специалистами в вопросах национальной политики. С геополитической точки зрения важное значение имеет укрепление позиций Республики Алтай в евразийском экономическом и социокультурном пространстве.

---

¹ В Горном Алтае определились с основами национальной политики // Информационное агентство REGNUM. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1930030.html> (дата обращения 24.09.2015).

3.7. Динамика этнически смешанных семей в Сибирском федеральном округе

Этнически смешанная (национально-смешанная) семья является очевидным продуктом межэтнических отношений и характеризует устойчивое взаимодействие носителей двух, а порой и нескольких этнокультур. Наряду с этнически однородными семьями она участвует в трансмиссии этнокультурных традиций, формировании у молодого поколения этнического самосознания и системы базисных ценностей.

На формирование этнически смешанных семей оказывают влияние многие факторы, в том числе тип расселения людей, уровень брачности, национальные традиции и обычаи, интенсивность миграционных процессов. Последние, способствуя интеграции народов, как правило, способствуют увеличению этнически разнородных семейных ячеек за счет того, что национальная и половозрастная структура мигрантов зачастую отличается от подобных структур коренного населения¹.

Образование этнически смешанных семей обусловлено не только особенностями межэтнических взаимодействий в конкретном регионе, но и общей демографической ситуацией в стране. На этот процесс серьезное влияние оказывают также разные направления политики государства, эффективность которой в конечном итоге определяется тем, насколько благоприятные условия создаются в обществе для воспроизведения населения.

Семейная политика в нашей стране в основном отождествляется с социальной защитой, регулированием семейно-брачных отношений. Она направлена на стабилизацию и улучшение качества жизни семей и отдельных ее членов. Однако для ее успешной реализации часто не хватает необходимого комплекса практических мер, направленных не только на поддержку отдельных групп семей, но и на профилактику возможных проблемных ситуаций в семейной сфере. Это касается большого круга вопросов не только со-

¹ Топилин А.В. Межнациональные семьи и миграция // Социологические исследования. 1995. № 7. С. 76.

циально-экономического, но и нравственного, психологического, социокультурного плана. Анализ проблем формирования межэтнических семей затрагивает и комплекс социально-политических проблем, от решения которых во многом зависит стабилизация внутри- и межэтнических отношений.

В данном контексте важное значение имеет сопряжение семейной и национальной политики на государственном уровне в целях координации усилий по созданию условий для формирования благоприятной этносоциальной ситуации и гармоничных межнациональных отношений в обществе.

В 2012–2014 гг. Президентом и правительством Российской Федерации утверждены основополагающие документы, определяющие развитие российского общества на период до 2025 г. Среди них Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666); Концепция государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года (Распоряжение Правительства РФ на период от 25 августа 2014 г. № 1618-р); Основы государственной культурной политики (Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808). В них рассматриваются, в частности, возможности сопряжения нормативно-правовой базы для комплексного регулирования этносоциальных, этнодемографических, этнокультурных процессов с участием таких субъектов регулирования, как государственные и муниципальные органы управления, семья, национально-культурные объединения граждан.

Так, в Стратегии в качестве одной из задач по обеспечению межнационального мира и согласия, гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений (п. 21 «в») выделено «вовлечение этнокультурных и общественных объединений, религиозных организаций в деятельность по развитию межнационального и межконфессионального диалога, возрождение семейных ценностей»¹.

---

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512/page/3/> (дата обращения 10.10.2015).

К сожалению, этим и ограничилось определение роли семьи как социального института в регулировании межэтнических отношений.

Шире обозначена эта роль в Основах культурной политики. Семья здесь отнесена и к субъектам, и к объектам государственной политики. Среди задач культурной политики в области воспитания выделены: «Возрождение традиций семейного воспитания, преодоления разрыва между поколениями внутри семьи. Утверждение в общественном сознании традиционных семейных ценностей, повышение социального статуса семьи. <...> Предоставление родителям возможности получения доступной педагогической и психологической помощи по вопросам воспитания детей». К числу важнейших задач культурной политики отнесено также «сохранение этнокультурного разнообразия... как важной составляющей этнонациональной идентичности»¹.

В Концепции семейной политики, к сожалению, вообще отсутствуют понятия «этнос», «нация», и она имеет четко выраженный социально-экономический акцент².

В условиях идеологической либерализации и подъема национального самосознания возникает необходимость анализа проблем, связанных с условиями формирования этнически смешанных семей, а также их адаптации в процессе трансформации современного российского общества, в котором этнический фактор стал одним из наиболее важных элементов государственной политики.

Актуальность изучения межнациональных семей и браков объясняется их потенциальными возможностями в содействии процессам укрепления дружественных отношений между людьми разных национальностей и снижения уровня межэтнической напряженности. Вместе с тем такие браки в отдельных ситуациях могут вызывать опасения за состояние национального самосознания тех или иных народов. Существенное влияние на уровень распространенности межнациональ-

¹ Основы государственной культурной политики (Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39208/page/2/> (дата обращения 10.10.2015).

² Концепция государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года (Распоряжение Правительства РФ на период от 25 августа 2014 г. № 1618-р). URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/government/146/> (дата обращения 10.10.2015).

ных браков оказывают исторические традиции различных народов, их этнокультурная близость, установки на межнациональное общение в семье. Степень восприятия молодым поколением этнокультурных ценностей, накопленных в семье, как показывают этносоциологические исследования, во многом зависит от социальной активности обоих родителей, от той среды, в которой живет семья¹.

При анализе формирования этнически смешанных семей нами использован социокультурный подход в его интерпретации П. Сорокиным, понимающим общество, культуру и личность как взаимообусловливающие факторы развития. Это позволило рассмотреть этнически смешанные семьи в качестве субъекта и объекта повседневных межкультурных и межнациональных взаимодействий.

На успешность адаптации этнически смешанных семей в обществе оказывают влияние этносоциальная ситуация и характер межэтнических отношений в конкретных регионах. Оценить условия формирования и проживания этнически смешанных семей позволяют такие характеристики, как динамика межэтнической брачности и этническая специфика заключаемых межнациональных браков, степень стабильности таких браков, этническая идентификация и социализация подростков в этих семьях, уровень миграции, а также уровень материальной обеспеченности².

А.В. Топилин, делая в свое время прогноз динамики семейных структур на географическом пространстве бывшего Советского Союза (на период до 2016 г.), справедливо выделил несколько важных обстоятельств, влияющих на замедление процесса возникновения национально-смешанных семей. Во-первых, он прогнозировал сужение его этнодемографической базы в результате концентрации коренного населения на исторической территории своего проживания и снижение численности других этносов. Во-вторых, сдерживающим фактором для этого, по мнению автора, послужит сохранение межнациональных конфликтов, чреватых перерастанием в отдельных случаях в гражданские войны. В-третьих, он акценти-

---

¹ Шахбанова М.М. Отношение к межнациональным бракам в этническом сознании дагестанцев // Социологические исследования. 2008. № 11.

² Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск: Нонпарель, 2011.

ровал возможное в некоторых бывших союзных республиках уже-
сточение политической линии по отношению к русскоязычному
населению¹.

Этот прогноз, подтвердившийся на практике, говорит о том, что процесс формирования этнически смешанных семей определяется не только региональной спецификой, характером межэтнических взаимоотношений, но и этнополитической и геополитической ситуацией в стране и мире. На него оказывают влияние ценностные установки населения, связанные с отношением к другим народам и этническим группам, которые, с одной стороны, влияют на характер межэтнических отношений, с другой стороны, сами выступают продуктом взаимодействий в межэтническом сообществе – как во времени (динамика), так и в пространстве (РФ и государства ближнего зарубежья).

Рассмотрим динамику этнически смешанных семей (домохозяйств) в одном из важных регионов страны – в субъектах Сибирского федерального округа. В частности, зададимся вопросом, насколько связано формирование этнически смешанных домохозяйств с межэтническими взаимоотношениями и насколько является следствием демографических процессов, относясь в большей мере к демографическим проблемам формирования семей?

Так как при анализе проблем формирования этнически смешанных семей в основном используются статистические данные по домохозяйствам, а выводы переносятся на семьи, то вопрос о соотношении этих двух различных объектов наблюдения нуждается в некотором уточнении.

Связь домохозяйств и демографического типа семьи. Из методических пояснений к материалам переписи: домохозяйство – это группа людей, проживающих в одном жилом помещении или его части, совместно обеспечивающих себя пищей и всем необходимым для жизни, то есть полностью или частично объединяющих и расходящих свои средства. Они могут быть связаны отношениями родства, свойства (браха) или не быть родственниками. Домохозяйство может состоять из одного человека, живущего самостоятельно и обеспечивающего себя всем необходимым для жизни. Объектом

---

¹ Топилин А.В. Межнациональные семьи и миграция...

нашего дальнейшего анализа являются семьи, одиночки (домохозяйства, состоящие из одного человека) нами не рассматриваются.

С учетом того, что анализ основан на материалах переписей, где учетной единицей является домохозяйство, важно рассмотреть, как связаны домохозяйство и демографический тип семьи. В табл. 3.7.1 приведены данные для всех домохозяйств, без деления по этническому признаку, что не позволяет рассмотреть дифференцированно демографическую структуру этнически однородных и смешанных домохозяйств. Такой анализ существенно расширил бы представление о влиянии межэтнического взаимодействия на структуру населения, связанную с типом семейных ячеек.

Структура домохозяйства по определению шире, чем семья, и оно может состоять из одной или нескольких семейных ячеек, а также включать и не родственников. Семья же может тоже состоять из нескольких семейных ячеек, но включать только родственников. Семейные ячейки – это группа лиц, объединенных родственными связями или свойством. Они представлены разными типами: состоящие из брачной пары с детьми или без них, матери или отца с детьми – т.е. четыре типа, которые назовем простыми семьями, в противовес сложным, состоящим из нескольких семейных ячеек.

Соотношение количества домохозяйств и семейных ячеек показывает, насколько они различаются в среднем по региону, что позволяет сделать косвенную оценку структуры домохозяйств и их различия. В случае совпадений, когда на 100 домохозяйств приходится 100 семейных ячеек, можно считать, что в среднем по региону домохозяйства соответствуют семьям и они в основном простые. В случае превышений количества домохозяйств над количеством семейных ячеек мы имеем в среднем по региону более сложный тип домохозяйств, а в случае превышения количества семейных ячеек над количеством домохозяйств – более сложный тип семей. Такая оценка позволяет сделать переход от домохозяйств к семьям, а анализ по двум годам переписей дает возможность посмотреть, как менялся демографический тип домохозяйств.

Таблица 3.7.1

Домохозяйства и семейные ячейки в СФО, 2002–2010 гг.*

Субъект Федерации	Всего семейных ячеек		Всего домохозяйств		Темпы роста численности в 2010 г. в % к 2002 г.		На 100 домохозяйств количество семейных ячеек	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	семей-ных ячеек	домохозяйств	2002 г.	2010 г.
Республика Алтай	56 665	58 763	55 868	56 612	3,7	1,3	101	104
Республика Бурятия	275 713	276 276	268 770	265 545	0,2	-1,2	103	104
Республика Тыва	78 192	81 573	72 488	74 443	4,3	2,7	108	110
Республика Хакасия	159 861	157 281	159 139	155 334	-1,6	-2,4	100	101
Алтайский край	783 655	736 229	776 415	726 053	-6,1	-6,5	101	101
Забайкальский край	326 984	318 704	322 221	312 777	-2,5	-2,9	101	102
Красноярский край	867 679	823 036	868 042	835 154	-5,1	-3,8	100	99
Иркутская область	744 478	696 963	740 203	698 576	-6,4	-5,6	101	100
Кемеровская область	858 689	821 551	854 196	814 512	-4,3	-4,6	101	101
Новосибирская область	795 922	764 258	782 637	774 373	-4,0	-1,1	102	99
Омская область	608 526	583 764	596 013	574 764	-4,1	-3,6	102	102
Томская область	295 966	299 555	301 218	303 122	1,2	0,6	98	99
Сибирский федеральный округ	5 852 330	5 617 953	5 797 210	5 591 265	-4,0	-3,6	101	100
Российская федерация	41 659 520	40 665 579	40 969 926	40 541 873	-2,4	-1,0	102	100

* Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

Сравнение общего количества семейных ячеек и домохозяйств показывает, что во всех субъектах Сибирского федерального округа (СФО) домохозяйство в среднем несколько шире семейной ячейки, за исключением Томской области, где и в 2002 г., и в 2010 г. наблюдаем наличие домохозяйств без семейных ячеек. Причем в 2010 г.

к Томской области добавились Новосибирская область и Красноярский край, где ситуация похожая. Однако здесь их доля мала, что видно из табл. 3.7.1. По соотношению количества семейных ячеек и домохозяйств выделяется Республика Тыва с максимальной долей превышения семейных ячеек, что сопровождается и максимальными различиями в темпах роста количества семейных ячеек.

Следует отметить, что во всех субъектах темпы роста количества семейных ячеек отрицательные (кроме Республик Алтай, Бурятии и Тыва), так же как и темпы роста количества домохозяйств (кроме Республик Алтай, Тыва и Томской области). При отрицательных темпах роста домохозяйств и семейных ячеек практически везде произошло опережение снижения количества домохозяйств по сравнению со снижением количества семейных ячеек. Отсюда следует, что за период 2002–2010 гг. почти во всех субъектах СФО произошло усложнение демографической структуры домохозяйств, что возможно, объясняется жилищными проблемами. В Сибирском федеральном округе темпы снижения количества семейных ячеек и домохозяйств опережают темпы снижения их по России в целом. Наиболее сильно это проявляется в Алтайском и Красноярском краях, в Иркутской и Кемеровской областях. Возможно, это следствие различий в темпах уменьшения численности населения, связанного как с воспроизводством населения, так и с миграционными процессами. Так, в Алтайском и Красноярском краях темпы снижения абсолютной численности брачных пар с детьми моложе 18 лет опережают аналогичные показатели по СФО в целом на 3 и 2 % соответственно.

Более детальный анализ показывает, что демографический тип домохозяйства на три четверти определяют брачные пары, составляющие основу семьи¹. Таким образом, анализ динамики домохозяйств свидетельствует не только о тенденциях их формирования, но и позволяет транспонировать их на семьи.

---

¹ Гончарова Г.С. Динамика и факторы формирования этнически смешанных семей у народов Южной Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Философия. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 98–107.

Таблица 3.7.2

Темпы роста численности этнически смешанных и однородных домохозяйств в СФО за период 2002–2010 гг.*

Субъект Федерации	Количество частных домохозяйств, состоящих из двух и более человек						Темпы роста численности домохозяйств, 2010 г. в % к 2002 г.		
	этнически однородные		этнически смешанные		все домохозяйства				
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	однородные	смешанные	Все домохозяйства
Республика Алтай	46 285	46 722	9583	8495	55 868	55 217	0,9	-11,4	-1,2
Республика Бурятия	240 685	232 351	28 085	24 494	268 770	256 845	-3,5	-12,8	-4,4
Республика Тыва	66 424	69 020	6064	3272	72 488	72 292	3,9	-46,0	-0,3
Республика Хакасия	131 625	130 657	27 514	21 212	159 139	151 869	-0,7	-22,9	-4,6
Алтайский край	675 897	640 339	100 518	68 345	776 415	708 684	-5,3	-32,0	-8,7
Забайкальский край	296 543	285 486	25 678	18 123	322 221	303 609	-3,7	-29,4	-5,8
Красноярский край	728 205	708 348	139 837	89 869	868 042	798 217	-2,7	-35,7	-8,0
Иркутская область	643 464	605 007	96 739	63 153	740 203	668 160	-6,0	-34,7	-9,7
Кемеровская область	748 555	718 694	105 641	71 990	854 196	790 684	-4,0	-31,9	-7,4
Новосибирская область	698 524	671 198	84 113	63 405	782 637	734 603	-3,9	-24,6	-6,1
Омская область	485 962	471 265	110 051	82 942	596 013	554 207	-3,0	-24,6	-7,0
Томская область	255 707	254 336	45 511	33 480	301 218	287 816	-0,5	-26,4	-4,4
Сибирский федеральный округ	5 017 876	4 833 423	779 334	548 780	5 797 210	5 382 203	-3,7	-29,6	-7,2
Российская Федерация	34 901 430	34 031 533	6 068 496	4 497 512	40 969 926	38 529 045	-2,5	-25,9	-6,0

* Посчитано по: Число и состав домохозяйств. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. Т. 6. С. 205, 218–221; Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Динамика численности этнически смешанных и однородных домохозяйств в Сибирском федеральном округе. Сравнение изменения численности этнически однородных и этнически смешанных домохозяйств (семей) по регионам Сибирского федерального округа (табл. 3.7.2) позволит рассмотреть региональную специфику их формирования, выделить особенности, связанные с наличием титульной национальности и (или) численно преобладающей в субъекте федерации. В табл. 3.7.2 приведены данные без домохозяйств, где отдельные члены домохозяйства не указали национальность. За период 2002–2010 гг. наблюдается снижение численности всех домохозяйств во всех субъектах Сибирского федерального округа, так же как и по России в целом.

При рассмотрении всех домохозяйств с учетом лиц, не указавших национальность, также наблюдаются отрицательные темпы роста абсолютной численности домохозяйств во всех субъектах СФО, за исключением Томской области и республик Алтай и Тыва, где они положительные и составляют соответственно 0,6; 1,3; 2,7%.

При анализе тенденций недоучет информации из-за отдельных членов домохозяйств, не указавших национальность, может коснуться только тех субъектов федерации, где изменения относительно небольшие или имеют разную направленность.

Это относится в основном к Томской области, где наблюдается разнонаправленность в темпах роста, при относительно небольших различиях, поэтому погрешность можно оценить как незначимую. Так как наше внимание будет сосредоточено в основном на этнически смешанных домохозяйствах, где показатели относительно высокие, то возможные искажения из-за недостаточности информации не повлияют на рассматриваемые тенденции. Более того, сравнение этнически однородных и этнически смешанных домохозяйств с домохозяйствами, где есть члены семьи, не указавшие национальность, показало, что их структура по количеству человек ближе к этнически смешанным домохозяйствам практически во всех субъектах СФО (кроме Новосибирской, Омской областей и Республики Тыва).

Оценка производилась на основе показателя, вычисленного как полусумма абсолютных разностей относительных частот в распределении по количеству человек в домохозяйстве. Можно предпо-

ложить, что среди не указавших национальность больше лиц из этнически смешанных домохозяйств, т.е. если бы они указали свою национальность, то домохозяйство было бы отнесено к этнически смешанному типу. Наше предположение основано, с одной стороны, на формальной близости распределений, с другой – на качественной стороне, так как распределение, описывающее количество человек в семье, является следствием общих демографических и этнокультурных процессов, позволяющих их дифференцировать не только по количеству человек в семье. В Республике Тыва близость распределения по количеству человек в домохозяйствах, где есть лица, не указавшие национальность, к этнически однородным можно объяснить влиянием этнической структуры населения, где большинство семей (около 90 %) – этнически однородные, тувинские. В Новосибирской и Омской областях, с преимущественным русским населением, близость к этнически однородным семьям, т.е. фактически к русским семьям, позволяет сделать тот же вывод: здесь мы также имеем принадлежность к этническому большинству. В то же время если домохозяйства с лицами, не указавшими национальность, можно в большей степени считать смешанными, то тогда почему они не указали национальность? Связано ли это с трудностями в самоидентификации или есть другие мотивы? Все это требует отдельного рассмотрения.

Темпы снижения численности всех типов домохозяйств в 2010 г. по отношению к 2002 г. по СФО были выше средних значений по России в целом, с некоторой дифференциацией по субъектам. Снижение численности этнически смешанных домохозяйств было выше, чем этнически однородных, во всех субъектах СФО.

Снижение темпов роста абсолютной численности домохозяйств, происходящее под влиянием естественного и механического движения населения, обусловлено изменением численности населения, ее структурных характеристик. Изменение структурных характеристик населения, в частности типа домохозяйств, их этнической однородности/неоднородности является следствием демографических и этносоциальных процессов.

Из табл. 3.7.2 видно, что темпы роста абсолютной численности этнически смешанных домохозяйств во всех субъектах СФО в период 2002–2010 гг. были отрицательными, так же как и для этнически

ски однородных домохозяйств (кроме Республики Алтай и Тыва, где они положительные и составляют соответственно 0,9 и 3,9 %). Следует отметить, что в Республике Тыва при положительных темпах роста абсолютной численности этнически однородных домохозяйств было зафиксировано максимальное снижение численности этнически смешанных домохозяйств (–46 %) по сравнению с другими субъектами Сибирского федерального округа. В то же время в Республике Алтай при положительных темпах роста численности этнически однородных домохозяйств отмечено минимальное снижение численности этнически смешанных домохозяйств (–11,4 %). Условия для формирования этнически смешанных домохозяйств в этих двух республиках существенно различаются. При увеличении количества этнически однородных и уменьшении этнически смешанных домохозяйств в обеих республиках наблюдаем, с одной стороны, минимальное уменьшение (в Республике Алтай), с другой – максимальное уменьшение (в Республике Тыва) по отношению к аналогичным показателям для других субъектов СФО, что может быть предметом более подробного анализа.

Возможно, это связано с различиями в изменениях этнической структуры населения, сокращением межэтнических контактов, а также с характером межэтнических взаимоотношений. Или это результат роста числа лиц, не знающих русский язык, что может быть следствием увеличения однородных по национальному признаку типов поселений. Так, в Республике Тыва в 2002 г. 15,6 % тувинцев признавали себя не владеющими русским языком, а в 2010 г. их стало уже 18,1 %¹. Основной причиной увеличения доли тувинцев, не владеющих русским языком, является сокращение доли русских в этнической структуре населения Республики Тыва. Этот процесс начался в 90-е годы. Доля тувинцев за период 1989–2010 гг. увеличилась на 17,7 % и составила 82 %, а доля рус-

---

¹ Национальный состав и владение языками, гражданство (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года) Т. 4, кн. 1. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. С. 98; Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

ских сократилась с 32 % до 16,3 %¹. Республика Тыва становится практически моноэтничной. В результате население утрачивает коммуникативные навыки общения на русском языке, что осложняет взаимодействие не только с русскими, но и с проживающими в Туве представителями других народов. Кроме того, незнание русского языка затрудняет процесс обучения на всех уровнях, так как увеличение количества людей, не владеющих русским языком, в значительной степени затрагивает тувинскую молодежь. Таким образом, сокращение этнически смешанных домохозяйств (семей) связано не только с радикальными изменениями в этнической структуре населения, но и с их последствиями, приведшими к увеличению доли лиц, не владеющих русским языком. Среди титульных этносов в других республиках СФО, за исключением тувинцев Республики Тыва, наблюдаем снижение доли лиц, не владеющих русским языком. У алтайцев в Республике Алтай доля таковых за 2002 – 2010 гг. сократилась на 1,5 % (с 7,6 до 6,1 %), у бурят в Республике Бурятия – на 1,4 % (с 3,9 до 2,5 %) и у хакасов в Республике Хакасия – на 0,6 % (с 2,1 до 1,5 %)².

Сравнение темпов роста численности этнически смешанных и однородных домохозяйств показывает, что при одинаковой направленности, а именно при снижении численности тех и других в 2010 г. по сравнению с 2002 г., наблюдаются различия в интенсивности этого снижения – уменьшение численности этнически смешанных домохозяйств в значительной степени опережает снижение численности этнически однородных. Наибольшие различия в темпах изменения этнически смешанных и однородных домохозяйств наблюдались в Томской области (в 49 раз), затем следует Республика Хакасия (в 31 раз), Красноярский край (в 13 раз), а в остальных субъектах они ниже (в 4–8 раз). Можно предположить, что в субъектах с большими различиями

¹ Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). М.: Республ. информ.-изд. центр, 1990. С. 145; Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

² Национальный состав и владение языками, гражданство (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года). Т. 4, кн.1. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. С. 95–96, 99; Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

в этом плане этносоциальные проблемы доминируют над демографическими и оказывают большее воздействие на формирование этнически смешанных домохозяйств.

Темпы роста доли этнически смешанных и однородных домохозяйств в Сибирском федеральном округе. Кроме различий в темпах изменения абсолютной численности этнически смешанных и однородных домохозяйств в субъектах, существуют различия в соотношении этнически однородных и этнически смешанных домохозяйств, которые складывались исторически и были обусловлены условиями проживания народов на рассматриваемой территории и характером взаимодействий между ними.

Из табл. 3.7.3 видно, что во всех субъектах СФО темпы роста доли этнически смешанных домохозяйств, так же как и темпы роста их абсолютной численности (табл. 3.7.2), в 2010 г. по отношению к 2002 г. были отрицательные, а этнически однородных – положительные.

В СФО наименьшая доля этнически смешанных домохозяйств – в Республике Тыва и Забайкальском крае, а наибольшая – в Республике Алтай и Омской области.

Наибольшие темпы снижения этнически смешанных домохозяйств в 2002–2010 гг. произошли в Республике Тыва (–45,9 %) и Красноярском крае (–30,1 %), наименьшие – в республиках Алтай (–10,3 %) и Бурятия (–8,7 %). Это свидетельствует о существенных различиях между субъектами СФО в условиях как формирования домохозяйств, так и их существования.

Относительное увеличение доли русского населения (кроме Республик Тыва, Бурятия и Алтай) сопровождалось сокращением абсолютной численности русского населения во всех субъектах СФО, кроме Томской области. Минимальное сокращение их абсолютной численности было в Республике Алтай, а максимальное – в Республике Тыва. Следует отметить, что, несмотря на снижение абсолютной численности русского населения во всех субъектах СФО (кроме Республики Тыва), оно является наиболее многочисленным по сравнению с другими народами. Анализ динамики и факторов формирования этнически смешанных домохозяйств (семей) у народов Южной Сибири показал, что на снижение темпов их роста существенное влияние оказывает изменение этнической структуры

регионов, особенно связанное с уменьшением доли представителей тех национальностей, которые наиболее предрасположены к этническому смешиванию на уровне семьи¹.

Таблица 3.7.3

Темпы роста доли этнически смешанных и однородных домохозяйств в СФО в период 2002–2010 гг.*

Субъект федерации	Частные домохозяйства, где все члены домохозяйств указали свою национальность				Темпы роста доли домохозяйств, 2010 г. в % к 2002 г.	
	этнически однородные		этнически смешанные			
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	этнически однородные	этнически смешанные
Республика Алтай	82,8	84,6	17,2	15,4	2,1	-10,3
Республика Бурятия	89,6	90,5	10,4	9,5	1,0	-8,7
Республика Тыва	91,6	95,5	8,4	4,5	4,2	-45,9
Республика Хакасия	82,7	86,0	17,3	14,0	4,0	-19,2
Алтайский край	87,1	90,4	12,9	9,6	3,8	-25,5
Забайкальский край	92,0	94,0	8,0	6,0	2,2	-25,1
Красноярский край	83,9	88,7	16,1	11,3	5,8	-30,1
Иркутская область	86,9	90,5	13,1	9,5	4,2	-27,7
Кемеровская область	87,6	90,9	12,4	9,1	3,7	-26,4
Новосибирская область	89,3	91,4	10,7	8,6	2,4	-19,7
Омская область	81,5	85,0	18,5	15,0	4,3	-18,9
Томская область	84,9	88,4	15,1	11,6	4,1	-23,0
Сибирский федеральный округ	86,6	89,8	13,4	10,2	3,8	-24,2
Российская Федерация	85,2	88,3	14,8	11,7	3,7	-21,2

* Посчитано по: Число и состав домохозяйств. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 6 М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. С. 205, 218–221. Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

¹ Гончарова Г.С. Динамика и факторы формирования этнически смешанных семей у народов Южной Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Философия. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 98–107.

В Республике Алтай за 2002–2010 гг. произошло относительное и абсолютное сокращение русских (на 1,5 и 1,6 % соответственно), а доля этнически смешанных домохозяйств (по данным микропереписи 1994 г.), в составе которых были русские, составляла 43,5 %, что не могло не повлиять на сокращение темпов роста всех этнически смешанных домохозяйств.

В Республике Хакасия за 2002–2010 гг. произошло абсолютное сокращение численности русских (на 2,5 %), немцев (на 34,8 %) и хакасов (на 3,7 %). Доля этнически смешанных домохозяйств (по данным микропереписи 1994 г.), в составе которых были представлены эти национальности, составляла 36,3 %, что также оказало влияние на снижение темпов роста этнически смешанных домохозяйств в регионе.

Аналогичные процессы имели место в республике Тыва, а именно: сокращение численности русских (на 19,5 %) и доля этнических домохозяйств (по микропереписи 1994 г.), в составе которых были русские, составляла 31,1 %, что не могло не повлиять на сокращение темпов роста этнически смешанных домохозяйств.

Таким образом, на сокращение темпов роста доли этнически смешанных домохозяйств во всех рассматриваемых регионах существенное влияние оказало изменение этнической структуры населения и сокращение численности групп, обеспечивающих максимальное этническое смешивание. Причины сокращения числа и доли представителей этих народов в регионах связаны с миграцией и различиями в естественном движении населения.

К сожалению, из-за отсутствия информации о национальном составе этнически смешанных домохозяйств в материалах переписей 2002 и 2010 гг., в отличие от микропереписи 1994 г., анализ сделан без выделения этнических типов этих домохозяйств.

Рассмотрение факторов, оказывающих влияние на сокращение темпов роста этнически смешанных домохозяйств, было бы неполным без анализа изменений, связанных с установками на межэтническое общение – как на уровне семьи, так и в целом в обществе. В качестве иллюстративного материала для обозначения некоторых важных проблем по данному вопросу приведем результаты конкретно-социологических исследований ценностных ориентаций

учащейся молодежи Республик Саха (Якутия) и Хакасия по поводу национальности при выборе супруга (супруги)¹.

Если судить по ответам опрошенных молодых людей, для большинства из них (61–84 %) национальность не имеет значения при выборе брачного партнера, за исключением русской молодежи в Республике Хакасия, где доля таковых меньше половины (47 %).

В Республике Саха (Якутия) треть учащейся молодежи считает, что супруги должны быть одной национальности, в то время как в Республике Хакасия такого мнения придерживаются 44 % молодежи. Отношение к национальности супруга(и) в республиках различается в разных этнических группах. В Республике Хакасия среди русской молодежи по сравнению с хакасской молодежью больше сторонников этнически однородных браков (54 против 24 %). В то же время в Республике Саха (Якутия) мнения русской и якутской и молодежи по этому вопросу практически совпадают и составляют 39 и 37 % соответственно. Русская молодежь Хакасии настроена более этноцентрично по сравнению с русской молодежью Якутии (54 и 39 % соответственно). Хакасская молодежь настроена менее этноцентрично по сравнению с якутской молодежью (доля сторонников этнически однородных браков – соответственно 24 и 37 %)².

Заметим, что хакасская молодежь в 1990-е г. была настроена менее этноцентрично в вопросе по поводу национальности при выборе супруга по сравнению с 2000 и 2010 гг. Об этом свидетельствует, в частности, исследование В.П. Кривоногова. Если в 1990-е гг. доля высказавшихся за этнически однородные браки составляла среди хакасской молодежи всего около 13 %, то в 2000 г. наблюдался скачок этноцентристских настроений, связанных с отношением к национальности брачного партнера. Этот уровень сохранился в 2010 г.³

Данную тенденцию фиксируют и исследования, проведенные в Республике Хакасия в 2002 и 2010 гг. сотрудниками сектора эт-

¹ Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск: Автограф, 2014.

² Там же.

³ Кривоногов В.П. Хакасы. Этнические процессы во второй половине XX века. Абакан: Центавр, 1997. С. 98.

носоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Согласно данным этого исследования, доля хакасских респондентов с этноцентристской установкой по данному вопросу составила 26 % в 2002 г., которая осталась практически на том же уровне в 2010 г. (24 %). К сожалению, применительно к русской молодежи Республики Хакасия нет сведений за 1990-е г., но по данным наших исследований за период 2000–2010 гг. доля этноцентристских настроений, связанных с выбором национальности супруга, у русской молодежи увеличилась с 26 до 53 %. Очевидно, для объяснения причин этого факта следует иметь в виду общую обстановку в стране. Возможно, русское население в республике начало больше заботиться о сохранении своего этноса и учитывать увеличивающуюся миграцию в страну и в отдельные регионы представителей других этносов, взаимоотношения с которыми ставит целый ряд серьезных общих и индивидуальных проблем.

Так, в материалах коллективной монографии, представляющей результаты форсайт-исследования будущего Республики Саха (Якутия) в горизонте времени до 2050 г., где освещаются проблемы социально-культурного воспроизводства народа саха в долгосрочной перспективе, в разделе «Социальные технологии поддержки молодежи при создании семей» выделена специальная задача по формированию определенной общественной установки: дети в «смешанных» (в этническом отношении) семьях должны вырастиать людьми Севера – якутами, эвенами, эвенками, юкагирами, долганами, чукчами. При этом фиксируется четкая установка: «необходимо уменьшить “потери” численности коренных народов через идентификацию детей смешанных семей в качестве русских»¹.

Зафиксированные исследователями изменения этнической самоидентификации также оказывают существенное влияние на темпы роста этнически смешанных семей. Это прежде всего касается части молодежи, придерживающейся этноцентристских взглядов

---

¹ Будущее Республики Саха (Якутия). Социально-культурное воспроизведение народа саха. Политика сохранения и развития коренных народов: науч. моногр. Кн. 1 / научн. ред. В.С. Ефимов, Е.И. Михайлова. Якутск: Изд. дом Сев.-Вост. фед. ун-та, 2014. С. 280.

и ориентирующейся в основном на формирование этнически однородных семей¹.

В положительной же динамике численности и доли этнически смешанных семей отражаются интегративные тенденции этносоциальных процессов и комплементарный характер межэтнических взаимодействий. Формирование у молодежи позитивных установок межэтнического общения является важным фактором такой динамики.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующее заключение. Динамика численности и доли в населении региона этнически смешанных домохозяйств (семей) – сложный многофакторный процесс, в котором интегрируются социально-экономические, демографические и культурные составляющие. Одним из наиболее важных факторов этого процесса является изменение этнической структуры населения. В Сибирском федеральном округе на сокращение численности этнически смешанных семей сильное влияние оказывает негативная динамика численности и доли русских в отдельных субъектах федерации. Важную роль в отрицательной динамике этих семей играет рост этноцентристских установок молодежи при выборе друзей и брачных партнеров. Повышению научной и политической значимости проблемы этнически смешанных семей может способствовать расширение конкретных этносоциологических и этнодемографических исследований объективных и субъективных факторов формирования этого типа семей, а также обоснование его важной роли в гармонизации межнациональных отношений и укреплении потенциала региональных межэтнических сообществ.

¹ Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты; Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий / под ред. Ю.В. Попкова, В.Г. Костюка. Новосибирск: Изд. дом «Манускрипт», 2013.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе анализа итогов массового опроса населения акцент был сделан на подробном описании его результатов применительно к каждому из регионов, в котором проходило исследование – в Новосибирской области, Республике Алтай и Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (ХМАО). Здесь дадим общую сравнительную характеристику полученных социологических данных по трем регионам с акцентом на самых крупных населенных пунктах в каждом из них – Новосибирске, Горно-Алтайске и Сургуте.

При относительно высоком уровне удовлетворенности своей жизнью во всех регионах, он несколько ниже в Новосибирской области (в Новосибирске – чуть выше значений по сельским районам), чем в Югре и Республике Алтай (здесь в сельских районах – немного выше значений по Горно-Алтайску). При этом в сельских районах Новосибирской области больше всего респондентов (почти треть), которые относят себя к людям с малым достатком, а в сельских алтайских районах больше всего (6 %) оценивших себя как имеющих высокий уровень доходов. В Югре, особенно в Сургуте, больше всего опрошенных (чуть более 70 %) отнесли себя к группе людей со средним достатком (что примерно на 20 % выше значений по другим регионам).

Во всех трех субъектах Федерации опрошенные в большей степени не удовлетворены уровнем доходов (наибольшая доля недовольных этим в сельских районах Новосибирской области и в Горно-Алтайске), медицинским обслуживанием (самые низкие показатели – в Новосибирске и области) и работой местных органов власти (наибольший процент недовольных – в Сургуте и ХМАО в целом). Что касается остальных сторон жизни, то сельские жители Республики Алтай высказывают меньше, чем респонденты из других регионов, претензий к жилищным условиям, но больше других – к работе учреждений культуры, а опрошенные из Новосибирска и области больше других недовольны работой учреждений образования.

Социальное самочувствие, определяемое отношениями в трудовом коллективе, судя по ответам опрошенных, характеризует наличие комфортной для этого среды во всех регионах (с мини-

мальными различиями). Что касается отношений с руководителями по работе, то несколько больше претензий высказывают жители Горно-Алтайска и сельских алтайских районов, а также респонденты из ХМАО.

Отношения с соседями по месту проживания рассматривают в целом как несколько менее благополучные, чем отношения в трудовом коллективе (нормальные отношения здесь преобладают над хорошими). Более высокие позитивные показатели по данному вопросу в Республике Алтай. Здесь же выше доля респондентов, оценивающих отношения к себе со стороны других жителей своих населенных пунктов как хорошие. Наибольший процент рассматривающих такие отношения к себе как недружелюбные – в Югре, особенно в Сургуте (хотя он является в целом небольшим – 6–7 %).

Достаточно высокими во всех регионах являются показатели, характеризующие позитивный настрой респондентов относительно своей традиционной национальной (этнической) культуры. Абсолютное большинство из них (85–91 %) считают важным для себя, а также для своих детей и внуков, знать язык и культуру своего народа. В Югре доля таковых несколько ниже средних значений. Чуть менее значим во всех регионах настрой на соблюдение традиций своего народа в повседневной жизни (с несколько большими значениями в Новосибирске). Еще менее значимым является соблюдение религиозных традиций. В большей степени позитивно на это настроены сельские жители Республики Алтай (80 %).

Три четверти всех опрошенных в Новосибирской области и Ханты-Мансийском автономном округе – Югре выразили высокую степень настроя на уважительное отношение к культурам других народов. В Республике Алтай таковых еще больше. Но здесь, особенно среди сельских жителей, одновременно выше доля тех, кто придерживается этноцентристской установки, характеризующей желание жить среди людей своей национальности. В то же время половина всех опрошенных из Сургута заявили, что это является неважным для них (в других регионах этот показатель ниже).

Как было показано в процессе конкретного анализа, для опрошенных во всех регионах характерна высокая значимость разных видов идентичности. В то же время результаты опроса позволяют зафиксировать некоторые внутрирегиональные различия. Доля

респондентов, подчеркнувших высокую важность для себя гражданской идентичности (она превалирует среди разных видов идентичности во всех регионах – 80–88 %), несколько выше в ХМАО, в том числе в Сургуте, и в сельских районах Республики Алтай. В последнем случае больше всего также доля людей с выраженной этнической идентичностью (83 %) в отличие от Югры, где таковых меньше, чем в других регионах – 75 %. В Югре также меньше и сторонников сибирской идентичности (больше их в сельских районах Новосибирской области и Республики Алтай). Региональная идентичность сильнее выражена на Алтае, прежде всего среди сельских жителей, меньше – в ХМАО.

Значимые региональные различия существуют в оценке характера доминирующих межнациональных отношений. Респонденты Югры и Новосибирской области (с более выраженной критической позицией в Сургуте и Новосибирске) рассматривают эти отношения скорее как терпимые, чем хорошие, в Республике Алтай (прежде всего, в сельских районах), напротив, скорее хорошие, чем терпимые. В ХМАО, особенно в Сургуте, наибольшая доля тех, кто считает эти отношения напряженными или даже враждебными. Как отмечалось ранее, одна из главных причин такой позиции связана с имевшими место в данном регионе резонансными инцидентами на национальной почве.

В то же время следует сказать, что во всех регионах оценка наличных отношений к людям одной с респондентом национальности является гораздо более позитивной, чем общая оценка существующих межнациональных отношений в конкретных населенных пунктах. Данный факт может свидетельствовать о формировании в общественном сознании определенного противоречия: возникновения чувства беспокойства и страха в связи с общей изменяющейся (усложняющейся) структурой региональных межэтнических сообществ (прежде всего, под влиянием активных миграционных процессов) и сохраняющимся высоким уровнем удовлетворенности характером межличностных контактов на локальном уровне.

Общественное мнение относительно динамики межнациональных отношений также имеет региональные различия. По преимуществу как стабильные за последние два-три года оценивают межнациональные отношения в своем регионе респонденты Республи-

ки Алтай, а среди остальных здесь преобладают те, кто считает, что эти отношения улучшились. В Сургуте и Новосибирске отношения рассматривают как стабильные почти в два раза меньше опрошенных, зато среди остальных доминируют негативные оценки, которые наиболее сильно выражены у сургутских респондентов. Аналогичная ситуация касается оценок ближайшего будущего межнациональных отношений с той лишь разницей, что в Сургуте (и в ХМАО в целом) негативные прогнозы не преобладают над позитивными. В самых крупных населенных пунктах, в которых проходил опрос, – Новосибирске и Сургуте – больше всего и тех, кто допускает возможность конфликтов на национальной почве в ближайшем будущем. В Республике Алтай таковых в 2,5 раза меньше.

Город Сургут лидирует по количеству респондентов, заявивших о случаях негативных проявлений в межнациональных отношениях, свидетелями которых они являлись за последние полгода, а именно: оскорблений, угроз или драк на национальной почве, неравнoprавия в устройстве на работу, неуважительного отношения к мигрантам, пренебрежения традициями русских и других народов, оскорблений религиозных чувств, националистической и религиозно-экстремистской пропаганды, а также деятельности этнических преступных группировок. Это опять говорит о наличии определенного уровня межнациональной напряженности в данном городе.

В оценке отношения местного населения к мигрантам у респондентов преобладает (с небольшими различиями по регионам) неоднозначный диагноз: они утверждают, что бывает по-разному. Практически одинаковой по регионам является доля тех, кто дает нейтральную оценку по данному вопросу. А вот в соотношении тех, кто считает отношение к мигрантам в основном положительным или отрицательным, существуют различия: в Республике Алтай преобладают первые, в ХМАО и Новосибирской области – вторые, причем более критичными являются жители крупных городов, особенно Сургута.

Таким образом, по результатам анализа данных массового опроса можно сделать обобщающий вывод о том, что этносоциальная ситуация и межнациональные отношения в разных своих проявлениях более критично оцениваются в тех регионах и населенных пунктах, которые являются привлекательными для мигрантов

и отличаются наибольшей палитрой и интенсивностью межэтнических (межнациональных) контактов. В нашем случае к ним принаследуют Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Новосибирская область, а здесь, прежде всего, города Сургут и Новосибирск. Применительно к таким регионам требуется, как обосновывалось ранее, разработка специальных мер, направленных на адаптацию не только мигрантов к принимающему сообществу, но и местного населения – к новой для них этносоциальной ситуации. Актуальным остается также совершенствование механизма, инструментов и действенных средств для успешной реализации этнической политики на региональном и муниципальном уровнях.

С учетом мнений экспертов, представляющих разные регионы (субъекты федерации) Сибирского федерального округа, а также существующей на данный момент нормативно-правовой базы, можно сформулировать следующие приоритеты в реализации задач государственной национальной политики: 1) укрепление кадрового состава и повышение квалификации работников подразделений, отвечающих за данное направление в региональных и муниципальных органах управления, 2) совершенствование механизма соответствующего финансирования, 3) укрепление связи органов власти региона и местного самоуправления, 4) улучшение координационной деятельности разных подразделений органов власти на региональном и муниципальном уровнях.

Приложение

УТВЕРЖДЕНО

на заседании Консультативного совета
по вопросам этнокультурного развития
и межнациональных отношений
при мэрии г. Новосибирска

Протокол № 2
от 17 апреля 2013 г.

**КОНЦЕПЦИЯ
РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В ГОРОДЕ НОВОСИБИРСКЕ¹**

I. Общие положения

Концепция реализации национальной политики в городе Новосибирске (далее Концепция) – система положений, конкретизирующих Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в интересах устойчивого развития городского сообщества на основе ценностей свободы и безопасности, справедливости, благосостояния и здоровья, гармоничного сочетания высокой гражданственности, позитивной сибирской и этнической идентичности городских жителей. Концепция разработана с учетом особенностей современной этносоциальной ситуации и межнациональных отношений в городе и опирается на положения Хартии города Новосибирска, Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2025 года, Стратегического плана устойчивого развития города Новосибирска, Комплексного плана действий по гармонизации межэтнических отношений в Новосибирской области на 2011–

---

¹ Непосредственными авторами текста Концепции являются Ю.В. Попков и Е.А. Тюгашев. Но в нем нашли отражение идеи и оценки многих людей: работников разных служб мэрии и некоторых федеральных структур, городских районных администраций, руководителей национально-культурных организаций, представителей научного сообщества; обобщены многочисленные статистические и социологические данные, документальные источники.

2016 годы. Концепция является основополагающим документом стратегического планирования в области национальной политики на муниципальном уровне.

Концепция учитывает роль Новосибирска как делового, научно-образовательного и культурного центра Новосибирской области и Сибирского федерального округа. Будучи городом-мегаполисом, расположенным на пересечении важнейших транспортных коммуникаций и находящимся в центре сибирских территорий между главными экономическими и демографическими гигантами Евразии – Европой и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, он призван играть важную роль в интеграции многонационального евразийского пространства, стать примером гармоничных межнациональных отношений. Условием этого является сохранение общественной стабильности, межнационального мира и согласия, укрепление и реализация потенциала многонационального городского сообщества. Ответственность за жизнь будущих поколений горожан требует сохранения сложившихся и поиска новых форм социального партнерства, в т.ч. в области межнациональных отношений.

Реализация национальной политики в городе Новосибирске должна стать фактором, обеспечивающим достижение основных целей устойчивого развития городского сообщества – роста экономического потенциала, улучшения благосостояния жителей и обеспечения безопасной жизни, развития духовной культуры и улучшения качества городской среды.

Политика в сфере этнокультурного развития и межэтнических отношений в городе Новосибирске осуществляется, прежде всего, посредством обеспечения прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией Российской Федерации, а также диалога и сотрудничества между органами местного самоуправления и институтами гражданского общества, среди которых особая роль принадлежит национально-культурным, межнациональным и религиозным организациям.

Правовую основу национальной политики в городе Новосибирске составляют Конституция Российской Федерации, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, федеральные законы и иные нормативные

правовые акты Российской Федерации, Новосибирской области, правовые акты мэрии и настоящая Концепция.

II. Этносоциальная ситуация, состояние межнациональных отношений и опыт их регулирования в Новосибирске

Новосибирск изначально формировался как многонациональный и многоконфессиональный город. По мере своего развития он становился все более многонациональным, при этом в этнической структуре всегда абсолютное большинство составляло русское население. Согласно данным переписи населения 2010 года, в Новосибирске проживали представители более 120 национальностей. Русские составляют 92,8 % населения. Доля представителей каждой из всех других национальностей не превышает одного процента. В 2012 году число жителей Новосибирска превысило 1,5 млн человек.

Сформировавшись как переселенческий город, Новосибирск имеет более чем вековую историю позитивных межнациональных и межконфессиональных взаимодействий, опыта сотрудничества и согласия в городском сообществе. Межнациональные отношения в городе отличает дух «сибирского интернационализма», возникшего в совместном труде и партнерстве. Традиционно Новосибирск характеризуется стабильными межнациональными и межконфессиональными отношениями. В настоящее время абсолютное большинство жителей Новосибирска межнациональные отношения в городе считают нормальными, благожелательными и дружественными. В то же время каждый восьмой-девятый представитель взрослого населения оценивает их как напряженные. Таким образом, при общем благополучии часть жителей испытывает дискомфорт в межнациональных отношениях.

С процессами миграции и ассимиляции, смены этнической идентичности проявляются тенденции к изменению пропорций в этническом составе населения Новосибирска. В последнее десятилетие относительно стабильной остается численность русского населения города (динамика в пределах 1 %). С 1989 года существенно снизилась численность украинцев, немцев, татар, чувашей,

белорусов, евреев. Это стимулировало потребность в самосохранении этнических общин, налаживании постоянных связей с исторической родиной, поддержании этнической идентичности и ее позитивной репрезентации в городском сообществе.

В то же время в этот период многократно выросла численность коренных народов Средней Азии, Кавказа, Азиатско-Тихоокеанского региона, увеличилось число прибывающих в Новосибирск на работу и обучение из других регионов России. В связи с этим актуальными являются вопросы их социокультурной адаптации в городском сообществе, земляческой и этнической самоорганизации.

Мигранты занимают определенные ниши на рынке труда города: в сфере услуг, строительстве, торговле, транспорте и связи, ЖКХ. Они оказали влияние на социокультурный ландшафт Новосибирска. На территории города образовались заселенные по этническому признаку места их компактного проживания. Значительная часть живущих в данных местах иностранных граждан допускает нарушения миграционного законодательства и привлекается к административной ответственности. Имеют место инциденты на национальной и религиозной почве и точечная межэтническая напряженность.

В начальных классах школ, расположенных вблизи мест компактного проживания представителей различных национальностей, число детей, не говорящих на русском языке, достигает 70 %. Это создает серьезные сложности в организации образовательного процесса.

В конце 1980-х и особенно в середине 1990-х годов в Новосибирске учреждены многие национальные общественные организации, число которых к настоящему времени составляет более 60-ти. Их деятельность направлена в основном на сохранение и развитие этнической культуры, на помочь согражданам в адаптации и обустройстве на территории города.

Учитывая общность задач и необходимость решения совместных вопросов, по инициативе национальных организаций в 1994 году была учреждена Ассоциация национально-культурных автономий и организаций г. Новосибирска и Новосибирской области «Содружество», объединяющая сегодня более 20 организаций. Ассоциация реализует взвешенную политику по формированию доброжелательных межнациональных отношений, содействует раз-

витию межкультурного диалога, сохранению традиций народов, проживающих в городе Новосибирске.

Мэрия города Новосибирская в течение многих лет активно взаимодействует с национально-культурными автономиями и организациями. При ее содействии в 1998 году создан Городской Центр национальных литератур, который стал центром межнационального общения, культурно-просветительской деятельности, духовно-нравственного и патриотического воспитания. В 2001 году при мэрии образован Консультативно-координационный совет по делам национально-культурных автономий и организаций. В 2012 году он преобразован в Консультативный совет по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений при мэрии города Новосибирска – постоянно действующий коллегиальный совещательный орган по рассмотрению вопросов гармонизации межнациональных отношений, сохранения и развития национальных культур народов, проживающих в городе Новосибирске.

Важным результатом взаимодействия мэрии с национальными организациями стала реализация городских целевых программ муниципальной поддержки национально-культурных автономий и организаций. Стало традиционным проведение в городе многочисленных межнациональных мероприятий, конкурсов, интеллектуальных игр, спортивных соревнований и др. Большую роль в популяризации знаний о культурах разных народов, обобщении опыта межнационального согласия, конструктивного взаимодействия органов власти и национальных организаций играют городской межнациональный журнал «Содружество наций» и телевизионная программа «Мир наций».

Особое внимание уделяется духовно-нравственному, интернациональному воспитанию детей и молодежи, в том числе в школах с многонациональным составом учащихся. При них действуют специальные экспериментальные площадки. Организуются семинары-тренинги с различными категориями работников общеобразовательных школ, сталкивающихся с проблемами организации образовательного процесса в классах с многонациональным составом. С 2009 года работает Межнациональный молодежный совет.

Важную роль в реализации задач национальной политики, в гармонизации межнациональных и межконфессиональных отно-

шений, духовно-нравственном воспитании и социальной поддержке населения играют религиозные организации. В Новосибирске в настоящее время действуют около 130 религиозных объединений и организаций различных конфессий, 10 сибирских региональных религиозных центров. Органами местного самоуправления оказывается содействие организациям традиционных конфессий в реализации социально значимых программ и проектов, направленных на всестороннюю помощь малообеспеченным группам населения, на адаптацию мигрантов к местным условиям, формирование культуры межнационального общения, организацию и проведение для жителей города духовно-просветительских, культурно-массовых мероприятий. Все это способствует укреплению мира и согласия в городском сообществе.

В целом сложившаяся практика этнокультурного развития и регулирования межнациональных отношений в Новосибирске характеризуется:

- множественностью форм социальной самоорганизации этнических групп;
- координацией деятельности органов местного самоуправления и институтов гражданского общества, прежде всего национально-культурных и религиозных организаций, по широкому комплексу вопросов этнокультурного развития и межнациональных отношений;
- установкой на укрепление межнациональных контактов в совместных акциях и мероприятиях;
- ориентацией на развитие культуры как действенного механизма взаимопонимания между народами;
- признанием важности познания жителями Новосибирска традиций и культур разных народов;
- установкой на позитивное освещение межнациональных отношений в средствах массовой информации, на создание специальных СМИ, отражающих жизнь многонационального Новосибирска.

Позитивный опыт сложившейся в Новосибирске практической политики по сохранению этнокультурной самобытности, поддержанию и развитию этнических культур и языков с опорой на приоритет формирования доброжелательных, гармоничных межнациональных отношений как условия общего благополучия городского

сообщества и его устойчивого развития должен быть закреплен и должен получить дальнейшее совершенствование в условиях меняющейся этносоциальной ситуации. Решению данной задачи служит настоящая Концепция.

III. Цели, принципы, приоритетные направления и задачи национальной политики в городе Новосибирске

Целями реализации национальной политики в городе Новосибирске являются:

- а) формирование единства и консолидация городского сообщества на основе духовной общности народов Российской Федерации при скрепляющей роли русской культуры и русского языка;
- б) создание условий по удовлетворению этнокультурных потребностей жителей для сохранения и развития этнокультурного многообразия городского сообщества, поддержка культуры и языков разных этнических групп города, взаимное уважение традиций и обычаев этнических групп;
- в) гармоничное развитие этнических групп и межнациональных отношений;
- г) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и др.;
- д) создание условий для успешной социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в городское сообщество.

Основными принципами реализации национальной политики на муниципальном уровне являются:

- а) обеспечение целостности, безопасности и устойчивого развития городского сообщества;
- б) уважение национального достоинства граждан, недопущение нарушения внутринационального и межнационального мира и согласия, разжигания расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды;
- в) преемственность исторического опыта сибирского интернационализма, солидарности и взаимопомощи представителей разных этнических групп;
- г) комплексность решения задач государственной национальной политики на муниципальном уровне;

д) укрепление и развитие русской культуры и языка как объединяющего начала духовно-нравственного потенциала городского сообщества;

е) взаимодействие органов местного самоуправления с органами государственной власти, федеральной миграционной службой РФ по Новосибирской области и институтами гражданского общества при реализации задач национальной политики, преемственность и обогащение позитивного опыта такого взаимодействия.

Приоритетными направлениями реализации национальной политики на муниципальном уровне являются:

а) совершенствование муниципального управления в сфере реализации задач национальной политики, согласование деятельности органов местного самоуправления, государственной власти, общественных национальных и религиозных организаций по обеспечению мира и согласия, гармонизации межнациональных отношений;

б) этнокультурное развитие новосибирского городского сообщества на базе его традиционных ценностей, укрепление его единства и духовной общности при объединяющей роли русской культуры и языка;

в) совершенствование системы образования, гражданско-патриотического, интернационального и духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения;

г) создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов;

д) информационное обеспечение реализации задач национальной политики в городе Новосибирске;

е) научная оценка и прогнозирование развития межнациональных отношений, мониторинг социального самочувствия разных этнических групп и раннее предупреждение конфликтных ситуаций.

Основными задачами реализации приоритетных направлений национальной политики в городе Новосибирске являются следующие.

В области муниципального управления, взаимодействия органов местного самоуправления с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации:

– обеспечение динамичного, сбалансированного и комплексного развития Новосибирска, учет задач реализации национальной

политики в документах органов местного самоуправления стратегического планирования и в актах муниципального управления;

– оказание содействия органам государственной власти по выявлению, профилактике и нейтрализации негативных тенденций и угроз в сфере межнациональных отношений и проявлений экстремизма;

– совершенствование деятельности Консультативного совета по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений при мэрии города Новосибирска и расширение социального партнерства в работе по повышению общероссийского гражданского самосознания, гармонизации межнациональных отношений, обеспечению социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов;

– поддержка деятельности и повышение ответственности национальных и религиозных общественных организаций в работе по развитию межнационального и межконфессионального диалога, возрождению семейных ценностей, выявлению и удовлетворению этнокультурных потребностей граждан, содействию адаптации мигрантов, противодействию экстремизму, национальной и религиозной нетерпимости;

– развитие этнокультурной инфраструктуры, в том числе домов дружбы, центров национальной культуры, иных муниципальных учреждений, деятельность которых направлена на решение задач национальной политики;

– совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих по общим вопросам национальной политики Российской Федерации и особенностям ее реализации на разных уровнях управления.

Задачи по содействию этнокультурному развитию:

– воспитание уважения к истории, культуре и языку русского народа и народов России, к мировым культурным ценностям;

– обеспечение сохранения и развития этнокультурного потенциала Новосибирска на основе идей единства и дружбы народов, активное использование историко-культурного потенциала города Новосибирска и Новосибирской области для формирования гражданственности и патриотизма, позитивных установок в межэтнических отношениях;

– повышение политico-правовой культуры жителей города Новосибирска в области межэтнических отношений, содействие формированию нетерпимого отношения к проявлениям ксенофобии и бытового национализма;

– развитие межнациональных и межрегиональных культурных связей, поддержка проведения интернациональных акций, направленных на взаимообогащение этнических культур;

– развитие этнографического и культурно-познавательного туризма, оздоровительных и рекреационных зон, расширение муниципальной поддержки национальных видов спорта;

– содействие развитию народных промыслов и ремесел в целях сохранения традиционных этнокультур;

– совершенствование системы подготовки профессиональных кадров в сфере культуры, в том числе специалистов по различным направлениям национальной культуры.

Задачи в сфере образования, гражданско-патриотического, интернационального и духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения:

– формирование у детей и молодежи на всех этапах образовательного процесса общероссийского гражданского самосознания, чувства патриотизма и гордости за историю нашей страны и своего народа,уважительного отношения к культурным традициям, языку и духовно-нравственным ценностям народов России;

– воспитание культуры межнационального общения, интернационализма, традиций солидарности и межнационального согласия; поддержка общественных инициатив, направленных на патриотическое и интернациональное воспитание;

– содействие созданию в образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования структур студенческого самоуправления (клубов, советов и других) на интернациональной основе;

– создание и развитие системы специальных мер по организации образовательного процесса в школах с многонациональным составом учащихся;

– вовлечение институтов гражданского общества, молодежных и детских общественных объединений в проведение мероприятий

по профилактике проявлений межнациональной нетерпимости в детской и молодежной среде;

– подготовка, переподготовка и повышение квалификации педагогических кадров, в том числе для эффективной работы в школах с многонациональным составом учащихся.

Задачи по формированию системы социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов:

– координация деятельности органов местного самоуправления и общественных организаций по социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в межэтническое сообщество Новосибирска;

– содействие повышению социальной ответственности бизнес-сообществ за инициируемую ими трудовую миграцию, социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов;

– привлечение из регионов России, государств ближнего и дальнего зарубежья высококвалифицированных специалистов, в использовании труда которых заинтересовано городское сообщество;

– совершенствование системы мер, обеспечивающих уважительное отношение мигрантов к культуре и традициям городского сообщества, позитивным этическим нормам и правилам поведения, принятым в Новосибирске;

– развитие поселенческой структуры и городской инфраструктуры, учитывающей многообразие этнокультурных укладов жизни разных групп населения, противодействие формированию в Новосибирске замкнутых анклавов мигрантов по этническому признаку.

Задачи по информационному обеспечению реализации национальной политики:

– освещение в средствах массовой информации позитивного опыта деятельности органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, общественных объединений, религиозных организаций и ученых по актуальным вопросам реализации государственной национальной политики Российской Федерации;

– распространение рекламной и промышленной продукции, производство и размещение в теле- и радиоэфире роликов социальной рекламы и иной видеопродукции, поддержка создания произведений литературы, искусства, тематических радио- и телепередач, газетных и журнальных рубрик, интернет-проектов, пропаган-

дирующих общие достижения народов России и направленных на реализацию целей и задач государственной национальной политики Российской Федерации;

– совершенствование мер стимулирования деятельности телевидения и радиокомпаний, печатных средств массовой информации, журналистов, освещающих события в сфере межнациональных отношений, включая поддержку социально значимых проектов, направленных на реализацию целей и задач Стратегических ориентиров;

– использование мер общественного контроля в целях недопущения публикаций, направленных на разжигание межнациональной или межконфессиональной нетерпимости.

Задачи в области научно-организационной и исследовательской деятельности:

– проведение и широкое обсуждение результатов систематических научных исследований по актуальным вопросам межнациональных отношений и этнокультурного развития, эффективности реализации национальной политики в городе;

– обобщение результатов исследований этносоциальных процессов и опыта реализации национальной политики в виде аналитических и информационных материалов, научных и научно-популярных изданий;

– организация мониторинга состояния и динамики социального самочувствия различных этнических групп и межнациональных отношений;

– разработка мер по раннему предупреждению конфликтных ситуаций.

IV. Механизм реализации национальной политики в городе Новосибирске

Концепция реализации национальной политики входит в систему документов муниципального стратегического планирования, выступая одним из условий обеспечения Стратегического плана устойчивого развития города Новосибирска.

Эффективность реализации национальной политики в Новосибирске обеспечивается непрерывной и согласованной деятельно-

стью органов местного самоуправления и институтов гражданского общества, расширением социального партнерства.

Координация деятельности по реализации Концепции осуществляется Консультативным советом по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений при мэрии города Новосибирска с привлечением экспертов, представителей структурных подразделений мэрии, правоохранительных органов, администраций районов города для выработки решений в указанной сфере.

Важным инструментом реализации настоящей Концепции является разработка и реализация целевых программ и иных нормативно-правовых документов, финансовая поддержка социально ориентированных проектов некоммерческих организаций.

Координацию деятельности органов местного самоуправления города Новосибирска, анализ состояния межнациональных отношений и этнокультурного развития, выработку рекомендаций по гармонизации межнациональных отношений осуществляет Управление общественных связей мэрии Новосибирска.

В целях разработки социально ориентированных проектов, направленных на оптимизацию межнациональных отношений, интеграцию мигрантов в городское сообщество, воспитание культуры межнационального общения, поддержание в Новосибирске мира и гражданского согласия проводится мониторинг состояния межнациональных отношений и социального самочувствия разных этнических групп.

Информационная и аналитическая поддержка реализации настоящей Концепции может осуществляться путем привлечения экспертов, информационных ресурсов заинтересованных организаций и органов местного самоуправления, муниципальных учреждений.

Корректировка Концепции осуществляется по результатам анализа промежуточных итогов их реализации, результатам мониторинга состояния межнациональных отношений и социального самочувствия разных этнических групп, а также по рекомендации Консультативного совета по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений.

Актуальные вопросы национальной политики в городе Новосибирске регулярно обсуждаются на общественных слушаниях, научно-практических конференциях, семинарах, «круглых столах» с участием заинтересованных участников.

Реализация настоящей Концепции призвана способствовать формированию гражданской идентичности, укреплению общегородского самосознания, этнокультурному развитию национальных групп, гармонизации межнациональных отношений, обеспечению общественной безопасности, правопорядка, социальной стабильности и устойчивому социально-экономическому развитию, а также росту позитивного имиджа и привлекательности Новосибирска.

Председатель Совета,
Мэр города Новосибирска

В.Ф. Городецкий

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (Ю.В. Попков).....	3
Раздел 1. Онтология этносоциальных процессов	
1.1. Содержание понятия «этносоциальные процессы» (Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев).....	8
1.2. Этносоциальные процессы в развитии цивилизации (Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев).....	22
1.3. Концепт межэтнического сообщества (В.В. Мархинин, И.В. Удалова).....	32
Раздел 2. Методологические проблемы государственной этнонациональной политики в России	
2.1. Модели регулирования этносоциальных процессов: исторический контекст (Е.А. Ерохина).....	39
2.2. Целевые ориентиры и концептуальные вопросы современной государственной национальной политики (Ю.В. Попков).....	51
2.3. Социокультурный подход и региональная этнонациональ- ная политика (Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев).....	62
2.4. Региональные приоритеты в реализации государственной национальной политики (Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев).....	78
2.5. Субъектно-ориентированный подход в этнонациональной политике по отношению к коренным малочисленным наро- дам Севера (Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев).....	88
2.6. Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества в структуре регионального управления (Ю.В. Попков, В.Г. Костюк).....	97

Раздел 3. Динамика этносоциальных процессов и этнонациональная политика в регионах Сибири	
3.1. Современные этносоциальные процессы в Сибири: общие тенденции и проблемы регулирования (Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев).....	106
3.2. Экспертное сообщество Сибири об актуальных проблемах национальной политики (Ю.В. Попков).....	130
3.3. Ориентиры муниципальной этнонациональной политики и этносоциальная ситуация в Новосибирске (Ю.В. Попков).....	138
3.4. Этносоциальная ситуация в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (Ю.В. Попков, Е.А. Ерохина).....	171
3.5. Влияние миграции на динамику этносоциальных процессов в Югре (В.В. Мархинин, И.В. Удалова).....	195
3.6. Специфика этносоциальных процессов и этнонациональной политики в Республике Алтай (С.А. Мадюкова, О.А. Персидская).....	204
3.7. Динамика этнически смешанных семей в Сибирском федеральном округе (Г.С. Гончарова).....	233
Заключение (Ю.В. Попков).....	252
Приложение. Концепция реализации национальной политики в городе Новосибирске (Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев).....	257

Научное издание

Попков Юрий Владимирович, Тюгашев Евгений Александрович,
Ерохина Елена Анатольевна и др.

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНАХ СИБИРИ

Оригинал-макет подготовлен
в ИФПР СО РАН

Фото на обложке *Ю.В. Попкова*

Дизайн обложки
Е.Н. Сентябовой

Подписано в печать 10.11.2015
Формат 60 x 90 $\frac{1}{16}$. Уч.-изд. л. 16, 9 Усл. печ. л. 18,3
Тираж 300 экз. Заказ № 247

Издательство СО РАН
630090, Новосибирск, Морской проспект, 2
E-mail: psb@sibran.ru; тел. (383) 330-80-50
Отпечатано в Издательстве СО РАН
Интернет-магазин Издательства СО РАН <http://www.sibran.ru>